

Д.С.Кулмаматов, О.О.Чупонов, А.Э.Худайкулов
О.Т.Хужанова, Ф.Ш.Фаизова

Лексика русской деловой письменности: истоки и современное состояние

Коллективная монография

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА

УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕРМЕЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Д.С.КУЛМАМАТОВ, О.О.ЧУПОНОВ, А.Э.ХУДАЙКУЛОВ,
О.Т.ХУЖАНОВА, Ф.Ш.ФАИЗОВА**

**ЛЕКСИКА РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ:
ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ТАШКЕНТ
«Университет»
2023**

УДК: 811.161.1'373

ББК: 81.2Рус-5

Л 43

Кулмаматов Д.С., Чупонов О.О., Худайкулов А.Э., Хужанова О.Т., Фаизова Ф.ИИ. Лексика русской деловой письменности: истоки и современное состояние: коллективная монография / под ред. Д.С.Кулмаматова. – Т.: «Университет», 2023. – 200 с.

В коллективном труде исследуется лексическая содержательность памятников – восточные слова и англицизмы, содержащиеся в текстах русской деловой письменности XVII века, хранящихся в фондах 134 «Сношения России с Хивой» и 109 «Сношения России с Бухарой» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве, официальных документов – указов и постановлений Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан, а также других организаций России и Узбекистана. Данная книга задумана как издание, призванное отразить основные направления исследований и результаты, полученные Научной лингвистической школой доктора филологических наук, профессора Д. С. Кулмаматова.

Монография представляет интерес для лингвистов, занимающихся исследованием в области изучения истории восточной и английской лексики.

The collective work explores the lexical content of the monuments – oriental words and anglicisms contained in the texts of Russian official-business writings of the 17th century, stored in funds 134 «Relations of Russia with Khiva» and 109 «Relations of Russia with Bukhara» of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) in Moscow, official documents – decrees and resolutions of the Presidents of the Russian Federation and Republic of Uzbekistan, as well as other organizations of Russia and Uzbekistan. This book is conceived as a publication designed to reflect the main areas of research and the results obtained by the Scientific Linguistic School of Doctor of Philological Sciences, professor D. S. Kulmatov.

The monograph furnish interest to linguists, engaged in research in the field of Eastern and English vocabulary history.

УДК: 811.161.1'373

ББК: 81.2Рус-5

Л 43

Рецензенты:

Шереметьева Анна Геннадиевна – доктор филологических наук, профессор НУУз

Омонов Кудратилла Шарипович – доктор филологических наук, профессор ТГУВ

Щитка Нелля Николаевна – кандидат филологических наук, доцент НУУз

Редакционная коллегия:

Фаизова Феруза Шакировна – д.ф.н. (PhD), доцент, НУУз

Хужанова Озода Таджиевна – д.ф.н. (PhD), доцент ТЕРГУ

Рекомендовано Советом Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(Протокол № 11 от «25» ноября 2022 г.)

ISBN: 978-9943-9011-3-1

© Издательство «Университет», Ташкент, 2023 г.

*Посвящается светлой памяти д.ф.н.,
профессора Игоря Георгиевича Добродомова
(1935–2022)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии представлены статьи, выполненные лингвистами, занимающимися этимологией, семантическими особенностями восточных лексических единиц, содержащихся в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII вв., англицизмами, употреблёнными в текстах официальных документов – указов и постановлений Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистана, а также других организаций России и Узбекистана.

В творческую группу авторов входят учёные-лингвисты: доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков (УзГУМЯ) Д. С. Кулмаматов, доктор филологических наук, профессор Ургенчского государственного университета (УргГУ) О. О. Чупонов, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент Термезского государственного университета (ТермГУ) А. Э. Худайкулов, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент Термезского государственного университета (ТермГУ) О. Т. Хужанова, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент Национального университета Узбекистана (НУУз) Ф. Ш. Фаизова.

Монография включает пять разделов по направлениям исследований.

В первом разделе представлено исследование Д. С. Кулмаматова, посвящённое рассмотрению функционирования восточных реалий в текстах: а) русской скорописной деловой письменности из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. – старинных русских переводов челобитных хивинских и бухарских послов; б) росписей ханских и посольских подарков, предназначенных российским правителям и другим должностным лицам; в) статейных списков российских посланников в Среднюю Азию; г) отписок воевод русских городов; д) Посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII в.

Раздел второй содержит исследование О. О. Чупонова, в котором анализируется состав титулатуры российских царей XVII века. На основе фактического материала – посольских книг по связям России с Хивой и

Бухарой XVII века описываются время, причины появления и изменения лексических единиц, употреблённых в качестве титулов российских царей.

В третьем разделе представлена работа А. Э. Худайкулова, посвящённая изучению английских заимствований, употреблявшихся в текстах официальных документов: указах, законах, постановлениях Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан, а также других организаций России и Узбекистана, написанных на русском языке в XXI веке.

В четвёртый раздел включена статья О. Т. Хужановой, где автор на большом фактическом материале рассматривает проблемы, связанные с исследованием истории и семантики восточной экзотической лексики, функционировавшей в текстах памятников русской деловой письменности XVI–XVIII вв.

Пятый раздел включает исследование Ф. Ш. Фаизовой, в котором на материале статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. анализируется целый ряд лексических единиц дипломатического, предметно-бытового, торгового и ономастического характера, как собственно русского, так и иноязычного происхождения.

В целом, монография отражает историю употребления собственно русской и иноязычной лексики, содержащейся в текстах русской деловой письменности XVI–XVIII вв. и современных русских официально-деловых документов XXI в. Она может быть интересна для широкого круга лингвистов, занимающихся исследованиями в области изучения истории русской лексики.

Д. С. Кулмаматов,
доктор филологических наук,
профессор

Раздел первый

Д.С.КУЛМАМАТОВ

Доктор филологических наук, профессор

ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДЕЛАХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА XVII В.

Аннотация. В статье рассматривается функционирование восточных реалий в текстах русской скорописной деловой письменности из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. – старинных русских переводах челобитных хивинских и бухарских послов, росписях ханских и посольских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам, статейных списках русских посланников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов, Посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой, хранящихся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» Центрального государственного архива древних актов в Москве. Показана лингвистическая содержательность указанных источников: на большом фактическом материале проанализирована адаптация восточных реалий в текстах старинных русских переводов челобитных хивинских и бухарских послов, ханских и посольских подарков, написанных на официальных среднеазиатских языках – турки и фарси XVII в., а также пути их проникновения в словарный состав русского языка. Самое главное, каждая из этих восточных реалий исследована в сопоставлении с соответствующим ей восточным эквивалентом. Отмечено, что они предоставляют в распоряжение лингвистов ценный материал для решения ряда актуальных теоретических вопросов русской исторической лексикологии: 1) толкование восточных реалий в скорописных русских текстах среднеазиатских дел Посольского приказа; 2) выявление восточных реалий, не засвидетельствованных в Словаре русского языка XVI–XVII вв.; 3) более ранняя фиксация восточных реалий, чем в исторических словарях русского языка; 4)

установление и уточнение нового значения некоторых восточных реалий.

Ключевые слова: *перевод, челобитная, словарь, восточная реалия, русский язык, Посольский приказ.*

Введение

Введение в научный оборот памятников русской деловой письменности и изучение их словарного состава является одной из важных задач русской исторической лексикологии, не получившей до сих пор своего окончательного разрешения. Особую значимость в этом отношении представляют «реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1986: 68]. Реалии, игравшие немаловажную роль в формировании и развитии словарного состава русского литературного языка, особенно XVII в., по своему происхождению разнообразны. Обращают на себя большое внимание среди них и по объёму, и по значению восточные реалии, встречающиеся в текстах русских скорописных деловых памятников из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. – старинных русских переводах ярлыков хивинских и бухарских ханов, челобитных их послов, росписях ханских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам; грамотах российских царей, статейных списках русских послапников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов, челобитных переводчиков и толмачей Посольского приказа, Посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой, хранящихся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» Центрального государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве.

Наблюдение над словарным составом вышеперечисленных русских дипломатических документов показало, что в них использовалось немалое количество восточных реалий, характерных для среднеазиатских языков (тюрки и фарси) XVII в. Это наименования лиц – *диванбеги*, *язычей*, *мулла*, *мехтерь*, *топчебаши*, *кюнелдеи* (*кюнелдеи*), *парваначей*, *аталык*, *дарага*; дипломатическая лексика – *рундук*; названия животных – *бабр*, *барс*, *йулбарс* (*елбарс*); названия тканей – *дороги*, *киндяк*, *кумач*, *зарбаф*; названия денежных единиц – *деньга*, *тамга*, *акча*; название растения – *югари*; название племени – *едисанцы*.

Многие из перечисленных выше слов были объектом исследования ряда лингвистов. Но следует помнить, что иной раз, несмотря на большое количество работ, некоторые вопросы, касающиеся истории русских слов, из-за отсутствия конкретного лингвистического материала все ещё остаются до конца не изученными. Ответить на подобные вопросы можно только путём пересмотра прежних исследований при привлечении новых достоверных источников. Чтобы удостовериться в этом, остановимся на отдельных восточных реалиях, представляющих значимость для выяснения вопроса относительно истории заимствованных слов в русском языке и функционирования их в среднеазиатских делах Посольского приказа XVII в. При этом важно учитывать то, что в большинстве случаев восточные реалии, заимствованные русским языком в то время, можно проверить на основе их соответствий, содержащихся в виде оригинала на восточных языках – тюрки и фарси, являвшихся официальными государственными языками ханств, расположенных на территории Средней Азии в XVI–XVII вв. – Хивы и Бухары (об этом подробнее см.: [Кулмаматов 1994: 19–20]).

1. Особенности функционирования восточных реалий в текстах русской деловой письменности

ДИВАНБЕГИ. Восточная реалия – دیوانبگی [dīvānbēkī], образованная из арабо-персидского دیوان [dīvān] ‘суд, трибунал, судилище, судебное разбирательство, процесс, правительственное

собрание, заседание государственных чинов' [Гаффаров, I: 361] и тюркского بك [bëk] 'князь, вельможа, дворянин, господин' [Будагов, I: 263], в тюркских языках означала «начальника внешнеполитического ведомства среднеазиатских ханств», так называемого دیوان‌خانه [divānkhānə]. Название данного среднеазиатского дипломатического учреждения определено в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова следующим образом: 'судь, судебный дом, присутственное место, палата, кабинет, канцелярия' [Будагов, I: 582]. Значение восточной реалии *диванбеги*, образованное на тюркской почве, было хорошо известно иностранным послам, в том числе российским, так как все канцелярские дела, имеющие отношение к сношениям среднеазиатских ханств с другими странами, в частности с Россией, проводились под непосредственным руководством диванбеги. Поэтому в текстах документов русской деловой письменности, отражающих дипломатические отношения России с Хивинским и Бухарским ханствами XVII в., *диванбеги* употребляется довольно часто. В этом можно убедиться, обращаясь, например, к статейным спискам посольств в Хиву и Бухару российских посланников:

Ивана Хохлова (1620–1622 гг.): «Посыла^а о^а Ива^а о полоненик^а говори^т црѣвѣ даде что^б имѣ по црѣвѣ прика^зу велѣ^л дати я^алыкѣ которые во^аные полоненники похотя^т и^тти на Р^у и н^а бы и^тти был^а без^пениш црѣвѣ де дядя Неди^р двѣ^абег^и велѣ^л ем^у Иван^у выт^и ъ себя...» [РГАДА, ф. 109, оп. I, 1622 г., д. 1, л. 31];

Бориса и Семена Парухиных (1669–1673 гг.): «И Борис говори^а диван^бег^и при^алана грамота о^т великого г^дря цр^я ... к^ъ н^х д^аази^з царю для совѣ^ту и др^убы а велѣ^но ем^у Борис^у по^анести т^у любите^лн^ю великого г^дря грамот^у царю н^х д^аази^з а не н^а боярам^ъ ...

¹ Тексты, взятые из источников, воспроизводятся по правилам лингвистического издания памятников русской письменности XVII в. Сплошной русский скорописный текст членится на слова в соответствии со словоделением, принятым в современном русском языке, и воспроизводится с сохранением букв ъ, ѣ, ѝ, ѥ, ѧ, Ѩ, ѩ, ѫ, Ѭ, ѭ, соответствующих по своему значению современным кириллическим соответственно я, е, ѣ, у, ф, з, кс, о, а также титла. Буквенная цифирь сохраняется и воспроизводится прописными буквами в квадратных скобках.

А какъ Бори^с великого г^дря грамоту по^носи^л А^бдази^ну царю і в то время Бориса з грамотою великого г^дря вели по^друки честно ближне^н бояринъ дива^нбѣги Ма^мметъмази^нбе^н а по^друку ве^л бояринъ и с^вя^та^н б^уха^нско^н Дата^нха^нбѣк^н а привели к царю с правую сторону к ца^рскому мѣст^у на пристѣ^н и у Бориса приня^л велико^г г^дря его ц^рского величѣ^тва грамоту А^бдази^на ца^р самъ чесно припо^ня^нся о^т мѣста» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, лл. 45 об. – 46, 47 об. – 48].

Интересно, что в статейном списке Бориса и Семена Пазухиных хивинский диванбеги назван дьяком¹: «Да "анжин" людя^н ... дьяку А^бд^ул^укеримеря пара соболе^н» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, лл. 30–31], а в тексте статейного списка Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару (1641–1643 гг.) рядом с восточной реалией диванбеги как эквивалент употреблено слово греческого происхождения дьяк: «Да б^уха^нского ж Неды^нмагаметя царя ч^лку Шах^у аману^н которой вы^л 8 ни^н Оннисима Грибова в приставѣ^х да царевы^н ближни^н люде^н и и^н люде^н по^дтачему да Аса^н хосинну^н ч^лку да цареву^н діаку дива^нбекню да Бенту^н дану по^д А^б [4] а^ршина сукна красн^н ч^лку цена по^д А^б [2] ру^нли а^ршин^н» [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1641 г., д. 2, л. 157]. Самое главное, автором (подьячим) посольского отчета Пазухиных – Афанасием Прошлецовым восточная реалия диванбеги (диванбекии) истолкована в самом контексте: «Да Борис^у * говори^л бли^нже^н бояри^н Магаме^нмазе^н бѣи диванбеги которо^н у ц^ря под аталыкомъ² пе^рво^н ч^лвк^н по^д указу^н а^е ц^ря ихъ Абдаазиза и по чин^у б^уха^нско^н принимае^т онъ дива^нбѣги у^н с^яжи^н при^нѣ^нжи^нхъ пословъ і по^даннико^н присылачныя г^дрскіе грамоты на се^н мѣсте (ответной палате – Д. К.) і относитъ царю А^бдаазиз^у» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, л. 45].

Как свидетельствуют приведённые примеры, диванбеги по рангу равнялся думному дьяку ‘начальнику канцелярии по дипломатической

¹ Дьяк – должностное лицо – письмоводитель [см.: Кулмаматов 2008: 268].

² Аталык – занимающий место отца, воспитатель, попечитель ... В Бухаре титул اتالیق [atāliq – Д.К.] тоже означал дядька, а впоследствии обратился в самый высший чин при дворе, так что нередко аталыкам подчинялись и самые ханы [Будягов, I: 8–9].

части' Посольского приказа и руководил ханской канцелярией. Поэтому толкование, имеющееся в Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв.] по поводу восточной реалии *диванбеги* 'титул старейшины совета, правительственного учреждения', на наш взгляд, нуждается в уточнении. К тому же цитированный нами выше из подлинника контекст с её объяснением в нем даётся в сокращённом варианте по опубликованному тексту «Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г.» [НБСП] под 1673 годом: «Ближней бояринъ Магаметь–Мазерь–бий диванъ–беги, которой у царя подъ аталыкомъ первой человекъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 243]. Наверное, неточное цитирование и привело составителей к неправильному толкованию, это, во–первых. Во–вторых, хронологическую характеристику восточной реалии *диванбеги* можно было определить более ранним временем – 1621 годом на основе приведённого нами выше контекста, взятого из статейного списка Ивана Хохлова.

ЯЗЫЧЕЙ. Среди восточных реалий особый интерес представляет также *язычей*, содержащийся в неопубликованных русских скорописных документах Посольского приказа, связанных с пребыванием в 1671–1675 гг. бухарского посла Муллофора в Москве: «В ннѣшнемъ во **•РѢД•** [1671. – Д. К.] годѣ генваря въ **•КЗ•** [27. – Д. К.] ^{ае} прише^а к великомѣ г^дрю і великомѣ кнзю Алѣѣю Михайловичю всеа Великиа и Малыя и Бѣлыя Росні самодѣжцу к Москве вѣха^аского А^едүлаис хана посланецъ Мүллофаръ а с нимъ сынъ ево да **язычей** да людей ево і кошевара^а **•СИ•** [16 – Д. К.] члвкъ» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1671 г., д. 1, л. 16]. В общей сложности в указанных источниках восточная реалья *язычей* употреблена 26 раз. Первым делом на неё обратили своё внимание историки–источниковеды – издатели Сборника князя Хилкова [СКХ], поясняя ее сначала словом *толмач* [СКХ: 514], а потом – *переводчик* [СКХ: 457]. С. В. Жуковский, пользуясь материалом данного сборника, также пришёл к заключению, что восточная реалья *язычей* соответствует русскому слову *переводчик* [Жуковский 1915: 215]. В любом случае

оба объяснения представляются сомнительными. При внимательном изучении посольских дел Муллофора нам удалось найти документы, где вместо восточной реалии *язычей* употреблены слова *подьячий*¹ и *писарь*² [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1671 г., д. 1, л. 6–7; 100]. На это обратил внимание в своё время – 1744 г. Н. Н. Бантыш-Каменский, поясняя восточную реалию *язычей* при помощи термина «подьячий»: «7179 (1671) года генв. 27 приехать в Москву бухарской посланец Муллофоръ а с ним сынъ его да язычей (то ез подьячей) да людей и кашевровъ его 16 человекъ» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1619–1744 гг., д. 1, л. 11].

Порою невнимательное изучение содержания текстов памятников русской деловой письменности приводит к ошибочному суждению. Например, в «Словаре малопонятных слов» (составитель А. С. Булгаков), приложенном к «Материалам по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» [МУТТ ССР], *язычей* отождествлён со словом *язык*: «язычей – то же, что язык», а последнему термину в другой словарной статье этого же словаря дано следующее толкование: «пленник, от которого расспросами выведывают сведения о неприятеле: обвинитель, обличитель перед судом» [МУТТ ССР: 461]. И. Г. Добродомов, не соглашаясь с данным объяснением, на материале лексикографических источников и при помощи этимологических соображений на базе тюркских соответствий (в частности, тур. ЙАЗЫДЖЫ, татар. ЙАЗУЧЫ «писец») установил правильную семантику тюркской реалии *язычей* – «писец» [Добродомов 1985: 60–65].

Вышеизложенный материал свидетельствует о том, что тюркская реалия *язычей*, не фиксированная лексикографическими источниками русского языка со значением «должностное лицо, занимающееся в восточных канцеляриях письменными делами» и соответствующее по рангу русскому *подьячему*, «помощнику дьяка, занимавшемуся письменными делами в царской канцелярии», было известно большому

¹ Слово *подьячий* образовано от др.-русс. *подьякъ*, *иподьякъ* и восходит к греч. ὑποδίακονος «помощник дьяка». «Приставка под- здесь народно-этимологического происхождения» [Фасмер 1987, III: 301–302].

² Качалкин А. Н. по поводу слова *писарь* пишет следующее: «Небезынтересна история сдвига *писарь*, свойственного иноземной канцелярии, а затем полноправно вошедшего в русский канцелярский обиход. В XV–XVI вв. слово *писарь* употребляется в русском деловом языке лишь по отношению к людям польского государства» [Качалкин 1988: 56].

кругу лиц Посольского приказа (об этом подробнее см.: [Кулмаматов 2018]).

МУЛЛА. Восточная реалия мулла арабского происхождения, содержащаяся в словарном составе русского языка, употреблялась в тюркских языках первоначально в двух значениях: 1) 'учитель закона и других предметов; ученый, священнослужитель', 2) 'должность священника, т.е. право служить в мечети и толковать Алкуран' [Будагов, II: 251]. В памятниках русско-среднеазиатской деловой письменности термин «мулла» встречается довольно часто с новой семантикой, возникшей на тюркской почве. Он в русском деловом языке, наряду с восточной реалией *язычий*, обозначал человека, занимающегося письменными посольскими делами. Например, в деле, касающегося приезда в 1699 г. хивинского посла Достакбагадыра, читаем: «Роспись имяна^а инозе^а цовъ которые приехали с хиви^а ски^а посл^а к великому г^адрю к Москвѣ с Достакбагатыре^а мо^ала Мук^а Шихъ Хожаалакъ Досвакъ мо^ала Уга мо^ала Ле^агерн мо^ала Юсуп мо^ала Худа^а б^ардн Ха^апа Када^а б^ардн Жавакъ мо^ала А^адүла Ниясъ Бадн^а м^алла Решн^а ...» [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 145].

Необходимо отметить, если же восточная реалия *мулла* писалась перед собственными именами, то указывала просто на грамотного человека, умеющего писать и читать восточные тексты, если она писалась после них, то – священнослужителя.

СлРЯ XI–XVII вв. восточную реалию *мулла* впервые фиксирует в *Хождении на Восток* Ф. А. Котова в первой четверти XVII века под 1624 годом: «Из мечети вышли ... их мултылы» [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 307]. Этот же словарь отмечает её и в *Летописном сборнике*, именуемом *Патриаршею* или *Никоновской летописью*, под 1557 годом, но в другой форме – *молла*: «Астороханские люды, Чалым–уланъ въ головахъ, и мольлы и ходжыи и шихи и шихзады» [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 247]. Однако в нем отмеченный нами случай – употребление восточной реалии *мулла* с собственными именами – не отражен.

Наряду с указанным явлением следует отметить и то, что на обороте листов, на которых написаны русской скорописью тексты челобитных хивинского посла, оформленные, скорее всего, русскими подьячими при помощи переводчиков или толмачей Посольского

приказа, имеются записи, произведённые муллами арабской графикой по-тюркски, в правильности его слов: ايلچى ترېدن عبدالله قول باستى [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 145 об.] – [īlchī tārābdān ‘ābdālā qōl bāstī] – дословно: ‘со стороны посла Абдулла руку приложил; بو چلمفتتکه من ملا [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 146 об.] – [bū chēlāftītnākə māl mūlā muqīm īlchīnīk būyrūgīnjā qōl qōyūdīm] – дословно: ‘к этой челобитной я мулла Муким по велению посла руку приложил’.

МЕХТЕРЬ. СлРЯ XI–XVII вв. восточную реалию *мехтерь* впервые фиксирует в значении ‘придворный сановник в ханствах Средней Азии, ведавший приёмом иностранных посольств’ в Наказе Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч под 1673 годом: «И того жъ числа прислать царя Абда–Азиза дворецкой мехтерь Метипь Борису съ товарищи корму» [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 132].

Мехтерь нами отмечен более ранним временем – в статейном списке посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в значении ‘конюх’ под 1643 годом: «**А** после посолства г^древъ (Федора Михайловича – Д. К.) посланникъ Анисимъ Грибо^в говори^т о то^м рускомъ полонѹ вли^тнимъ црвы^м людемъ **А**санъ хо^се да Касимъ хо^се да **Б**ла^ттеше вно да Тариве^дкю ме^хтерю и приставѹ **А**ма^н яса^вм^у что^м Нады^ммаметь цр^ь для црского ве^мчества дру^жбы и лю^вви руски^х полоняниковъ ... о^тп^усти^т» [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1641 г., д. 2, л. 129].

В словаре И. Д. Ягелло «**مهتر** [mēhtēr – Д. К.] – более великий; старший; принц, господин, вождь, губернатор; тот, кто метет или чистит; конюх, стремянной» [Ягелло 1910: 1625]. Согласно данным словаря М. А. Гаффарова, «**مهتر** [mēhtēr – Д. К.] 1) большой; высший; старший; глава; 2) конюх» [Гаффаров, II: 839].

Судя по месту в списке «ближних царевых людей», мехтерь занимал в среднеазиатской иерархии не столь уж высокое место, хотя имеющиеся данные не позволяют сделать уточнения.

БАБР–БАРС. Восточная реалия *бабр* в скорописных русских текстах среднеазиатских дел Посольского приказа встречается часто. В

частности, она нами зафиксирована в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Девлетмамета царю Алексею Михайловичу от 1657 г.: «У него посла дары что посланы были к ва^м великому г^одрю о^т царя (хивинского Абдул-Газы – Д.К.) ... о таму роспи^с ... два а^ггамака серые три ннох^тца г^неды два се^ла два вакра» (в тюркском оригинале, написанной арабской графикой, русскому слову *бабр* соответствует *يولبارس* [yǔlbārs] – дословно ‘полосатый барс’) [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 83 – русский перевод; л. 82 – тюркский текст].

В русских письменных памятниках *бабр* впервые по материалам СлРЯ XI–XVII вв. отмечается в первой половине XVII в. в «Хождении на Восток» Ф. А. Котова под 1624 годом: «А что въ Казбинѣ звѣрь бабръ величествомъ болши лва, а шерстью глиннасть, а шерсть ниска, а по немъ полосы черны поперегъ, а губа что у кота и прыскъ котовой, а самъ черевистъ, ноги коротки, а длиною дологъ, а голосомъ великъ и страшень, ногти что у льва!» [СлРЯ XI–XVII вв., I: 62].

Эта реалья, по свидетельству М. Фасмера, заимствована русским языком из персидского (*babar*) через тюркский язык в виде *bäbr* ‘тигр’ [Фасмер, I: 100]. Вслед за ним один из составителей первого тома второго издания «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах [ССРЛЯ] – Г. Н. Складневская возводит её тоже к тюркскому *bäbr*, что, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку заимствованной русским языком восточной реалии *бабр* в иноязычных оригиналах (тюрки и фарси) среднеазиатских деловых документов XVII в. соответствует *يولبارس* [yǔlbārs]. Л. З. Будагов и В. В. Радлов персид. *бабр* переводили словом ‘леопард’ [Будагов, I: 241; Радлов, IV (2): 1565]. Однако, вероятно, оба перевода являются неудачными, так как *бабр* (‘крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих оранжево-желтой с черными полосами окраски’ [ССРЛЯ, I: 236]) и *леопард* (‘крупное хищное животное из семейства кошачьих с рыжевато-жёлтой пятнистой шерстью’ [ССРЛЯ, VI: 160]) – разные виды семейства кошачьих. Поэтому единственным вероятным остается предположение, что восточная реалья *бабр* русским языком заимствована из персидского примерно во второй половине XVI в. – с

времени интенсивных торговых и дипломатических отношений Московского государства с Персией.

Нередко в старинных русских переводах хивинских и бухарских грамот, а также челобитных XVII в. вместо персидской реалии *бабр* употреблялась тюркская реалья *елбарс*. Она зарегистрирована нами, в частности, в старинном русском переводе грамоты хивинского хана Исфендияра царю Алексею Михайловичу от 1633 г.: «Да по^{ла}а (Исфендияр хан – Д.К.) е^сми к ва^ше^му (Михаилу Федоровичу – Д.К) величеств^у скорым д^ѣломъ жеребецъ а^ггамаче" ... да е^лбарсова кожа» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1633 г., д. 1, лл. 69–60]. Притом следует отметить, что СлРЯ XI–XVII вв. восточную реалью *елбарс* свидетельствует с более поздней хронологической характеристикой – в Истории Сибири (Миллер Г.Ф.) под 1640 годом: «И тѣ, государь, наручи и барс и 2 елбарса и бобры и кошлюки посланы к тебе ко государю к Москве» [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 44].

Таким образом, проникшие в русский язык в XVII в. восточные реалии – персидская *бабр* и тюркская *елбарс* употреблялись как синонимы.

ДЕНЬГА, ТАМГА, АКЧА. Восточная реалья *деньга* в памятниках древнерусской письменности впервые упоминается в договорной грамоте великого князя рязанского Олега Ивановича с великим князем московским Дмитрием Ивановичем и братом его Владимиром Андреевичем под 1382 г. «а пошлины съ сѣмь шесть денегъ съ пешоходовъ два алтына; а съ одного не имати а мыта съ воза дензе, а съ пешохода мыта нетъ» [СГГД, I: 46].

Данная реалья, появившаяся в древнерусском языке, на смену традиционным *куна* (куница), *векиша* (белка), *резана* (отрезок, лоскут), *ногата* (ножка, лапка), *мордва* (рыльца), неоднократно привлекалась к исследованию со стороны и историков, и лингвистов, но она рассматривалась в основном на материале лексикографических источников или старых русских актов без привлечения иноязычных соответствий.

Еще в начале XVIII в. Х. Д. Френ высказал предположение о том, что название *деньга* происходит от тюркского слова *тамга* [Fraehn 1815]. Позднее его этимология была подвергнута критике И. Н.

Березиным [Березин 1849: 16] и Ф. И. Эрдманом [Эрдман 1855: 5], но все-таки поддержана Фр. Миклошичем [Miklosich 1886: 39–40].

Точка зрения Х. Д. Френа была поддержана еще раньше Д. М. Зубаревым в его статье «Исторические справки», опубликованной в журнале «Вестник Европы»: «деньги ... от татарского слова *тамга* – знакъ, печать. Сии знаки употреблялись на монетах, также на печатяхъ, кои давались Ханами правителямъ или вельможамъ» [Зубарев 1825: 214]. Позднее эти предположения исследователей нашли своего сторонника в статье В. Д. Аракина «Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода» [Аракин 1974: 115].

Н. К. Дмитриев слово *деньга* относит к числу тюркизмов, подтверждённых фактами. По его мнению, *деньга* происходит от татарского *tenka* [Дмитриев 1962: 533]. Но И. Г. Добродомов указывает, что оно восходит по своему происхождению к тюркскому *tenge* и «в основе этого названия лежит тюркское название белки *тейин, тин, тийин, тыйын*» [Добродомов 1967: 369].

Теперь, чтобы проверить надёжность приведенных версий по поводу происхождения восточных реалий *тамга* и *деньга*, обратимся к тюркским оригиналам челобитных хивинских послов и их русским переводам XVII в.

Тамга зафиксирована, например, в челобитной хивинского Исфендияра царева посла Авеза Бакея царю Михаилу Федоровичу от 1 марта 1641 года, написанной в арабской графике на среднеазиатском тюрки:

اوز یرمه بارغنده غرتلو و شوکتلی اسفندیار خان حضرتلری منکای ایترلرکم سن
[Ōz ērīmā bārgānda gārātli vā shāvkātli āsfāndiyār xān hāzrātlārī mānkā
āytārlārkīm sān bīr ōzkā kūnāh ītibāsānkīm sānda ōrūs vīlāyātānda tāmgā
tālāb ītibdlār] [РГАДА, ф 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 255]. Данный контекст переводчиками Посольского приказа XVII в. переведён следующим образом:

«И какъ бѣдѣ въ Юргѣ"чахъ и г"дрѣ мо" Ис-ѣ-ѣ"дєярѣво царєѣв
величєство ѣчнє" говорить, что нѣкоторѣю винѣ ты зѣблѣ" для

того на Руси у тебя тамги спрашивали» [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 258].

Как видим, в тюркском оригинале, написанном арабской графикой, данного контекста восточной реалии *тамга* соответствует *تمغه* [tāmġə]. Как отмечено в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова, «дж. ... تمغه [tāmġə – Д. К.] ... пошлина, взимаемая с купцов, проезжих» [Будагов, I: 729–730]. Этот материал не даёт согласиться нам с мнением Х. Д. Френа и его сторонников.

Восточная реалия *деньга* как ‘общее название денежной единицы’ употреблялась в письменных памятниках русского языка XVII в. весьма активно. Она отмечена нами, в частности, в старинном русском переводе челобитной хивинских (юргенских) послов Авеза Бакея и Кошута Богатыря царю Михаилу Федоровичу от 26 апреля 1640:

«Проко-ѡ-ѣ" намъ сказа^а вашего г^адрского жалованья и вина и ме^у и хлевовъ и вашего милостивого гос^аударева жало^ава"я сто^а і вина и ме^а і хлевовъ і вашего мл^атвнкого г^адрва жало^ава"я даю^т на^а в стола мѣсто ко^ам^у де^агами а мы холопи ваші і всегда ваше жало^ава"ѣ ем^ае" де^агами» [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 274].

Этот текст был переведён со следующего текста, написанного в арабской графике на среднеазиатском тюрки:

پرکوفی بزکہ کلب سوزلدلرکیم رحملی پادشاهمیزه اوستل عقی بال اتمک یارلقاندلر
دب ایدب ایدی رحملی پادشاهم بزه اقجه بره دورلر بزا رحملی پادشاههبنیک یارلقاشنده
پیراکوفی بزکہ کلب سوزلدلرکیم رحملی پادشاهمیزه اوستل عقی بال اتمک یارلقاندلر
[pīrākūfī bīzkə kēlīb sōzlādīlārķīm rāhīmīlī pādīshāhīmīzə
ūstāl æqī bōl ātmāk yārliqādīlār dīb āydīb āydī rāhīmīlī pādīshāhīm bīzə
āqdjə bēradūrlār bīzā rāhīmīlī pādīshāhīmīnīk yārliqāshīndə kündə āqdjə
ālārmīz] [РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 273].

Приведённый пример показывает, что название одной из русских денежных единиц *деньга*, активно войдя в словарный состав древнерусского языка, в XVII в. употреблялось как соответствие тюркскому названию мелкой серебряной монеты *اقجه* [āqdjə] (произведено от *اق* [āq] ‘белый, серебряный’ с помощью суффикса *جه* [djə]) – дословно ‘беленький’. Первоначально данная восточная реалия могла означать ‘белую или серебряную монету’ [Юматова 2007: 11].

Как указывает Х. Дадабаев, тюркское слово *акча* в значении ‘монета, деньги’ впервые наблюдается в древнетюркском енисейском памятнике из долины реки Барык; в значении ‘деньги’ *акча* зафиксирована в кыпчакском словаре «Codex cumanicus» [Дадабаев 1991: 226–227]. Данная восточная реалья в форме *акча* в настоящее время употребляется в некоторых пограничных с тюркскими языками русских говорах в значении ‘название денежной единицы’ – *деньги*: «К сыночку бы съездить, да акчей в кармане нет» [СРНГ, I: 228]. В «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина отмечено, что форма *акчи* возникла, возможно, под влиянием рус. *деньги* [Аникин, I: 136.].

Существует мнение, что тюрк. *a:q-ša является калькой названия византийской монеты *а́спра* [Сравнительно–историческая грамматика 2001: 342] – рус. ‘аспра’. В русских письменных памятниках слово *аспра* впервые по материалам СлРЯ XI–XVII вв. упоминается в Истории о великом князе Московском – Сочинении князя Курбского (XVI в., сп. XVII в.) в значении ‘мелкая серебряная монета’: «Краву куповано за десять денегъ Московскихъ, а вола великого за десять аспръ» [СлРЯ XI–XVII вв., I: 56].

Вместе с тем следует заметить, что восточная реалья *деньга*, получившее в дальнейшем в русском языке собирательное значение – ‘деньги’, будучи тюркизмом на тюркской почве представлена хуже. Об этом свидетельствует то, что уже в XVII в. в Средней Азии вместо старого тюркского *tenge* (*tenka*) употребляется другой термин – «акча». Материалы русских письменных памятников показывают, что морфологическое обособление названия денежной единицы *деньга* в форме множественного числа – *деньги* складывалось к концу XV в. и с тех пор она как собственно русское образование активно употребляется в русском языке [см.: Аракин 1974: 115].

ДОРОГИ. Восточная реалья *дороги*, заимствованная древнерусским языком, нами отмечена в челобитной хивинского посла Надира Бехадуря царю Федору Алексеевичу от 11 июня 1679 г.: «... а товарищъ ево (астраханского воеводы князя Константина Осипович – Д.К.) бошой дьякъ взя^а ъ меня * пя^т дороговъ кашански^х а цена

одиннатцать рѣлевъ меѣшен дѣякъ четверы дороги взяа кашаѣские цена иѣ восемь рѣлевъ дватцать шесть аѣтын» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 86]. В персидском оригинале дороги имеет соответствие درای [dōrōi] [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 84].

СлРЯ XI–XVII вв. слово *дороги* впервые фиксирует в значении ‘восточная шелковая ткань’ в Хождении на Восток купца Ф. А. Котова в первой четверти XVII века под 1624 г.: «Туть дѣлають дороги кашанские и бархаты в кизылбашские камочки» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 323].

Исследователи расходятся в происхождении восточной реалии *дороги* в русском языке. По объяснению К. Иностранцева, это название – *дороги* – произошло от имени персидской ткани درایی [dōrōy – Д. К.], переводившееся в XVII в. на русский язык как ‘дороги’ [Иностранцев 1900: 82]. Представляется менее вероятным мнение И. Н. Березина о том, что *дороги* происходит из слова دراجه [dōrōja] – ‘верхний кафтан, накидка’ [Березин 1: 191].

Как свидетельствуют наши источники, наиболее удачное объяснение персидского слова درای [dōrōi] – *дороги* дано В. К. Клейном: эта восточная шелковая ткань ‘совершенно тождественна с тафтой, т.е. гроденаплевого переплетения, но в нее введены нити пестрой, так называемой ‘узловой’ окраски, – желтые и зеленые, отчего ткань имеет полосатый вид’ [Клейн 1925: 60]. По месту производства она носила разные названия: кашанская, гиянская, кизилбашская, турецкая и т.д. Согласно М. Фасмеру, восточная реалья *дороги* (ру ‘дараги’) была заимствована русским языком в значении ‘азиатская шелковая ткань’ «из чагат., тар., кирг. darai» [Фасмер, I: 484].

КИНДЯК. Восточная реалья *киндяк* – ‘название разновидности хлопчатобумажной ткани’ также встречается в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Надира Бехадуря царю Федору Алексеевичу от 21 января 1679 г.: «...да полячей Никита взялъ ѣ меня * три дороги кашанские цена нѣ шесть рѣлевъ дватцать аѣтинъ ... да киндякъ цена дватцать три аѣтна двѣ дѣгги ...» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 86–87]. Она в персидском

оригинале имеет соответствие كندك [kändäk] [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 84].

В русских письменных памятниках восточная реалья *киндяк* впервые по материалам СлРЯ XI–XVII вв. упоминается во второй половине XV в. в Хожении за три моря Афанасия Никитина под 1472 г.: «Камбят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки [по вар.] да чинят краску нилъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 125]. В этом же словаре отмечается еще одна ее форма – *кандак*: «А Камбятъ же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи, да пестреди, да канъдаки, да чинять краску ниль» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 53].

Важно, что уже в XV в. *киндяк* у Афанасия имел типично казанско–татарскую огласовку *к – а* на месте более старой огласовки *а – а*.

Эта хлопчатобумажная ткань всегда была одноцветной и без узоров. Она не вырабатывалась из цветных нитей, а окрашивались уже после снятия со станка. *Киндяк* имел различную окраску, причём окрашенный в красный цвет он назывался кумачом (см. об этом [Клейн 1925: 63]). Определения В. И. Даля [Даль, II: 108] и П. И. Савваитова [Савваитов 1896: 56], которые указывают, что *киндяк* означает «выбойку» или «набойку», неточны.

КУМАЧ. В старинном русском переводе челобитной хивинского посла Надира Бехадуря царю Федору Алексеевичу от 11 июня 1679 г. засвидетельствована ещё одна восточная реалья – *кумач*: «...да по^аячей Никитѣ взялъ ъ меня * ... да кѣшакъ цена е^м дватцать а^ттигъ да кѣмачъ цена е^м сорокъ а^ттигъ ...» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 86]. В персидском оригинале *кумач* имеет соответствие قماچ [qūmādj] [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 84]. В тюркских языках данное слово употреблялась в виде قماچ [ğūmāch]. Л. З. Будагов считает, что татарская (тюркская – Д. К.) форма «قماچ [ğūmāch Д.К.] *кумач*, материя бумажная; ... общее название всех бумажный материй, лавочный товар» [Будагов, II: 64] была образована на основе арабского слова «قماش [qūmāsh – Д. К.], материя, ткань разного рода; товар, имущество» [Там же].

СлРЯ XI–XVII вв. *кумач* впервые отмечает в значении ‘хлопчатобумажная ткань, чаще красного цвета’ в Актах Астраханской воеводской избы XVII в. под 1648 г.: «Чернова кумачю на подпушку цена 2 ал<тына>» [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 117]. В этой же словарной статье даётся еще одно его значение: «Определенного размера кусок ткани, штука кумача, принятая за единицу при счете товара». В памятниках русской «письменности XVII века, в частности, в таможенных книгах, отмечаются, правда, гораздо реже, *кумачи* и других цветов: вишневые, синие, лазоревые, зеленые, черные» [Коткова 1975: 118].

В древнерусском языке восточная реалия *кумач* «первоначально обозначала вообще хлопчатобумажные ткани, привозимые в основном из тюркоязычных стран» [Коткова 1975: 118]. Наверное, она была заимствована русским языком из тюркского языка именно в это время, т.е. в первой половине XVII в.

ЗАРБАФ. Восточная реалия *зарбаф* встречается в старом русском переводе челобитной хивинского посла Пехлеванкулибека царю Алексею Михайловичу от 9 апреля 1673 г.: «Роспись хановымъ (хивинского Анавши – Д. К.) поминкамъ: •❧• [9 – Д. К.] иннохотцо^а до^арыхъ •Д• [4 – Д. К.] шправныхъ сабель с каменьемъ, зверь бавръ, Ё [5 – Д. К.] да^аубазо^а шправныхъ с каменьемъ •❧• [9 – Д. К.] за^абафовъ золотныхъ ...» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1670 г., д. 1, л. 93]. Она в персидском оригинале имеет соответствие زربافت [zärbäft] [Там же: л. 99].

СлРЯ XI–XVII вв. восточную реалию *зарбаф* впервые свидетельствует в значении ‘род парчи’ в документе «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» под 1672 г.: «Зарбавъ полосатой съ золотомъ да съ серебромъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 286].

Эта шелковая ткань с золотыми и серебряными нитями вырабатывалась только на Востоке. В Россию *зарбаф* привозился в довольно большом количестве и употреблялся на верхние одежды. Название её происходит от персидского زر [zêr] ‘золото’ и بفت [bäft] ‘ткань’ (от بافتن [bāftān] ‘ткать; вязать; плести’) [Савваитов 1896: 38; 12,

ПРС, I: 172]. Эта восточная реалия в виде *зарбаф* русским языком была заимствована из тюркского [Фасмер, II: 80].

2. Толкование восточных реалий в текстах русских письменных памятников

Особую значимость имеют восточные реалии, получившие в памятниках русской деловой письменности среднеазиатского происхождения внутриконтекстовые объяснения. В этом можно убедиться, обращаясь, например, к статейным спискам посольств в Хиву и Бухару российских посланников:

Ивана Хохлова (1620–1622 гг.): «Посыла^а о^н Ива^н о полоненик^а говори^т црѣвѣ дяде что^б имѣ по црѣвѣ прика^зу велѣ^ать дати я^алыкѣ которые во^аныя полоненники похотѣ^т и^тти на Р^ус^ь и и^а бы и^тти был^а въ^апenni^а црѣвѣ де дядя Неди^а двѣ^абегн велѣ^ать ем^у Иван^у быти ъ себя ...» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 31];

Бориса и Семена Пазухиных (1669–1672 гг.):

ДАРАГА – «Бориса въстреча^а карако^аскон дарага которой сѣди^т то^аговы^а людей и пошанны і всякѣю пода^т верѣ^т» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, л. 34].

РУНДУК – «Бори^а обявляла^а о^а доро^бе великого г^адря црѣ і великого кнѣзя Алѣѣ^а Мнѣ^аловнча всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні самодѣ^ажца его црского величѣ^атва и говори^ать проти^а великого г^адря нака^зу а^а то время бы^а А^адази^а ца^а на мѣсте пере^а полатою на рундуке которое называю^т кѣрнышомъ¹ где послы вываю^т а мѣсто здѣлано вышиною о^т рѣ^адука S [6] стѣпене^а а в длину і^а ширинѣ мѣсто по^а Д [4] а^ашина» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, л. 47].

ТОПЧЕБАШИ – «і велѣ^а А^адази^а царь Бориса с товарищи и^а Бѣх^а приводи^т до перво^а ста^а то^ачѣваши малая і ины^а скон^а

¹ В словаре Л. З. Будагова «کورنش , کرنش , کورنش [kürnīsh, kürnīsh, kurnīsh, kürmūsh – Д. К.] ар. мн. کورشان [kürshān – Д. К.] (собств. вид наружность) свидание, навещение, осмотр, аудиенция, представление перед царем и ханом» [Будагов, II: 151].

дворовы^м людемъ а то^т малан¹ ү пѣшекъ и ү "сен бѣха^рско" пехоты нача^но члвкъ а стон^т ү цеса^рско^г двора в коротях на карабле бе^рперемѣннои» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, лл. 94–94 об.].

3. Восточные реалии, не зафиксированные в Словаре русского языка XI–XVII вв.

Наблюдения над словарным составом среднеазиатских дел Посольского приказа показали, что они содержат восточные реалии, не зафиксированные в Словаре русского языка XI–XVII вв.:

КЮНЕЛДЕШ (КЮНУЛДЕШ) – ‘молочный брат’: «... послала (царица Сахибжамал – Д. К.) к вам (Авганмухаммеду и Алтын – Д. К.) дя^тки своего с снѣмъ Мискине^м кюню^дешем поминковъ ...» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 203].

ПАРВАНACHEй – ‘главный секретарь царский’ [Будагов, I: 315]: «Борис с товарищи аталык^ы и диван^ыбеги и пар^ытваначею и многимъ чиновнымъ людемъ которые достѣпны царю Абдаазиз^у с великою докѣкою и с челобитьемъ говорилъ» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1669 г., д. 2, л. 64].

ЮГАРИ – ‘один из видов растения сорго’: «Да ка^к приехал Ониси^м Грибо^в въ Юргенчъ горо^д и присла^л на по^дворе юргенско^г Ген^тть царь ... с приставом ... лошедя^м •РН• [150 – Д. К.] батмано^м югаре^м» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 2, л. 106].

В словаре Л. З. Будагова данное слово объяснено так: «хив. جوغاری, جوغاری [djügārī, djügān – Д. К.] (у) или جوغاری, جوكاری [djūkārī, djügār – Д. К.] растение похоже на кукурузу, растёт толстыми, колосьями и дает зерно круглое, белого цвета, поменьше горошины; семена употребляются в корм лошадей, а иногда и в пищу бедных людей; ствол имеет более сажены высоты, толщины около дюйма; вообще служит питательным кормом для скота» [Будагов, I: 445].

ЕДИСАНЦЫ – ‘название одного из племён ногайцев’: «Третен полоняникъ Корюшка Костянтинов сказался ниже гороцкимъ

¹ Согласно Л. З. Будагову, «стат. ملاي [mālāy – Д. К.] малай, работник, мальчик (слуга)» [Будагов, II: 199].

посацкимъ члвкомъ і в прошлыхъ годѣхъ томѹ три҃цца҃ одинъ го^а
нанимался онѣ Кириюшка Епаскова мнѣтра что в Остарахани ѹ
ста҃цовѣ на Ѹчюгѣ ихѣ на взморье в косные караулышкинн і на
томѣ ^а карауле взяли ево едиса҃цы в полонѣ да с нимѣ же взяли
товарыщен ево восемь члвкѣ і тѣ де едиса҃цы взявѣ ево о҃убѣли
в Хивѹ» [РГАДА, ф. 134, оп. 3, 1682 г., л. 22 об.].

Весьма своеобразные сведения об истории восточной реалии *едисанцы*, встречающейся в приведённом скорописном русском тексте Посольской книги по связям России с Хивой 1682–1684 гг., изложены в книге В.В. Трепавлова «История Ногайской орды»: «Едисан. Этимология этого понятия проста и сложна одновременно. *Еди* — несомненно, ‘семь’; стало быть, ‘семь санов’. А вот что такое *сан*, понимается по-разному: ‘счет’, ‘тысяча’, ‘десять тысяч’, ‘миллион’ (т.е. соответственно ‘семисчетная орда’ ...)» [Трепавлов 2002: 429]. Несколько иное объяснение, на наш взгляд, наиболее приемлемое, по поводу рассматриваемой восточной реалии имеется у М. Авинировича: «Едисане (едисанцы, едисанские ногайцы, название, вероятно, происходит от ‘еди сан’ — ‘семь родов’, (т.е. ‘седьмой род ногайцев’ — Д. К.)) — одно из ногайских территориальных объединений» [Авинирович 2016: 118].

Заключение

Памятники деловой письменности по русско–среднеазиатским дипломатическим отношениям XVII в. обладают значительной историко–лингвистической информативностью по восточным реалиям, употреблённым в текстах старинных русских переводов челобитных хивинских и бухарских послов, росписях ханских и посольских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам, статейных списках русских посланников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов. Они предоставляют весьма ценный лексический материал для исторических словарей русского языка, в частности Словаря русского языка XI–XVII вв.

Весьма существенно, что фонетическую, семантическую и грамматическую адаптацию восточных реалий в текстах памятников русской скорописной деловой письменности из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. или пути их проникновения в словарный состав русского языка удалось проверить в сопоставлении с соответствующими им восточными эквивалентами, содержащимися в деловых документах хивинского и бухарского происхождения, написанных на официальных среднеазиатских языках – тюрки и фарси XVII в. Стало очевидным, что такой метод анализа во многом поможет установить правомерность функционирования восточных реалий в словарном составе русского языка.

Рассмотренные скорописные русские деловые письменные памятники содержат восточные реалии, получившие толкование в самих контекстах, не зафиксированные в Словаре русского языка XI–XVII вв., а также более раннюю фиксацию, чем в указанном лексикографическом источнике.

Источники и словари

Аникин I – А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аякушка). – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 368 с.

Будагов I – Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб.: Типография Императорской АН, 1869. – Т. I. – 810 с.

Будагов II – Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб.: Типография Императорской АН, 1871. – Т. II. – 416 с.

Гаффаров I–II – М. А. Г а ф ф а р о в. Персидско-русский словарь. Т. I–II. – М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1976. – Т. I. – 432 с.; Т. II. – 962 с.

Даль II – В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Иностранных и национальных словарей, 1935. – Т. II. – 723 с.

МУТТ ССР – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труд Историко-археографического института и Института востоковедения...). – Л.: изд. и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1932. – Вып. 3. – Ч. I. – 504 с.

НБСП – Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенчъ. 1669. / Издан под ред. А. Н. Труворова. – Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева и К, 1894. – 91 с.

ПРС I – Персидско-русский словарь. Изд. 2-е., стереотипное, с приложением новых слов / Под ред. Ю. А. Рубинчика. – М.: «Русский язык», 1983. – Т. I. – 800 с.

Радлов IV (2) – В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. – Т. IV. – Ч. 2. – 1900 с.

СКХ – Сборник князя Хилкова. – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879. – 629 с.

СлРЯ XI–XVII вв. I – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1. – 371 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 4 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1977. – Вып. 4. – 403 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 5 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 7 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7. – 403 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 8 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 351 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 9 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – Вып. 9. – 357 с.

СГГД I – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. – Ч. I. – 642 с.

СРНГ I – Словарь русских народных говоров. – М.– Л.: Наука, 1965. – Вып. I. – 303 с.

ССРЛЯ I – Словарь современного русского литературного языка. – М.: Изд-ва АН СССР, 1950. – Т. I. – 736 стб.

Фасмер I–IV – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I. – 573 с.; Т. II. – 672 с.

Фасмер I–IV – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. III. – 832 с.; Т. IV. – 864 с.

Ягелло 1910 – И. Д. Я г е л л о. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910. – 1815 с.

Miklosich 1886 – F. M i k l o s h I c h. Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wiehelm Braumüller, 1886. – 547 s.

Л и т е р а т у р а

Авинирович 2016 – С. М. А в и н и р о в и ч. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его Хронограф: Дисс. ... канд. истор. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 160 с.

Аракин 1974 – В. Д. А р а к и н. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. – М.: Наука, 1974. – С. 112–148.

Березин 1849 – И. Н. Б е р е з и н. Шейбанида. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями. – Казань: Тип ун-та. 1849. – 320 с.

Березин 1852 – И. Н. Б е р е з и н. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке // Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1852. – Т. I. – С. 186–191.

Влахов, Флорин 1986 – С. И. В л а х о в, С. П. Ф л о р и н. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.

Дадабаев 1991 – Х. А. Д а д а б а е в. Общественно-политическая и социально-экономическая терминология в тюркоязычных памятниках XI–XIV вв.: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1991. – 404 с.

Дмитриев 1962 – Н. К. Д м и т р и е в. О тюркских элементах русского словаря // Строй тюркских языков. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – С. 503–569.

Добродомов 1967 – И. Г. Д о б р о д о м о в. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. № 264. Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – С. 364–374.

Добродомов 1984 – И. Г. Д о б р о д о м о в. Этимологические маргиналы тюрколога по русской лексикографии // Этимологические исследования. Сб. научных трудов. – Свердловск, 1984. – С. 55–56.

Жуковский 1915 – С. В. Ж у к о в с к и й. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Петроград, 1915. – 225 с.

Зубарев 1825 – Д. М. З у б а р е в. Исторические справки // Вестник Европы. – М., 1825. – Июнь, № 11. – С. 187–217.

Иностранцев 1900 – К. И н о с т р а н ц е в. Из истории старинных тканей: алтабас, дороги, зендень, миткаль, мухояр // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. – СПб., 1900. – Т. III. – Вып. I. – С. 080–085.

Качалкин 1988, I – А. Н. К а ч а л к и н. Жанры русского документа допетровской эпохи. – Изд-во МГУ, 1988. – Ч. I. Источники изучения и вопросы авторства документа. – 119 с.

Клейн 1925 – В. К. К л е й н. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология. – М.: Изд. Оружейной палаты, 1925. – 68 с.

Коткова 1975 – Н. С. К о т к о в а. Кумач. Русская речь. 1975. – № 5. – С. 117–121.

Кулмаматов 2008 – Д. С. К у л м а м а т о в. Дьяки, подьячие Посольского приказа и развитие российско-среднеазиатской дипломатической переписки в XVII в. // Материалы Международной научной конференции «Роль Национального университета в развитии системы высшего образования и науки в Узбекистане», посвященной 90-летию Национального университета Узбекистана. 22–23 августа 2008 года. – Ташкент, 2008. – С. 268–274.

Кулмаматов 1994 – Д. С. К у л м а м а т о в. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). – М.: МГПИ, 1994. – 109 с.

Кулмаматов 2018 – Д. С. Кулмаматов. Язычей. Русская речь, 2018. – № 5. – С. 105–109.

Савваитов 1896 – П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. – 184 с.

СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Трепавлов 2002 – В. В. Трепавлов. История Ногайской орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

Эрдман 1855 – Ф. И. Эрдман. Деньги, кабак, набат. – Новгород, 1855. – 14 с.

Юматова 2007 – М. К. Юматова. Экономическая терминология в татарском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 24 с.

Fraehn 1815 – С. М. Fraehn. De origine vocabuli rossici деньги. Casani, 1815. – 18 s.

Dusmamat Sattarovich Kulmamatov

Uzbekistan State World Languages University
(Tashkent, Uzbekistan)
kulmamatov1956@mail.ru

EASTERN REALITIES IN THE CENTRAL ASIAN AFFAIRS OF THE AMBASSADORIAL ORDER OF THE 17TH CENTURY

The article discusses the functioning of eastern realities in the texts of Russian cursive official-business writing from Central Asian affairs of the Ambassadorial Order of the 17th century – the ancient Russian translations of petitions of Khiva and Bukhara ambassadors, the murals of khan and ambassadorial gifts intended for Russian rulers and other Russian officials, the article lists of Russian envoys to Central Asia, the formal reply from the voivode (governors) of Russian cities, the Ambassadorial books on Russian relations with Khiva and Bukhara, stored in funds 109 “Relations of Russia

with Bukhara", 134 "Relations of Russia with Khiva" of the Central State Archive of Ancient Acts in Moscow. The linguistic content of the indicated sources is shown: on the large factual material, on the adaptation of eastern realities in the texts of ancient Russian translations of petitions of Khiva and Bukhara ambassadors, on the khan and embassy gifts, written in the official Central Asian languages - Turkic and Persian of the 17th century, as well as ways of their penetration into vocabulary of the Russian language. Most importantly, each of these eastern realities is investigated in comparison with its corresponding eastern equivalent. It is noted that they provide linguists with valuable material for solving a number of topical theoretical issues of Russian historical lexicology: 1) the interpretation of oriental realities in cursive Russian texts of the Central Asian affairs of the Ambassadorial Order; 2) the identification of eastern realities that are not fixed in the Dictionary of the Russian language of the 17th–18th centuries; 3) early fixation of eastern realities than in the historical dictionaries of the Russian language; 4) the establishment and refinement of the new meaning of some eastern realities.

Keywords: translation, petition, dictionary, eastern realities, Russian language, Ambassadorial order.

References

Arakin, V. D. (1974). Tyurkskiye leksicheskiye elementy v pamyatnikakh russkogo yazyka mongol'skogo perioda. In N.A. Baskakov (Ed.), *Tyurkizmy v vostochnoslavianskikh yazykakh* (pp. 112–148). Moscow: Nauka.

Avinirovich, S.M. (2016). *Arxiepiskop Astraxanskiy i Terskiy Paxomiy i ego Xronograf* (doctoral dissertation). St Petersburg.

Berezin, I. N. (1849). *Sheibanida*. Kazan.

Berezin I. N. (1852). *Zamechaniya o vostochnykh slovakh v oblastnom velikorusskom yazyke*. In I. I. Sreznevskiy, *Izvestiya Imperatorskoi Akademii Nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. Vol. I (pp. 186–191). St Petersburg.

Dadabaev, X. A. (1991). Obshchestvenno-politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya terminologiya v tyurkoyazychnykh pamyatnikakh XI–XIV vv. (DSc. diss.). Tashkent.

Dmithiev, N. K. (1962). O tyurkskikh elementakh russkogo slovarya. In N. K. Dmithiev (Ed.), *Stroy tyurkskikh yazykov* (pp. 503–569). Moscow: Izd-vo vostochnoy lit-ry.

Dobrodomov, I. G. (1967). Nekotoryye voprosy izucheniya tyurkizmov v russkom yazyke. In I. A. Vasilenko (Ed.), *Uchenye zapiski MGPI im. V.I.Lenina. № 264. Voprosy leksiki i rammatiki russkogo yazyka.* (pp. 364–374). Moscow.

Dobrodomov, I. G. (1984). Etimologicheskiye marginali tyurkologa po russkoy leksikografii. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniya. Sb. nauchnykh trudov* (pp. 55–56). Sverdlovsk: Izd-vo UrGU.

Erdman, F. I. (1855) Den'gi, kabak, nabat. Novgorod.

Fraehn C. M. (1815) De origine vocabuli rossici деньги. Casani.

Inostrantsev, K. (1900). Iz istorii starinnykh tkaney: altabas, dorogi, zenden', mitkal', mukhoyar. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* (Vol. 3, Issue 1, pp. 80–85.) Saint Petersburg.

Jukovskiy, S. V. (1915). Snosheniya Rossii s Bukharoy i Khivoy za posledneye trekhstletie. Petrograd.

Kachalkin, A. N. (1988). Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoi epokhi. Ch. I. Istochniki izucheniya I voprosy avtorstva dokumenta. Moscow: Izd-vo MGU.

Klein, V. K. (1925) Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII v. i ikh terminologiya. Moscow.

Kotkova, N. S. (1975). Kumach. *Russkaya rech*, 1975, 5, 117–121. Zhukovsky, S. V. (1915). Snosheniya Rossii s Buxaroi i Xivoy za poslednee trekhstletie. Petrograd, 1915.

Kulmatov, D. S. (2008). D'yaki, pod'yachiye Posol'skogo prikaza i razvitiye rossiysko-sredneaziatskoy diplomaticheskoy perepiski v XVII v. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rol' Natsional'nogo universiteta v razvitii sistemy vysshego obrazovaniya i nauki v*

Uzbekistane», posvyashchyonnoi 90-letiyu Natsional'nogo universiteta Uzbekistana (pp. 268–274) Tashkent.

Kulmamatov, D. S. (1994). Sredneaziatskie diplomaticheskie dokumenty i ikh russkie perevody XVII v. (Gramoty. Chelobitnye). Moscow: Moscov State Pedagogical University.

Kulmamatov, D. S. (2018). Yazychey. Russkaya rech, 2018, 5, 105–109.

Savvaitov, P. I. (1896). Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskogo pribora, v azbuchnom poryadke raspolozhennoe. St Petersburg.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yasykov. Leksika (2001). Moscow: Nauka.

Trepavlov, V.V. (2002) Istoriya Nogaiskoi ordy. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» Rossiyskoy Akademii Nauk.

Vlaxov, S. I., Florin, S.P. (1986) Neperevodimoe v perevode. Moscow: Vysshaya Shkola.

Yumatova, M. K. (2007). Ekonomicheskaya terminologiya v tatarskom literaturnom yazyke (Doctoral dissertation). Kazan.

Zubarev, D. M. (1825). Istoricheskiye spravki. Vestnik Evropy. June, 11. (pp. 187–217). Moscow.

Раздел второй

О. О. ЧУПОНОВ

Доктор филологических наук, профессор

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ХИВОЙ И БУХАРОЙ XVII в.

Аннотация. В статье рассматривается состав титулатуры российских царей XVII века. На основе фактического материала — посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII века описывается время, причины появления и изменения лексических единиц, употреблённых в качестве титулов российских царей. В работе содержатся полученные /почерпнутые из посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII в. сведения о наименовании среднеазиатских и русских должностных лиц, принимавших активное участие в установлении и развитии дипломатических и торговых связей между этими государствами. На материале «Посольской книги по связям России с Хивой 1670–1673 гг.» и «Посольской книги по связям России с Хивой 1682–1684 гг.» исследуются наименования лиц по этнической принадлежности и месту жительства, выявляются их способы образования, приводятся наиболее типичные модели словообразования. Автор утверждает, что исследование истории слов русского языка является очень важным для изучения истории развития его словообразовательной системы.

Ключевые слова: *государь, царь, самодержец, текст, скоропись, рукопись, посол, Россия, Хива, Бухара, великий государь, великий князь, посольская книга, Посольский приказ, должностное лицо, памятник письменности, история языка, словообразовательная модель, наименования лиц.*

Введение

Для правильного суждения о процессе начального этапа формирования русского национального языка чрезвычайно важно

знать во всех деталях состояние русского живого и письменного языка великорусской народности XVII в. Между тем русский язык этого периода, несмотря на значительное количество монографий и статей, изучен еще недостаточно. До настоящего времени в научный оборот не введены ценнейшие материалы многих письменных памятников, отражающих экономическую, общественно— политическую и духовную жизнь русского народа.

Разумеется, процесс выработки общелитературных норм в XVII в. был весьма противоречивым и сложным, и чтобы его глубоко изучить, нужны коллективные усилия историков языка. Этот процесс необходимо исследовать на материале максимального количества памятников различного содержания и во всех его частных проявлениях.

Посольские книги по связям России с Хивой и Бухарой были созданы в период формирования лексической системы русского литературного языка. В жанровом отношении состав актов, содержащихся в посольских книгах, разнообразен. Это грамоты, отписки воевод, протоколы по приёму и отпуску послов, старинные русские переводы ярлыков ханов, челобитных послов, памятки, расспросные речи, докладные записки и т.д. Их лексическая система твёрдо занимала своё место в словарном составе русских деловых документов XVII в. Отличительная черта анализируемых нами источников заключается еще и в том, что они отражают и описывают речь, характерную для языка русского народа XVII в.

Следует констатировать, что при всем обилии изучения документов подобного рода, словарный состав отмеченных нами документов исследован недостаточно и неравномерно. Поэтому для восполнения этого пробела в данной главе постараемся выявить и показать значимость рассматриваемых нами посольских книг для изучения былого состояния лексического пласта русского литературного языка.

1. Титулатура русских царей

В деле изучения лексики, являющейся наименованиями дипломатических понятий и вступающей в системные отношения с другими подобными словами, функционирующими в этой области, лингвистами проделана большая работа. Этой проблеме посвящён ряд исследований, где авторы анализируют функционирование дипломатических терминов именно в официально-деловом стиле русского языка XI–XVII веков [Волоскова 1966; Сабенина 1971; Сергеев 1973; Сергеева 1993; Кулматов 1994]. Вместе с тем остается недостаточно изученным словарный состав письменных памятников, в частности, титулы российских и среднеазиатских правителей, содержащихся в текстах посольских книг по связям России с Хивой (ПКРХ, 1–2) и Бухарой (ПКРБ) XVII в.

Особое место среди титулов, распространенных в Московском государстве в XVII веке, занимало наименование российских царей, что, несомненно, было связано с ростом международного авторитета Руси. Поэтому в соответствии с традицией официального делового языка в посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой XVII в. часто употребляется полный титул главы государственной власти — царя: «Великіи гѣдръ цѣрь і великіи кнѣзь Алѣѣѣѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ» (ПКРХ1, л. 3 об.); «Великие гѣдри цѣри і великие кнѣзи Иванныъ Алѣѣѣевичъ Петръ Алѣѣѣевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы» (ПКРХ2, л. 10); «Великіи гѣдръ цѣрь і великіи кнѣзь Алѣѣѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ» (ПКРБ, л. 16 об.).

В источниках отмечается, что «с падением Византии в 1453 году Москва стала фактическим наследником восточно-христианской веры – православия. И с этих пор первых лиц на Москве, то есть Великих Князей, стали величать одновременно и Великий Государь. Причём слова *Великий Государь* стояли перед словами *Великий Князь*». Об этом свидетельствует официальный титул:

Василия III – «Божием благословением, Мы, Великий Государь Василий, Божию милостию, Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Белский, и Ростовский, и Ярославский, и Белоозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондийский и иных».

Ивана Грозного – «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский. Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и иных, и всея Сибирския земли и Северныя страны Повелитель, и Государь земли Вифлянской и иных» [<https://newsland.com/content/polnyi-titul-ivana-groznogo/6535371>; Комин 2006].

Как видим, слова **Государь Царь** стоят рядом даже без знаков препинания. Утвердив новый титул, Иван IV не отказался от прежнего. Так поступали и все последующие российские правители.

Как отмечает С. С. Волков, царский титул «до середины 80-х годов XVI в.» начинался со слов «*государю царю*», «с середины 80-х годов XVI в.» – «*царю государю*», а «с середины 80-х годов XVII в.» – «*великому государю царю*». По его мнению, «появление эпитета *великий* в титуле царей и совпадающее с этим изменение порядка слов было обусловлено ... укреплением самодержавия и усилением самодержавной власти» [Волков 1974: 32–33].

Н. Е. Садыхлы появление формы царского титула «*великому государю царю*» относит к 1668 г. [Садыхлы 1972: 102], а Д. С. Кулмамамов – к 1617 г., опираясь на начальный протокол челобитной хивинского посла Юсюф-Хадзи царю Михаилу Федоровичу от 26 января 1617 г.: «Великомꙋ г^дрю ц^рю і великомꙋ кн^зю Михаил^х

Федоровичю всеа Р҃си самодѣжцѣ вѣт чело^м вопшен ва^ш холо^м юрге^нского Арапа цря посол» [Кулмаматов 1983: 72].

Следует заметить, что в отписках воевод русских городов, челобитных хивинских послов и русских пленных, содержащихся в текстах рассматриваемых нами посольских книг, по отношению к русскому царю слово *государь* писалось без эпитета *великий*:

ПКРХ1 – «Г^дрю црю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ холопи твои Я^мка Одревской Івашко Коркодиновъ Васко Пѣшечнико^м Стенка Шарапо^м Петрѣшка Само^мловъ Васка Протопопо^м чело^ммъ вьютъ» (л. 43).

ПКРБ – «Г^дрю црю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мйловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ холопи твои Грншка да Івашка Анничковы Никишка Великосѣ^мско^м чело^ммъ вьютъ» (лл. 62 – 62 об.).

ПКРХ1 – «Црю г^дрю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ вѣт чело^м опче^м вѣт велико^м г^дря холопъ Навши хан юргенско^м і хивинско^м посо^м Па^мванкѣлибѣчка А^мживигмамете^м» (л. 92).

ПКРБ – «Црю г^дрю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ вѣт чело^м холопъ твой вѣха^мской посланникъ Ажи-дарѣчко Топшаваши» (л. 100 об.).

ПКРХ1 – «Црю г^дрю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ вѣт чело^м холопъ твой вѣдно^м і вѣ^м помощно^м полоняникъ города Володимера Ма^мсимка Матвѣевъ» (л. 88).

ПКРБ – «Црю г^дрю і великом^м кнзю Алеѣ^мю Мнха^мйловичю всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росні самодѣжцѣ вьютъ чело^м холопи и сироты твои вѣхарские полоненики» (л. 98).

Нельзя не согласиться с мнением С. С. Волкова о том, что «может быть, здесь сказалось ... стремление разграничить начальный протокол

челобитных официально-деловых и частно-деловых, которые начинаются с титула государь «хозяин, владелец, господин». Следовательно, различались два значения слова *государь*: «верховный владыка, монарх» (царь государь) и «хозяин, владелец, господин» [Волков 1974: 33].

Как свидетельствуют материалы посольских книг, слово *государь* использовалось только по отношению к главе Московского государства. В отличие от него второе название – *царь* мог относиться не только к Московскому государю, но и к некоторым восточным правителям, например, к «юргенским» (ургенчским – О. Ч.), т.е. хивинским: ПКРХ1 – «Скоко же он Иванъ (российский посол) в Юргенчах жить не тане и ему гдревыа людемъ воши того кормъ не вдетъ потомъ что в прошлых годѣх при прежних юргенских царехъ великого гдря его црского величества посломъ и поланникомъ такъ же и иных гдрствъ кормъ oprичъ трех дней не даванъ» (л. 10–10 об.).

До XV в. слово *царь* на Руси употреблялось только по отношению к византийским правителям и восточным ханам. Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского его в значении «властитель, государь» впервые фиксирует в «Книге Бытия по рукописи Троицко-Сергиевой лавры XIV века»: «Принде Ходолагоморъ (и) царе иже с ни» (оі βασιλεῖς)), а в значении «хан Татарский» – в «Ярлыке хана Мегу Тимура 1267 г. (в списке)»: «Чтобъ есте и послѣднии цари по тому жъ пѣти пожаловали поповъ и чернцовъ» [Срезневский 1989: III-2:1433]. Впервые по отношению к русскому царю оно употребляется в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича царя русского» (XV в.), а в 1547 году закрепляется Иваном Грозным в качестве официального титула: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии (Жалованная грамота царя Ивана Васильевича митрополиту Афанасию 1564 года)» [Виноградова 1958: 201].

Привлекателен следующий третий титул Московского царя – великий князь. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» слово *князь* в памятниках русской письменности употреблялось в следующих значениях:

1) «глава, старейшина, владыка», 2) «господин, хозяин, владелец», 3) «правитель княжества, удела, монархический правитель в Древней Руси и зарубежных государствах», 4) «лицо, имеющее титул князя (родовой или пожалованный)», 5) «о женихе (в русском свадебном обряде)» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 207–208].

Е. А. Чащина, рассматривая лексические элементы титулования в письменных источниках делового характера Московской Руси XV–XVII веков, пишет: «Терминологическое сочетание “великий князь” восходит к эпохе Киевской Руси и имеет значение “князь, имевший старейшинство и власть над удельными князьями”. ... Титулом *великий князь* обозначалось лицо, имевшее верховную власть, т.е. обеспечивавшее внешнюю и внутреннюю безопасность государства. Лицо, утратившее эти признаки, переставало быть великим князем, оставалось обычным землевладельцем. Эта ситуация касалась прежде всего удельных князей, которые в большинстве случаев оставались в своих бывших княжествах и превращались в вотчинников» [Чащина 2010: 141].

Формула *всєа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні* появилась в составе титула российского царя после воссоединения Украины и Белоруссии с Россией вместо титула «*всєа Р҃снї*». Он был заимствован московскими князьями из титулатуры киевских митрополитов, а титул ‘самодержец’ «самодержавный правитель» – у византийских императоров (дословный перевод с греч. ‘autokrator’). «С понятием самодержавия общество того времени связывало прежде всего мысль о внешней независимости страны. В связи с этим Иван III был назван самодержцем только после свержения монголо–татарского ига. Позднее этот термин стал применяться для характеристики власти государя в сфере внутренней политики» [Чащина 2010: 143].

Таким образом, состав титулатуры российских царей был неодинаковым. Причины изменений в основном были связаны со сферой внутренней и внешней политики Московского государства.

2. Наименования должностных лиц

Активное участие в установлении и развитии дипломатических и торговых связей России с Хивинским и Бухарским ханствами в XVII веке играли должностные лица Посольского приказа, созданного в 1549 году. В Москву хивинские и бухарские послы стали приезжать с XVI в. Московские же послы стали ездить с ответными миссиями в Хиву и Бухару, начиная с XVII в. Вся ответственность за организацию посольских миссий в страны Востока, в частности, в среднеазиатские ханства и внутри страны, ложилась на Посольский приказ – одно из центральных учреждений Российского государства.

Ознакомление с памятниками деловой письменности, содержащимися в Посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой XVII века, свидетельствует о том, что большую роль в их развитии играли должностные лица царских и ханских канцелярий. В связи с этим представляется целесообразным вести анализ дипломатической терминологической лексики XVII века, начиная с наиболее часто упоминавшихся терминов, а именно: с названий лиц съезжих изб российских городов, Посольского приказа, а также хивинского и бухарского ханских дворов.

В текстах Посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII века встречается целый ряд названий дипломатических должностных лиц:

1) российских – *посол, посланец, боярин, воевода, пристав и толмач* (ПКРХ2, л. 26 об.); *пристав, переводчик, дьяк, думный дьяк, подьячий, толмач, городничий, окольный, рында* (ПКРХ1, л. 64; ПКРБ, л. 18), *стольник, гости* (ПКРХ2, л. 38 об.), *кравчий* (ПКРХ2, л. 52 об.).

2) среднеазиатских – *посол («элчи»), посланец, посольский ясаул, язычей (подьячий), мурза* (ПКРХ2, л. 12 об.), *султан, шах, абыз* (ПКРХ1, л. 20–20 об.).

В России в XVII в. существовала основная трёхступенная иерархия дипломатических уполномоченных – *посол, посланник (посланец) и гонец*. Каждый из этих лиц имел свои чётко определённые обязанности при выполнении дипломатической миссии за границей. В

Хиве и Бухаре в то же время была менее разветвлённая система наименований посольских лиц — в состав посольства входили обычно *посол* (“эличи”), *мулла* (*писарь*) или же *язычей* (*подьячий, писарь*).

Слово *посол* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует впервые в значении «*особое доверенное лицо правителя или правительства в каких-л. вопросах; посол, дипломатический представитель*» в грамоте Великого Новгорода и Пскова под 1199 г. «А оже убьютъ новгородца посла за моремъ или нѣмецкый посоль Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривнь серебра» [СлРЯ XI–XVII вв., 17: 205]. В России *посол* являлся главным лицом в посольстве за границей. Обычно послов назначали из числа бояр:

ПКРХ1 — «По твоемѹ великого гѣдря ꙗка^{зѹ} вѣ^ди^а в Хивѹ по^ланникѹ Иванѹ ѿ^едотѣ^е астараканецѹ снѣ боярской и меня (плененного конного стрельца Любипку Данилова) ис Хивы вы^кꙋпи^а и нне я холопѹ твой приволокся к Москве пови^т челом тебѣ великомѹ гѣдрю» (л. 26).

ПКРБ — «Бѹха^рского А^бдѹл^а Ази^а хана посланецѹ Аджифарыкѹ ...сказа^а в прошломѹ де •РѢН^а•м [1670] го^аꙋ присла^а бы^а великого гѣдря его цѣско^е величества (Алексея Михайловича) к гѣдрю ево к вѹха^рскомѹ ханѹ посломѹ Борисѹ Пазѹхинѹ» (л. 78); «В прошломѹ ^ае во •РѢН^а• го^аꙋ по ѿше^му великихъ гѣдрей ꙗка^{зѹ} присла^а бы^аль о^т васъ великихъ гѣдрей посломѹ к не^мꙋ бѹхарскомꙋ ханѹ Борис А^бдрѣвѹ снѣ Пазѹхинѹ, и живѹ ꙋ него хана два годы» (л. 74).

Русскому термину *посол* в тюркских и персидских текстах дипломатических документов хивинского и бухарского происхождения (грамот, челобитных) соответствует слово *ایلچی* [ildjī] [Кулмаматов 1994: 97].

Термин *посланец* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» в значении «*тот, кто послан с каким-л. поручением; посланец; доверенное лицо*» впервые отмечает в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским княжеством (так называемые Польские дела, т. III, 148) под 1563 г.: «Присылали естя къ намъ... посланца своего Войтеха Сновитцкого съ

листомъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 17: 173]. Выходит, что посланец по званию ниже посла, это доверенное лицо, которое направлялось с дипломатическим заданием или поручением в другое государство. Посланником назначался человек из числа дворян, дьяков, реже – подьячих, а за рубеж он посылался решать менее значительные проблемы [Рогожин 1994: 20].

В Посольской книге по связям России с Бухарой имеются интересные факты о назначении одного из бухарских посланцев:

«Г^дрю црю і великомъ кнзю Алеѣѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержицѣ, и гсдрю блгвѣрному црвчю і великомъ кнзю Феодорѣ Алеѣѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи, і г^дрю блгвѣрному црвчю і великомъ кнзю Иоаннѣ Алеѣѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи г^дрю блгвѣрному црвчю і великомъ кнзю Пе^трѣ Алеѣѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи холопи вши Петръшка Га^тыко^в Івашко Пушкин^н Фе^вка Протопопо^в Гришка Михайловъ чело^вк^о вью^т, в ннѣшнемъ во •РПГ• [1674 – О. Ч.]^м го^м сентября въ •КГ• [23 – О. Ч.]^м приѣхалъ в Тоболескъ о^т Ямыша озера на вшиихъ великог^о г^дря Боляныхъ дощаникахъ с писмяннымъ головою с Иваномъ Тютчевымъ бѣхаского хана А^вда Азиза хана посланец А^вжи-Фарыкъ, а в Тоболскѣ бѣдѣчи о^н в Приказно^и избѣ на посоло^встве пере^а нами холопи вшиими говори^а. Присла^а де ево бѣхаской ха^н в Сибирь в Тоболескъ вити чело^вмъ вамъ великимъ г^дремъ что^б вы великие г^дри пожаловали велѣли ево ис Тоболска о^тпѣстити к вамъ великимъ г^дремъ к Москве с листомъ и с пода^вки, и пода^а листъ за печатью бѣхаского хана, ...в прошломъ^м во •РФН• [1670 – О. Ч.]^м го^м по вшемъ великихъ г^дрей Ѹка^{зу} присла^а былъ о^т васъ великихъ г^дрей посломъ к не^му бѣхаскому ханѣ (Абдулазизу – О. Ч.) Борисъ А^вдрѣевъ снѣ Пазѣхинѣ, и жилъ у него хана два годы и на о^тпуску говорилъ что^б онѣ ханѣ о^тпѣстити с нимъ Борисомъ к вамъ великимъ г^дремъ к Москве проти^а ево посоло^вства в по^вланца^х рѣсково члѣвка, и ханѣ^м о^тпѣстити^а ево Бориса к вамъ великимъ

г^дремъ к Мо^кве чере^з кизы^бвашскую землю кизы^бвашско^г шаха до города Украинног Мавра во **•РПА•** [1673 – О. Ч.]^м го^лх, а в провожатыхъ ^ае за нимъ Борисомъ посыланъ былъ до того города о^н А^лжи-Фарыкъ, а руское имя ему Никита с сл^джилыми лю^дми, а посла ^ае с нимъ Борисомъ к вамъ великимъ г^дремъ не по^лано было для того, что по^ланъ бы^л к вамъ великимъ г^дремъ б^дх^аского хана посо^л М^ула-Фарыкъ чере^з Тоболескъ во **•РБИ•** [1670 – О. Ч.]^м год^х и бы^л на Москвѣ и с Москвы б^дчи на дороге в Тобо^кску ѡмре во **•РП•** [1672 – О. Ч.]^м год^х» (лл. 73–74 об.).

Приведённый материал свидетельствует об истоках развития связей народов современного Узбекистана и России и русского языка с восточными («староузбекскими» и «фарси») языками. Сам факт участия одного из представителей русского народа – Никиты (Аджифарыка) в дипломатических переговорах между русским послом Борисом Пазухиным и бухарским ханом говорит о том, что еще в XVII в. среднеазиатские ханы готовили к ведению дипломатических дел российских специалистов, обученных восточным – тюркским и персидским языкам. Аджифарык, наверное, хорошо владел восточными языками, и поэтому ему удалось сопровождать Российское посольство во главе с Б. Пазухиным до территории России.

Будучи доверенными лицами царя, послы и посланники имели право вести переговоры от имени своего государя, подписывать соглашения [Рогожин 1994: 20]:

ПКРХІ – «Веле^ножигишем^с превысоч^ашем^с и превысоку^ю честь имѣюще^м множества во^сска имѣюще^м о^т б^лгаго корени б^лгорожденном^с великие Росні великом^с г^дрю б^лго^му ц^рю і великом^с к^нзю Московско^му ... по в^шен присылке, наказавъ w всемъ послалъ к вамъ посла своего Пелванъ к^бл^с Баадыря і вамъ вы велѣ^н с нимъ посломъ н^шнимъ о всемъ, о добрыхъ дѣле^х догово^р зчинить какъ бывало ме^жд^у вашими и нашими предки на перед сего, чтовы от нне і впредь межд^у вами и насъ была до^ррая др^жба и ссы^лка свыше прежнихъ а о всемъ наказано с посломъ н^шнимъ

что^е емѹ вѣритъ и жаловать ево на приѣзде и на о^тпѹске и о всемъ на мѣре положить и его пожаловать о^тпѹститъ, потомъ умножи бѣ^т елгоденствѹе вше на ваш^х велики^х г^дрств^х» (лл. 68 об. — 69 об.)

ПКРХ2 — «Преже сегѡ істарн с виш^а прадедомъ і отцемъ были в любви а с вами такъ^ж пребывать желаемъ к тебѣ великомѹ г^дрю посла своего стараго дворового своего чавка Аверенмъ вѣка і чтовы с вше^е стороны такъ же и с нше послѡ^е свои^х пересылать і вше любительное здоровье намъ слышать а ва^а бы нша любитеьная дрѹжба была вѣдомъ і пѹтъ вы вы^а ме^ж нами о^ткрытъ что^е тѣмъ ме^ж нами наипаче пре^жнягѡ любовь и дрѹжба множилась а сегѡ ншегѡ посла пожаловавъ і честь емѹ во^здавъ велѣлъ о^тпѹститъ в нашѹ сторону писанѡ в г^дрствѣ нашемъ в Хивѣ лѣта *ЗРЧВ [1684]г^у году» (лл. 42 об.).

ПКРБ — «И по указѹ великого г^дря дѹмноѹ дьякѹ послѡ говорить Мѡ^ало^оѡ^о, Великиі г^дрь црь і великиі кнзь Алеѣѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и многихъ г^дрствъ и земель Восточны^х и Западны^х и Сѣверны^х о^тчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и г^дрь и обладатель велѣ^а тебѣ говорить. Присылаа^а к намъ великомѹ г^дрю к ншемѹ црскомѹ величеству бѹхарской А^едѹ^а Азизъ ханъ тебя посла своего с грамотою, и мы велики^х г^дрь нше црское величество велѣли тебѣ видѣтъ нши црского величества очн вскоре. И хановѹ грамотѹ ѹ тебя приняли. И посольства твоего выслѹшали мастиво и против той хановы грамоты. Мы велики^х г^дрь нше црское величество посылаемъ к А^едѹ^а Азизъ ханѹ ншѹ црского величества грамотѹ» (лл. 42 об. — 43).

Изучая тексты рассматриваемых нами посольских книг, мы встречаем широкое разнообразие наименований и других российских дипломатических лиц, принимавших активное участие в приѣме посольств из Хивы и Бухары, проведении переговоров между правителями и послами этих стран. Таковыми были, например, дьяки (думные дьяки) Посольского приказа.

Как свидетельствуют материалы «Словаря русского языка XI—XVII вв.», слово *дьяк* встречается в памятниках древнерусского языка,

начиная с 1117 г., в нескольких значениях «1. Дьякон ...; 2. Причетник, церковный чтец или певец, дьячок ...; 3. Дьяк ...». С последним значением оно впервые фиксируется в Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв. под 1339 г.: «А грамоту п(и)саль дьякъ князя великого Кострома» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 398]. В этой же словарной статье значится и *думный дьяк* в значении «лицо, ведавшее делопроизводством Боярской думы; низший думный чин в русском государстве XVI–XVII вв.» в историческом памятнике «О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 398].

Д. С. Кулмаматов, занимавшийся специально изучением деятельности дьяков (думных дьяков) Посольского приказа, пишет: «Роль дьяков существенно возросла в XVII веке, к ним стали относиться как к важным государственным деятелям. Правитель государства (царь) разрешал дьякам Посольского приказа встречать иноземных, в частности хивинских и бухарских, послов, гонцов и решать вопросы, связанные с их приездом и пребыванием в Москве» [Кулмаматов 2008: 269].

Материалы посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII в. показывают, что посредниками между хивинскими, а также бухарскими послами и российскими царями были думные дьяки:

ПКРХ1 – «Присыла^а к намъ великому г^адрю к нше^му ц^арскому величеству юргенско^а Анавша Магметъ ханъ тебя посла Пола^а к^ала з грамотою, и мы великий г^адрь нше^а ц^арское величество вел^али тев^а нши ц^арского величества очи виде^а вскоре, и грамоту^а у тебя приня^а і выслушали любително, и на о^аъявленные д^ала по нше^аму ц^арского величества указу^а о^ав^атъ тев^а учине^а, и посылаемъ с тобою къ юргенском^а Анавша Магметъ хану нш^ау ц^арского величества грамоту^а И пода^атъ посл^ау ц^арско^а величества грамоту^а околннче^а Артемонъ Серг^афевичъ Матв^афевъ блиско великого г^адра, по^аноси^а грамоту д^амно^а дьякъ Григорей Богдано^а пото^амъ что око^аннче^а Артемо^а Серг^афевичъ вы^а воленъ» (Лл. 107 об.–108).

ПКРХ2 – «І великие гѣдри (Іоанн Алексеевич и Петра Алексеевич) ѡкажѣтъ спроситъ о ханове здоровье дѣмноу дьяку Емельяну Ігнатѣвичю Украинцову и дѣмноу дьяку молытъ дѣрѣимѣѣкъ дѣсвѣѣковъ великие гѣдри ихъ црское величество жалѣя хивинского Анавшамамѣѣтъ хана велѣа о здоровье спроситъ и посолѣ про ханове здоровье сказавъ подастъ великимъ гѣдремъ ханову грамоту» (лл. 40–40 об.).

ПКРБ – «А какъ рѣчь иѣговоритъ и великии гѣдрѣ (Алексей Михайлович) пожалѣетъ посла велитъ спроситъ о здоровье дѣмноу дьяку Демѣнѣтю Башмаковъ и дѣмноу дьяку молытъ Мѣллоуѣѣ великии гѣдрѣ его црское величество жалѣетъ тебѣ велѣа спроситъ о здоровье ... А после того дѣмноу дьяку явитъ великомъ гѣдру бѣхарского хана поминки... А какъ дѣмноу дьяку дары явитъ и великии гѣдрѣ велитъ дѣмноу дьяку сказать послѣ свое великого гѣдриѣ жалованье в стола мѣсто коѣмъ и питье А молытъ Мѣллоуѣѣ црское величество жалѣетъ тебѣ свои црского величества жалованьемъ в стола мѣсто коѣмъ и питье и сказавъ коѣмъ и питье оѣпѣститъ на поѣворье» (лл. 19 об.–20; 21).

Таким образом, как правильно замечает Д. С. Кулматов, «вся среднеазиатско–русская и русско–среднеазиатская дипломатическая переписка осуществлялась через посредство дьяков. Это было хорошо известно (следовательно, и семантика самого слова *дьяк*), наверное, каждому среднеазиатскому послу и гонцу, о чем свидетельствует, например, частое употребление слова *дьяк* в иноязычных текстах среднеазиатских дипломатических документов XVII в.» [Кулматов 1994: 30].

Следующим по важности лицом в Посольском приказе считался *подьячий*, выполнявший в основном письменную работу, касающуюся дипломатических связей России с Хивинским и Бухарским ханствами. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» слово *подьячий* впервые упоминает в Актах, относящихся до юридического быта древней России под 1391 г. в значении «лицо, занимающееся составлением частных актов, челобитных, перепиской бумаг: с XVI в. – на Руси низший чин приказной администрации, выполняющий под

руководством дьяков основную делопроизводственную работу в центральных и местных учреждениях»: «Писать Николской площади на дврищах сидя на съѣзжом двори подьячей Кузимка Самойловъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 16: 87]. (Слово *подьячий* происходит «от црк.-сл., др.-русск. *подьякъ*, *иподьякъ*... Приставка *под-* здесь народно-этимологического происхождения» [Фасмер III: 301–302]).

Слово *подьячий* довольно часто встречается во всех анализируемых нами источниках.

ПКРХ1 – «Во •РѢС• [1668 – О. Ч.]^м го^м июля въ •Й• [8 – О. Ч.]^а послали с твоими великого г^ад^я граматы, и для твоихъ г^адрскихъ дѣлъ мы холопи твои въ юргенскую зе^млю къ юргенскому На^ашахан^а с посломъ его с Панандою Магаметье^вѣкъ Рѹз^умовымъ, который был на Москвѣ, астараханца сна боярско^г Ивана Фѣдотьева, да посацкого члвка Мит^ьк^а Мѹромцов^а, да прика^зные полаты по^лячего Васк^а Але^кѣева, да то^амача» (лл. 5 об. – 6).

ПКРХ2 – «По крыльц^а стоятъ д^ооряномъ і^з городовъ (так в рукописи, а должно быть городовъ) і дѣтемъ боярскимъ і по^лячимъ» (л. 39).

ПКРБ – «Бѹхарской посо^а Мѹлло-ѹ^о говорилъ в ро^зговорѣ с подьячимъ с Ываномъ Астафьевымъ какъ переписыва^а бѹха^аского хана (Абдулазиза – О.Ч.) поминки». (л. 31 об.)

ПКРБ – «И подьячей Иванъ Астафѣев спрашивалъ какіе в бѹхарскомъ гос^ударствѣ есть то^авары» (л. 31 об.)

ПКРБ – «А по кры^лцѹ стоятъ дворяномъ и^з городовъ и дѣтемъ боярскимъ и подьячимъ в чистомъ же платьѣ.» (л. 41 об.).

Участие подьячих Посольского приказа в дипломатических связях России с Хивой и Бухарой подробно описаны Д. С. Кулмаматовым, который пишет, что они «вместе с переводчиками и толмачами Посольского приказа по указу царей, а иногда по распоряжению дьяков, расспрашивая хивинских и бухарских послов, гонцов, записывали расспросные речи, переписывали беловые тексты старинных русских переводов грамот хивинских и бухарских ханов, челобитных их послов...;

занимались составлением (переписыванием) ханских подарков (поминок)...;

принимали участие также в оформлении ответных грамот царей среднеазиатским ханам...» [Кулмаматов 1994: 33–34].

В свете вышесказанного представляется важным отметить, что дьяки и подьячие выступали как главные лица Посольского приказа не только в развитии дипломатических отношений Бухарского и Хивинского ханств с Россией, но и русско–среднеазиатских языковых (тюрки, фарси) контактов в XVII веке.

В Московском государстве в XVI–XVII веках наблюдалась чрезвычайная раздробленность общественного деления. Иерархические разряды, на которые делилось общество в Московском государстве того времени, назывались чинами. Само же слово чин в древнерусском языке означало «порядок, правило, степень, чин, должность, собрание» [Фасмер IV: 362].

В. О. Ключевский даёт этому понятию следующее определение: «*Чин*ом в Московском государстве назывался общественный слой, который нёс свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию» [Ключевский 1918: 98].

Одним из наиболее часто встречающихся служилых чинов в документах русского царского двора является чин *боярина* (мн. ч. — *бояре*). По классификации В. О. Ключевского, этот чин относится к группе служилых и по существу является высшим государственным чином. Термин *боярин*, отмеченный «Словарём русского языка XI–XVII вв.» впервые в Судебнике царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. («А розметныя книги старостам и соцким, и десяцким... ежегод присылати на Москву къ тем боарам, и дворецким, и х казначеем, и к дьяком, у кого будут которые города в приказе» [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 308].), определяется как «высший служебный чин в Русском государстве XV–XVII вв., а также лицо, пожалованное этим чином» [Ключевский 1918: 99].

Как свидетельствуют материалы анализируемых нами посольских книг, боярам возлагались поручения государственной важности:

ПКРХ1 – «В ннѣшнемъ во •РѢИ• [1670 – О. Ч.] ^м годѣ писали к великомѣ гѣдрю црю і великомѣ кнзю Алѣѣю Мнханловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ, и^з Астарахани бояри^и і воеводы кнзь Иван Семеновичъ Прозоровской с товарищи и присла^и к Москве астараханца Ивана Фѣдотова юргенского хана з грамотою и статѣ^и ным ево списко^и» (л. 30 об.).

ПКРХ2 – «•РѢВ• [1684 – О. Ч.] ^г мая въ •Ѣ• [5 – О. Ч.] ^{лѣ} по ука^{зѣ} велики^х гѣдре^и (Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича) бояринѣ кнзь Василен Васильевичъ Голыци^и с товарищи слѣша^и приказа^и в Астараха^и послать гсдрѣѣ грамотѣ не вѣлѣть с посла что емѣ данѣ жалова^ия і к ханѣ посланѣ и с рѣхледи еѣи пошли^и имать да в Каза^иско^и прика^и о то^и отписать^и же^и» (л. 88)

ПКРБ – «А в о^иписке к великомѣ гѣдрю (Алексею Михайловичу) ис Тобо^иска бояринѣ и воеводы кнзь Иванѣ Борисовичъ Репнинѣ с товарищи писали, давано томѣ посла^ицѣ (бухарскому послу Муллофару) со всѣми людьми в Тобо^искѣ и о^и Тобо^иска до Ве^ирхотѣря и до Москвы по городо^ии веленѣ давати великогѣ гѣдрю жалованѣи поденного ко^имѣ и питѣи (лл. 9–9 об.).

Встречается в посольских книгах название ещё одного государственного чина – *гость*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приводится ряд его значений: «1. *Гость, посетитель* ...; 2. *Купец (торговавший в разных городах и в чужих странах); иноземный купец* ...; 3. *Чин высшей привилегированной корпорации купцов в Московском государстве (в к. XVI и в XVII в.)*» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 107]). В наших источниках он встречается лишь в последнем значении:

ПКРХ1 – «А в сѣне^и бытъ дворяномѣ и дьякомѣ и гостемѣ в чистом платьѣ,» (л. 64)

ПКРБ – «А в сѣня^и бытъ дворяномѣ и дьякомѣ и гостемѣ вистом платьѣ» (л. 41 об.).

— По классификации В. О. Ключевского, гость относится к тягловым посадским (в основном московским) людям. По своему социальному статусу этот чин являлся на Руси одним из низших.

«Гости — это оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями и отличались от торговых людей гостинной и суконной сотен размером капитала» [Ключевский 1918: 93].

В текстах рассматриваемых нами посольских книг часто встречается слово *воевода*. Чин *воевода* в древней Руси означал две должности: «начальника войска, высшего местного администратора» и «одного из подчиненных органов местного управления». Первое значение принадлежит древнейшей истории и доживает до XVII века, второе — появляется в XV столетии, заменяя название прежнего наместника, и существует на протяжении всего XVII столетия. В это время *воеводы* подчинялись московским приказам, действуя по их «наказам» (инструкциям). Поэтому хивинских и бухарских послов в русских городах встречали *воеводы*, обычно назначаемые из числа *бояр*:

ПКРХІ — «**В**^т црѣ і велико^г кнѣзѣ Алєксѣя Млханловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні самодержца в ншѹ о^тчинѹ в Астарахань воаринѹ ншмѹ і воевода^и кнѣзю Иван^{омъ} Семеновичю Прозоро^{вскому} с товарищи ѡб^ераля въ •КЗ• [27 — О. Ч.] ^{ле} писали есте к намѹ великомѹ гдѣрю что приѣха^{хъ} в Астарахань юргенского Ана^{иша} хана посо^а Пола^т Кѡла а с нимѹ хановы^{хъ} людеі •К• [20 — О. Ч.] члѣвкѹ да єво посо^аскихѹ люде^и пятна^тцать члѣвкѹ» (лл. 20 об. — 21).

ПКРХ2—«І въ ннѣшнемъ во •РЧВ• [1683—О. Ч.]^а го^{ау} ноября въ •Б• [2—О. Ч.]^а писали к великимъ гдѣремъ црѣмъ і великимъ кѣзе^а Іоаннѣ Алексѣевичю Петръ Алексѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні самодѣйцамъ изъ Астарахани око^анчен і воеводы Алексѣи Петровичъ Головинъ с товарищи что хивинскогѡ посла Авреи^а Бѣка Асвекова і хановыхъ і ево посольскихъ людей да^а сдѣлавъ і кормщика і гре^ацовъ изъ Астарахани о^апустн^а к Мо^акве». (лл. 57 об. —58)

ПКРБ – «И по ѹка^{тѣ} великиѣ гдѣ^ирей по городомъ сто^иникомъ і воевода^и и дьякомъ, і всякимъ прика^зны^и людемъ, велѣтъ томѣ послѣ и сынѣ ево и по^иачемъ и людемъ ево и кошевтаромъ давать на ко^имъ дене^и и питья по се^и про^иѣ^ижей смѣтъя в какой день имъ о^т которо^и города до которо^и города мочно поспѣтъ». (лл. 5–5 об.).

В текстах посольских книг фиксируется наименование служилого восточного должностного лица *городничий* (хаким – «правитель города»):

ПКРХІ – «А какъ ^ае они приѣхали к горо^иу Хиве на по^ихожей ста^и, и юргенской Ана^ишаха^и присла^и к немѣ Иванѣ городничего а с нимъ .Бѣ [2 – О. Ч.] лошади с сѣдлы и с ѹзды и приказа^и томѣ городничемъ у него Ивана і в приставе^ихъ бытъ». (л. 9)

Должность городничего ведёт своё начало в Московской Руси с первой половины XVI века от городского приказчика. Слово «городничий» произошло от словосочетания «городовой приказчик». Городовые приказчики выбирались из среды уездных служилых людей. В XVII веке в связи с реорганизацией местного управления городовые приказчики стали подчиняться назначаемым из центра воеводам, принявшим на себя административные, полицейские и военные функции [Зенченко, Сабенникова // www.imha.ru/1144523449-gorodovoj-prikazchik.html].

В рассматриваемых нами источниках встречается наименование ещё одного придворного чина – *окольничий*. Впервые слово *окольничий* «Словарём русского языка XI–XVII вв.» упомянут в Смоленских грамотах XIII–XIV веков в значении «*Придворный чин (и должность) на Руси XIII–XVIII вв., в обязанности которого входило первоначально обеспечение путешествий князей и московских государей и представление им иностранных послов, а позднее – и другие поручения военного и гражданского характера*» под 1284 г.: «А ту были на суде со мною бояре мои: Григорь намѣстникъ, Данило, Артѣмин, Микула Дядковичъ, Лука околничии» [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 334].

Окольничие назначались руководителями приказов, полковыми воеводами, участвовали в организации придворных церемоний. Данные посольских книг показывают, что им поручались те же дела по

управлению, что и боярам, с тем только различием, что они в инстанциях занимали второе место после бояр. Они сидели в приказах, назначались наместниками и воеводами, бывали послами и членами государственной думы: [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 334].

ПКРХ1 – «Указа великий црь і великий кнзь Алексѣи Михайловичь всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣжець прислаѣ в Посоѣской приказъ окоѣничему к Артемону Бергѣевичу Маѣвѣевичу, да къ дьякомъ к дѣльному к Григорью Богданову, да къ Якову Поѣдышеву, да к Ивану Сеѣтаѣеву дворянина доѣра быѣ ему у юргенскоѣ посла у Полаѣ Кѣла в приставах а посоѣ к Москве вѣдет вскоре». (л. 45 об.)

ПКРХ2 – «И они околничен і воеводы посылаѣ к нему говорить чтоѣ онѣ посолѣ с хановымъ листомъ ѣхѣ к Моѣвке і посоѣ билѣ челомъ великому гѣдрю і присылаѣ к нимъ говорить послан де онѣ посолѣ к великому гѣдрю с листомъ іѣ дары і слонѣ на дороге ѣмеѣ а дары і ево посолскоѣ животѣ раѣгравиѣ без остаткѣ толко в целости листѣ і ѣхѣт ему нне к Моѣвке не счеѣт да и хану ѣе не описаѣся ѣхѣт не смѣѣ а послѣл нне с вѣдомостью к хану людеи наскоро чтоѣ ему повѣыѣ в Астарахани до вѣдомости і до присылки от хана і даватѣ гѣдрю жалованье кормѣ і питьѣѣ протиѣ иных такихъ ево братѣи хивинскиѣ пословѣ» (лл. 27 об. – 28).

ПКРБ – «Иѣ саней посол (Муллофар) вышелѣ противѣ роѣрядѣ и поставленѣ быѣ посолѣ с людьми поѣле Івана Великого противѣ боѣшого колокола на скамьяхъ. А какъ дѣѣство (театрализованное представление перед литургией в Мясопустную неделю – О. Ч.) совершилось и по указѣ великого гѣдря (Алексея Михайловича) призывалѣ окоѣничей Родионѣ Маѣвѣевич Стрешневѣ дьяка Якова Поѣдышева і велѣѣ спроситѣ оѣ великого гѣдрѣ посла о здоровье, и сказать в стола мѣсто ево великого гѣдрѣ жалованье кормѣ и питьѣ» (лл. 30–30 об.).

В Посольской книге по связям России с Хивой 1682–1684 гг. упоминается *кравчий*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» его впервые в значении «почетная придворная должность (обязанности кравчего состояли в том, что за столом он подавал блюда царю и

особам царской семьи, наблюдал за стольниками и чашиками)» свидетельствует в Львовской летописи под 1536 годом: «А в кравчий быть у великие княгини Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, а у царицы быть кравчий князь Василей Репнинъ; а столники и чашики всѣ у великие княгини за столом были» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 402].

Как было сказано выше, слово *кравчий* встречается в Посольской книге по связям России с Хивой 1682–1684 гг.:

«Хивинско^{го} Анавшама^{тъ}б^ѣтъ хана посо^а Аерем^ъб^ѣкъ Асве^ѣков^ъ і великих^ъ г^ѣдр^ѣ жалован^ъа почем^у поденног^о ко^ом^у і пит^ъя в Астарахан^ѣ том^у посл^у і хановым^ъ і посо^аским^ъ людем^ъ с при^ѣд^у ево в Астарахан^ѣ на день даван^ъа іс которо^{го} числа і по которое числ^а дано і которог^о числа о^тп^уще^а тот^ъ посол^ъ со вс^ѣми лю^дми із Астарахан^ѣ к Мо^{ск}ве и по ^ука^зу великих^ъ г^ѣдр^ѣ ц^ѣрен і великих^ъ к^нзе^а Іванна Але^ѣѣевича Петра Але^ѣѣевича всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росіі самодержцев^ъ кравч^ѣм^у к^нзю Борис^ъ Але^ѣѣевичю Голицын^ъ с товарищи ^учинити о том^ъ по ^ука^зу великих^ъ г^ѣдр^ѣ» (лл. 52–52 об.).

Кравчий служил московскому государю за столом во время торжественных обедов. В ведении кравчего были стольники, подававшие кушанья. На эту должность назначались представители наиболее знатных фамилий. В списках они писались после *окольных*. В этой должности, считавшейся весьма почётной, они оставались не более 5 лет. Кравчество, являвшееся высшей ступенью для *стольника*, не соединялось с высшими служебными должностями — дворецкого, окольного, боярина [Кравчий, окольный, стольник и другие. Кто стоял у истоков «столовой» политики в древние времена? // eurowine.com.ua/?q=node/22481].

Следующим по важности должностным лицом, встречающимся в текстах анализируемых нами посольских книг, является *пристав*, назначавшийся воеводой пограничного города при приезде хивинских и бухарских послов в Россию для сопровождения до пункта назначения — Москвы:

ПКРХ2 – «Во •РІА• [1673 – О. Ч.] ^м годѹ присланы к Москве из Астарахани за юргенски^м посломъ в приставахъ астарahanецъ Микита Невзоро^в да Посольскаго прик^зу то^амъ Леонтеи Торомановъ» (л. 47).

ПКРХ2 – «О^тпущенъ с Москвы хивинскаго Ана^аша^аветъ хана посолъ А^абреимѣ^в а с ни^а хановы^х и ево посолскихъ людей одина^ацать чавкъ а ^а приставахъ посланъ с нимъ о^т Москвы до Астарахани астарahanецъ Феодосій Логино^в». (л. 101 об.)

ПКРХ1 – «В прошлы^х годѣх і в ннешнемъ во •РБН• [1670 – О. Ч.] ^м годѹ давано велико^г г^дря жа^авана поденного ко^му астарahanомъ дѣтемъ боярскимъ которые присылаваны в при^аставехъ с кизы^авашскими кѣчины на м^ацъ по осми дене^г чавкѹ на день (лл. 31–31 об.)

Следует заметить, что нередко обязанность пристава выполняли переводчики – «письменные переводчики» или толмачи – «устные переводчики» [см.: Кулмаматов 1984: 34]:

ПКРХ2 – «А в приставахъ у негѹ (ургенчскаго и хивинскаго посла Надырбека Курмамбетова) былъ с при^ав^адѹ ево и до о^тпущк^у г^дрственнаго Посольскаго приказу перево^ачикъ Петръ Татаринновъ». (л. 32 об.)

ПКРХ1 – «Великомѹ г^дрю црю і великомѹ кнзю Алеѣ^ат^аю Михайловичю всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росні самодѣ^ажцѹ астарahanецъ Микита Не^азворовъ ^а то^амачъ Лео^атей Торомановъ выю^т челомъ пшсланы ^а они из Астарахани к Москве юрьге^аскаго по^ала в приставахъ і великнй г^дрь пожалова^а бы н^ах велѣлъ имъ дати своегѹ великаго г^дря жалованья за проѣздъ какъ емѹ великомѹ г^дрю бѣ^а извѣститъ» (л. 79).

По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», слово *переводчик* в значении «переводчик (в основном для письменных текстов)» впервые засвидетельствовано в Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенскаго монастыря под 1545 г.: «Не ведаю, в греческой книге так писано, или убо недоумения ради языка так

с Бухарой XVII в. по отношению к данному члену бухарского посольства, «занимающемуся в восточных канцеляриях письменными делами», использовали в качестве эквивалента русские термины:

а) *подьячий* – «Да питьѧ послѧ по три чарки вина по по^очетвѣр^ти ведра медѧ по чѣ^твѣр^ти ведра пива а сынѧ ево и по^олячемѧ и людя^и и кошевараомѧ ево штина^тцати чѧвкомѧ по чарке вина по полѧчетвѣр^ти ведра пива на день чѧвкѧ» (лл. 4 об. – 5).

б) *писарь* – «А ннѣ мнѣ послѧ и товарищемъ мон^и тринна^тцати чѧвкмѧ и тѣ хановы люди да сынѧ моемѧ и писарю моемѧ да трѣмъ чѧвкмѧ бѣх^арскогѧ г^одрства с любите^лными грамотами к вамѧ великомѧ г^одрю притѣхали і ви^ии пресвѣтлыѧ г^одрские очи видѣли» (лл. 49–49 об.).

«В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско–Литовским конца XV в. слово *писарь* выступает только как титул польско–литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским грецизмом *дьякъ*» [Золтан 2002: 766–804].

По мнению А. Н. Качалкина, «в XV–XVI вв. слово *писарь* в русском деловом языке употреблялось лишь по отношению к людям польского государства» [по Кулматову 1994: 66].

Таким образом, во второй половине XVII в. слова *подьячий* и *писарь*, обычно обозначавшие «должностных лиц, занимавшихся в русских канцеляриях письменными делами», расширили свои значения и стали применяться и по отношению к восточным писцам.

Кроме того, в рассматриваемых нами источниках встречаются, как уже было отмечено выше, наименования восточных должностных лиц:

Ясаул: ПКРХ1 – «Жили ^ие они (Иван Федотов с товарищами) въ ю^генской землѣ за о^тпѣскомѧ июня съ ^ив^и [2 – О. Ч.]^и числа ^ив^и [1668 – О. Ч.]^и го^и сентѧбря по ^ит^и [13 – О. Ч.]^и число ннешняго

•РѢН• [1669 – О. Ч.] г го^м а корм^м ^{ле} имъ Иванъ с товарищи
четыремъ члвкомъ на всѣ тѣ мѣцы, то^км два^тца^т семь лепешекъ,
да семь барановъ, да крупъ и пшеницы семна^тца^т пѣд два^тца^т
гривенокъ рѣски^х, а больши того і в дорогѣ корм^м и питья имъ не
дано, а каковѣ г^дрь роспись хановымъ любительнымъ поминкомъ и
посо^аскимъ даромъ, пода^а ево посолской яса^блѣ» (лл. 2 об. – 3).

Тюркизм происходит от *яса* – «следящий за соблюдением
«законов, изданных Чингизханом» и восходит к тюркскому слову
«язу» – «писать» и «ул» – «сын» [Салимжанов
<https://books.google.at/books?isbn=5041166668>].

Абыз: ПКРХ1 – «Перево^а с ^адарсовского писма с росписи, каковѣ
присла^а юргенско^а посо^а Пола^т кѣ^а бекъ, хановымъ людемъ и
челя^аникомъ свои^а которые с нимъ приѣхали к Москве в
ннешнемъ во •РѢА• ^а го^м дека^ар^а въ •КД• ^{ле} Са^атан кѣлы бѣкъ
авы^а А^адрахимъ бекъ, Магметъ ази^а бекъ, Ния^а бекъ, Магметъ
риза бекъ, Магметъ кѣлы бекъ, Джанъ ази^а бекъ, Джѣма кѣлы
бѣкъ, А^ажи бака бекъ, Адина магметъ бекъ, Нѣрмагметъ бекъ,
звѣровщикъ Ро^амагметъ, А^ат^а шѣки^а бекъ, Бакей магметъ бекъ,
Дервыш бекъ, Адаръ бекъ, Бегѣ^а бекъ, Дах^аджамшѣк^а бекъ
Джанъ тай бекъ Магметъ бекъ Да посолски^х ево людей
Хо^ажекѣлѣ, Да^алякъ которые волосы снимаютъ Поко^а Ариш
хлѣ^аникъ Али Іваз Бѣгншъ, Нажимъ Ха^ажикѣ^абанъ, А^адей
Садыкъ Алк^алыхъ, и Кѣлымагме^а Ими^а А^анакѣлы, Ка^ачига^а,
Трѣмта^а, Кѣ^алѣ^абан Всегѣ •АѢ• члвкъ» (лл. 75 об. – 76 об.).

ПКРХ2 – «...І после тогѣ тотъ ка^амыкъ продалъ ево Васкѣ в
полонѣ в Хивѣ хивинскимъ то^аговымъ людемъ а в Хивѣ прода^а
ево тѣ то^аговые люди хивинско^а авы^а Бакѣ А взя^а за негѣ
семдеся^а рѣ^алевъ і жиа^а ѣ тогѣ авыза з го^а и после того тотъ авы^а
ѣ^адил в Бѣхара^а землю для то^агѣ своего а ево Васкѣ с собою
возилъ и Бѣдѣни де в Бѣхара^а то^а авы^а ево продалъ Бѣхаретинѣ
Аширѣ^акѣ а взя^а за негѣ семдеся^атѣ же рѣ^алевъ...». (л. 20–20 об.)

Согласно Д. С. Кулматову, данное слово равнозначно другому
восточному слову *мулла*, обозначающему «лицо, имеющее право

служить в мечети и толковать Алкуран. Но когда слово *мулла* располагалось перед собственными именами, то оно указывало просто на грамотного человека, умеющего писать и читать восточные тексты, написанные арабской графикой» [Кулмаматов 1994: 69]. Но в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» последнее значение не отмечается. Согласно данным этого лексикографического источника, в древнерусском языке слово *абыз* означало «мусульманское духовное лицо, имам, мулла»: «И призвали они къ себѣ болшаго ихъ абыза, рекше попа, именем Сидоша» (1493 г.) [СлРЯ XI–XVI вв., 1: 19].

Поэтому, на наш взгляд, здесь следует внести некоторое уточнение, так как в приведённом нами выше примере слово *абыз*, написанное перед собственным именем, как и *мулла*, употреблено в значении «грамотный человек».

Мурза: ПКРХ1 – «В томъ же го^{лѣ} посыла^{хъ} бы^{хъ} и^{хъ} Астарахани * Иштерека мѣрѣу з братьею і иныхъ мѣрѣзъ к шерти приводить Бѣнѣ^{хъ} Соковнинѣ и ка^{кѣ} к Москве прѣхалѣ и дано е^{му} г^{рѣ}дѣва жалова^{на}я» (л. 35);

Как указывает Д. С. Кулмаматов, в старинных русских переводах среднеазиатских деловых памятников XVII века встречается и другая форма данного слова – *мурза*, «сын князя или человека замечательного, каз. тат. мурза, дворянин (у крымских татар этот титул придавался к именам из благородной фамилии. Слово это, употребляемое без собственного имени, как звание, значит: секретарь, писарь; поставленное после собственного имени, означает князя из шахской фамилии, царской крови, как некогда называли и потомков Тимура; в начале собственного имени – соответствует слову господин, всякий грамотный человек, редактор)» [Кулмаматов 2014: 119].

М. Фасмер считает, что слово *мурза* тюркским языком было заимствовано «из араб.–пер emirzadä “княжеский сын”» [Фасмер IV: 12]. Но Д. С. Кулмаматовым по поводу истории и происхождения данного слова высказано иное мнение:

1) «арабско–персидское сложное слово *āmīrzādā* состоит из двух частей – арабского *āmīr* «эмир, правитель, князь, государь» и *zādā* «рожденный, сын» и дословно обозначает «рожденный от эмира», «сын эмира», которое переводилось обычно на русский язык как

«княжеский сын». Арабское слово *āmīg*, обозначающее титул потомков Пророка, перешло в персидский язык в сокращенном виде – *mīg*; персидское слово *zādā*, попав в тюркский язык, изменило свою структуру, т.е. в результате отпадения второго слога *dā* подверглось упрощению, а первый слог *zā* присоединился к корню»;

2) «в русский язык персидское слово проникло из тюркского в виде *мирзá*, а его вариант – *мурзá* возник на русской почве в результате замены нелабиализованного краткого гласного звука и с лабиализованным гласным звуком у в первом слоге – это, во-первых. Во-вторых, следует констатировать, что в письменных памятниках тюркских языков XVII века арабско-персидское слово *mīrzā* писалось без краткого звука *i* – *mirzā*, поэтому оно русскими переводчиками и писцами читалось и писалось двояко» [Кулмаматов 2014: 120].

В текстах посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII в. употребляются наименования не только хивинских и бухарских, но и других восточных должностных лиц, например, калмыцких – *тайша*.

Слово *тайша* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» впервые отмечает в значении «*первый после хана феодальной титул у монгол, калмыков, бурят и маньчжуров; лицо, носящее этот титул*» в Русской исторической библиотеке под 1609 г. «А велѣно, государь, имѣ лутчимъ тайшамъ Езению, да Узению, да Абакаю говорити» [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 196].

В. И. Даль слово *тайша* определяет как «калмыцкий владелец, старшина, пониже нойона» [Даль IV: 387]. Согласно данным этимологических словарей русского языка, *тайша* ‘знатный калмык’ «калмыцкий владелец, старшина, пониже нойона» является ранним заимствованием монголо-западного происхождения: «бурятское тайшаа ‘глава степной думы’, монгольское *taisi* феодальный титул < китайское тайшǐ (= «великий учитель»), эвенкийское (< монгольское) *tajsā-tajča* «начальник» [Фасмер IV: 12; Аникин 2000: 526].

Тайша встречается во всех анализируемых нами документах:

ПКРХ1 – «А посо^ского прика^зу то^мачъ Тара^с Ивано^с по сѣте^с не порочно^с ева^сгелско^с заповѣди еже е^с ей сказа^с какъ де онъ Тара^с былъ в полонѣ у А^слая та^сши и при не^с приѣхали из А^ста-

рахани юргенского посла три члѣва люде" и какъ де ево Тараса Аблай та"ша о"пѣсти^а с по"ла"ники свои^{ми} к Москве и юргенча"инъ де Рамагъ^а би^а челомъ А"лаю таншѣ что^с ево о"пѣстилъ с по"ланники своими и с ни" Тарасо" к Москве» (лл. 152–152 об.)

ПКРХ2 – «Посла" вы" к великому г"дрю с ни" Авреимъ бѣкомъ в дарѣхъ слонъ і иные розные дары і на дороге де Аюкая танши ка"мыки того слона і арапа ktorои вы" у негѣ приставле" о"няли і о"дали в 8лү^с Назармамүта танши». (л. 27)

ПКРБ – «И посо^а говори^а то ^{ае} и дѣло что ханъ ихъ давно имѣеть охоту что^с с црски" величествомъ ссы"камъ быть и не допѣщали до того ка"мыцкие ссоры и послать было хану пословъ своих опасно потому что пѣтъ имѣють чре^з 8лүсы их а какъ де тайши 8чинились спокойны и ханъ ^{ае} послалъ ево к великому г"дрю къ его црскому величеству что^с и"воли^а ево принять і впре^а посломъ и торговы" людемъ на обе стороны и"воли^а ходить свободно» (лл. 52 об. – 53).

Как видим, в приведённых контекстах слово *тайша* употреблено в значении «калмыцкий родовой старшина, владелец улуса».

3. Наименования лиц и национальностей

Значительное место в словарном составе рассматриваемых нами посольских книг занимает также номинативная лексика, обозначающая наименование людей по территориальной или национальной принадлежности. Наблюдения показали, что в большей степени выявляются наименования лиц по месту жительства, включающие прилагательное от географического названия:

ПКРХ 1: казанский житель – «...юргенцы намъ великому г"дрю (Алексею Михайловичу) били чело" в вѣчное по"данство и живѣтъ в Казане многие годы і тягло с каза"скими жители торговы" лю"ми всякие подати платят"...» (л. 120 об.);

астараханский житель – «...они (юргенцы) били челомъ намъ великому г"дрю (Алексею Михайловичу) в Астарахани в тягло

и^зволи и живѣ^{тъ} в Астарахани многіе лѣта і всякіе подати и тягло платятъ с то^рговы^х своих промысловъ с астараканскими житє^м вмѣстє...» (л. 122–122 об);

ПКРХ2: хивинский житель – «...и^з бѣх^арскіе земли о^т тогѡ бѣхаретина (Аширбека) звѣжа^а в Хивѣ і в Хивѣ поима^м ево хивинскіе жители і о^тдали ханѣ» (л. 20 об.).

Количество наименований лиц по национальности относительно небольшое. Они в основном образуются от названия стран:

ПКРХ2: Русь – русский: «Да емѡ * Федосѣю смотрѣтъ ...что^ѡ ѹ посла и ѹ люде^ѡ ево аниши^х людей рѣских^{*} и инозе^ѡцовъ мѣжеска полѡ и женска о^тню^ѡ не было» (л. 113);

Русь – русская: «Рѣская^{*} дѣвка сказала зовѣ^ѡ еѣ Оксю^ѡкою» (л. 104);

Калмыкия – калмык: «... посланъ бы^ѡ к велико^му г^дрю (Федору Алексеевичу) с нимъ Абреимѣкомъ (хивинским послом) в дарѣхъ слонъ ...и на дороге ^ѡ Аюкала танши калмыки того слона...о^тняли» (л. 8 об.).

Несмотря на множество способов наименования, наиболее типичным оказывается суффиксальный, когда образуется существительное со значением лица, проживающего в определенной местности.

В текстах рассматриваемых нами посольских книг встречаются наименования лиц по месту жительства и национальности, образованные аффиксальным и неаффиксальным способами:

а) названия людей по национальности:

ПКРХ2: татарин – «... і то^ѡ де то^ргово^ѡ татаринъ (крымский) продалъ ево Васкѣ в Хивѣ хиви^ѡскомѣ ханѣ (Анавшамамбету)» (лл. 21 об. – 22);

русская; татарка – «...пришли в г^дрстве^ѡно^ѡ Посо^ѡской прика^ѡ з двора сто^ѡника Григорья Новосилцова гдѣ поста^ѡленъ хивинского Ана^ѡшамамбетъ хана посо^ѡ Абреимѣкѣ^ѡ Асвеѣковъ, дѣвка рѣская да с нѣю тата^ѡрка жонка хивинского посла кѣпленая ясы^ѡрка» (л. 103 об. – 104);

казак — «... жила она (астраханская татарка Уразбика) на Донѹ 8 казака 8 Маѹнѹма Сколозѹкова» (л. 104 об.);

б) названия людей по месту жительства:

ПКРХ2: бухаретин — «...тот абыз (хивинский Бек) ево (астраханского конного стрельца Ваську) продалъ бѹхаретинѹ Аширѹбѹкѹ» (л. 20 об.);

астараханец — «...посыла" в приставахъ за юргенскимъ посломъ астараханецъ Осипъ Таѹшкановъ» (л. 98);

казанец — «...присыланы к Москѹ из Астараханѹ за балхннскимъ посломъ в приставахъ казанецъ Тимоѹѹбъ Одиновъ да то"ма" Аѹѹ"ка ѹроловъ» (л. 47).

Большой интерес представляют слова, содержащие в своей структуре весьма древний, широко известный и продуктивный суффикс *-ец*, появившийся в русском языке к началу письменности [Потиха 1970: с.190–191] и используемый для обозначения лиц по местности. Этнические наименования в текстах посольских книг оформлены исключительно этим суффиксом:

ПКРХ1: Астараханъ — астараханецъ — «... по твоемѹ великого г"дря (Алексея Михайловича) ѹка^{3v} б"ди" в Хивѹ по"ланникъ Иванъ ѹедотье" астараханецъ сѹъ боярской» (л. 26 об.);

Володимер — володимирецъ — «Црю г"дрю і великомѹ кнзю Алеѹ"ѹю Миха"ловничю всеа Великия и Малыя и Бѹлыя Росні самодѹ"жцѹ вьетъ челомъ сирота твой володимирецъ посацко" ч"вка сѹъ Мишка Матѹ"ѹе"» (л. 22);

ПКРХ2: Царицыно — царицынецъ — «Дрѹгон полоняникъ сказался царицынецъ коннои * стрелецъ Васкою зовѹтъ Григоревъ і слѹжи" в Гарасимове приказе Быкова четы"на"цать лѹтъ» (л. 21 об.);

В рассматриваемых нами источниках для обозначения жителей использован еще один суффикс — *-чанин* (*-ченин*). Он отмечается в структуре слова *юргеньчанинъ*:

ПКРХ1 — «...прѹбѹхали из А"тарахан" ю"генского посла три ч"вка люде" и какъ де ево Тараса Авлай та"ша о"пѹсти" с

посла^{ни}ки свои^и к Москве и ю^ргенча^инъ дѣ Рамаг^ъ ви^а челомъ...»
(лл. 152–152 об.).

Как указывает З. А. Потиха, в современном русском языке «суффикс *-ец* имеет серьёзное преимущество, так как он короче суффикса *-чанин*. А это очень важно с точки зрения закона экономии языковых средств» [Потиха 1970: 192].

Для наименования лиц по месту жительства в текстах посольских книг широко употреблены безаффиксальные существительные, образованные от аналогичных географических названий путём усечения основы:

Юргенчъ – юргенецъ – юргенцы; Бухара – бухарецъ – бухарцы.

ПКРХ1: «...дѣ^ають шо^ктъ и вязи и зендени простые а не чаровые въ юргенско^а землѣа бурмети и выбо^аки и бѣмаг^ъ и пестреди привозятъ из Бѣхаръ сами юргенцы, а бѣхар^ыцы с товары в Хивъ и въ Юргенчъ приѣ^зжаютъ малъ» (лл. 13 об. –14);

Индия – индиец – индейцы; Балх – балхинецъ – балхинцы – «...бѣхар^ыцы с товары в Хивъ и въ Юргенчъ приѣ^зжаютъ малъ а ин^дѣйцы и ва^хинцы не приѣ^зжаютъ...» (лл. 13 об. –14);

Владимер – володимирецъ – володимерцы – «...приве^з к Москве астараканецъ Иванъ Ѳедото^а окѹпя въ юргенской землѣ володимерца посацкого чѣвка Мишкѹ Львова» (л. 30);

Башикирия – башикирецъ – башикирцы; Калмыкия – калмыкецъ – калмыки: – «Црю гѣдрю і великомѹ кнзю Алѣѣ^ѣю Миха^аловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні самоде^ѣжцѹ вьетъ челомъ сирота твоя володимирецъ ...Мишка Ма^авѣе^а...в прошломъ гѣдрь ...поше^а я сирота твоя и^з Володимера ...по твое^ѹ велико^ѹ гѣдря ѹка^ѹ посла^а бы^а по^а башик^ыцы с си^абирскимъ головою с Ма^аѣниомъ Ѳилиповы^а сномъ Арсенъевымъ и не допѣста до измѣнниковъ башикирцѹ взяли меня сиротѹ твое^ѹ ка^амыки со ^асякою ра^атною зерѣю...» (л. 22–22 об.);

Царицыно – царицынецъ – царицынцы; Саратов – саратовецъ – саратовцы; Казань – казанецъ – казанцы – «Црю гѣдрю і великомѹ кнзю Алѣѣ^ѣю Миханловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росні

самоде^бжд^б вьютъ челомъ холопи и сироты твои ^{полоняники} живѣчи в
полонѣ в Бѣхарахъ а полонены мы холопи и сироты твои в твоихъ
гѣдрвыхъ городовъ астараканцы... царицыны и саратоканцы ...и
казаканцы (л. 23 об.);

Едисан – *едисанецъ* – *едисанцы* – ПКРХ2: «Третей ^{полоняникъ}
Корюшка Костянтинов сказался ниже гороцкимъ посацкимъ
члвкомъ і в прошлыхъ годѣхъ тому три^ца^т одинъ го^л нанимался онъ
Кирюшка Спаскова мн^тря что в Остарахани у ста^рцовъ на Учюгъ
нхъ на взморье в косные караульшники і на томъ ^{ле} карауле взяли
его едисанцы в полонъ» (л. 22 об.).

Среди перечисленных выше наименований лиц по месту
жительства привлекает название одного из племен ногайцев –
едисанцы. Весьма интересный материал относительно происхождения
данного слова имеется в книге В. В. Трепавлова «История Ногайской
орды»: «Едисан. Этимология этого понятия проста и сложна
одновременно. Еди – несомненно, «семь»; стало быть, «семь санов». А
вот что такое сан, понимается по-разному: «счет», «тысяча», «десять
тысяч», «миллион» (т.е. соответственно «семисчетная орда» ...)»
[Трепавлов 2002: 429].

По этому поводу имеется тождественное объяснение у М.
Авинирович: «Едисане (едисанцы, едисанские ногайцы, название,
вероятно, происходит от «еди сан» – «семь родов») – одно из ногайских
территориальных объединений» [Авинирович 2016: 118].

В названиях лиц по этнической принадлежности в посольских
книгах отмечаются суффиксы:

-ин для лиц мужского пола, присоединяемый к основе уже
имеющегося названия по национальности – *татарин* – ПКРХ2: «...
взя^{ли} его Васку в полонъ крымские татары і о^тве^{ли} в Крымъ і в
Крымъ жилъ у то^гового^г татарина о^лнѣ зимѣ а какъ зва^{ли} тогѣ
татарина тогѣ сказать не ѹмнитъ...» (л. 21 об.); *кызылбашенин*
(«красноголовые – старинное прозвище персов, носивших на голове
красную чалму» – О.Ч.) – «... кызы^лбашени^н приве^{ли}ци в Астараханъ
прода^{ли} е^{го} (ясырку татарку Уразбичку – О.Ч.) хивинско^му по^лку

А"бреи"бѣку Асвеѣкову а "зялъ за нее три"цать рѣбелевъ» (лп. 104 об. — 105).

-ка для лиц женского пола: татарка: «А тата^рка в роспросе сказала зовѣт еѣ ѱра^зника родо^м де она астараканскихъ юртовскихъ тата^р...» (л. 104 об.).

В итоге анализа небольшой лексической группы памятников русской письменности становится очевидным, что исследование истории слов русского языка является важным для изучения истории развития его словообразовательной системы.

Источники и словари

ПКРБ — Посольская книга по связям России с Бухарой 1669–1675 гг. // Российский государственный архив древних актов, фонд 109, опись 1, 1675 год, книга I.

ПКРХ 1 — Посольская книга по связям России с Хивой 1670–1673 гг. // Российский государственный архив древних актов, фонд 134, опись 3, 1670 год, книга I.

ПКРХ 2 — Посольская книга по связям России с Хивой 1682–1684 гг. // Российский государственный архив древних актов, фонд 134, опись 3, 1682 год, книга II.

Аникин I 2000 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва; Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.

Даль IV 1978 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Изд-во «Русский язык», 1978. — Т. 4. — 683 с.

СлРЯ XI–XVII вв. I — Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 1 (А — Б). — М.: Наука, 1975. — 375 с.

СлРЯ XI–XVII вв. IV — Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 4 (Г — Д). — М.: Наука, 1977. — 407 с.

СлРЯ XI–XVII вв. VII — Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 7 (К — КРАГУЯРЬ). — М.: Наука, 1980. — 407 с.

СлРЯ XI–XVII вв. XII – Словарь русского языка XI –XVII вв. – Вып. 12 (О – Опарный). – М.: Наука, 1987. – 386 с.

СлРЯ XI–XVII вв. XVI – Словарь русского языка XI –XVII вв. – Вып. 16 (Поднавёс – Поманути). – М.: Наука, 1990. – 298 с.

СлРЯ XI–XVII вв. XVII – Словарь русского языка XI –XVII вв. – Вып. 17 (Помаранець – Потишати). – М.: Наука, 1991. – 295 с.

СлРЯ XI–XVII вв. XXIX – Словарь русского языка XI –XVII вв. – Вып. 29 (Сулезь – Тольмиже). – М.: Наука, 2011. – 481 с.

Срезневский III – И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – М.: Книга, 1989. – Т. III. – Ч. 2. – 911–1684 стлб.

Фасмер III – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. III. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. – М.: «Прогресс», 1987. – 827 с.

Фасмер IV – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. – М.: «Прогресс», 1987. – 861 с.

Л и т е р а т у р а

Авинирович 2016 – С. М. А в и н и р о в и ч. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его Хронограф: Дисс. ... канд. истор. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 160 с.

Виноградова 1958 – В. Л. Виноградова. Некоторые замечания о лексике «Задонщины» // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы. – М.–Л., 1958. – Т. 14. – С. 198–204.

Волков 1974 – С. С. В о л к о в. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. – Л.: ЛГУ, 1974. – 200 с.

Волоскова 1966 – А. В. В о л о с к о в а. Дипломатическая лексика начала XVIII века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 17 с.

Зенченко, Сабенникова – М. Ю. Зенченко, И. В. Сабенникова. Городовой приказчик // www.imha.ru/1144523449-gorodovoj-prikazchik.html

Золтан 2002 – А. З о л т а н. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. II. Кн. I: Киевская и Московская Русь. – С. 766–804.

Ключевский 1918 – В. О. К л ю ч е в с к и й. История сословий в России. – Петроград: Лит.-изд. отдел Народного комиссариата по просвещению, 1918. – 276 с.

Ковин 2006 – В. Н. К о в и н. Социально–политический контекст титулатуры Ивана IV: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Челябинск, 2006. – 19 с.

Кравчий, окольничий, стольник и другие. Кто стоял у истоков «столовой» политики в древние времена? // eurowine.com.ua/?q=node/22481

Кулмаматов 2008 – Д. С. К у л м а м а т о в. Дьяки, подьячие Посольского приказа и развитие российско–среднеазиатской дипломатической переписки в XVII в. // Материалы Международной научной конференции «Роль Национального университета в развитии системы высшего образования и науки в Узбекистане», посвящённой 90-летию Национального университета Узбекистана. 22–23 августа 2008 года. – Ташкент, 2008. – С. 268–274.

Кулмаматов 2014 – Д. С. К у л м а м а т о в. Мурза – мирза // Русская речь. – М.: Наука, 2014. № 5. – С. 118–121.

Кулмаматов 1994 – Д. С. К у л м а м а т о в. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). – М.: МПГУ, 1994. – 109 с.

Кулмаматов 1983 – Д. С. К у л м а м а т о в. Старые русские переводы хивинских и бухарских челобитных XVII в. как лингвистический источник: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 355 с.

Кулмаматов 2018 – Д. С. К у л м а м а т о в. Язычей // Русская речь. – М.: Наука, 2018. – № 5. – С. 105–109.

Полный титул Ивана Грозного // <https://newsland.com/content/polnyi-titul-ivana-groznogo/6535371>

Потиха 1970 – З. А. П о т и х а. Современное русское словообразование. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1970. – 384 с.

Рогожин 1994 – Н. М. Р о г о ж и н. Посольские книги России конца XVI – начала XVII веков. – М.: Изд-во Института российской истории, 1994. – 222 с.

Сабенина 1971 – А. М. С а б е н и н а. Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. (По материалам статейных списков русских послов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 22 с.

Садыхлы 1972 – Н. Е. С а д ы х л ы. Бьет челом холоп твой // Русская речь. – М.: Наука, 1972. № 4. – С.99–105.

Салимжанов – Р. С а л и м ж а н о в. Великий язык тюрков [<https://books.google.at/books?isbn=5041166668>]

Сергеев 1973 – Ф. П. С е р г е е в. Формирование русской дипломатической терминологии (по данным памятников письменности XI–XVII вв.): Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. – М., 1973. – 56 с.

Сергеева 1993 – М. Ф. Сергеева. Функционирование и развитие русской дипломатической терминологии в XVIII веке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1993. – 22 с.

Трепавлов 2002 – В. В. Т р е п а в л о в. История Ногайской орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

Чащина 2019 – Е. А. Ч а щ и н а. Лексический состав титулатуры в памятниках деловой письменности Московской Руси XV–XVII веков // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. Вып. 46. № 22 (203). – С.140–143.

Chuponov Otanazar Otazhonovich

Urgench State University

(Urgench, Uzbekistan)

chuponov_1960@mail.ru

LEXICAL CONTENT OF THE EMBASSARY OF BOOKS ON RUSSIA'S RELATIONS WITH KHIVA AND BUKHARA

Annotation. In the article there was considered the composition of titles of the Russian kings of the 17th century. And there were narrated the peculiarities connected with the emergence time of lexical units used for naming Russian kings' titles, reasons and changes on the basis of the factic materials of ambassadorial books on the relations between Russia and Khiva, Bukhara in the 17th centuries. The article contains information obtained / drawn from the ambassadorial books on the relations of Russia with Khiva and Bukhara in the 17th century, information on the names of Central Asian and Russian officials who took an active part in the establishment and development of diplomatic and trade relations between these states. The article on the "Ambassadorial book on relations of Russia with Khiva 1670–1673" and "Ambassadorial book on relations of Russia with Khiva 1682–1684" explores the names of persons by ethnicity and place of residence, identify their methods of education, are the most typical patterns of word formation. The author argues that the study of the history of language is very important to study the history of his derivational system.

Key words: *governor, king (khan), autocrat, great king, great prince, ambassadorial book, ambassadorial order, official, writing monument, text, cursive, manuscript, ambassador, Russia, Khiva, Bukhara, history of language, word-formative model, the names of persons by ethnicity, names of individuals by place of residence.*

References

- Avinirovich, S. M. (2016). *Arxiepiskop Astraxanskiy i Terskiy Paxomiy i ego Xronograf* (Doctoral dissertation).]. St.–Peterburg.
- Vinogradova, V. L. (1958). *Nekotorye zamechaniya o leksike «Zadonshiny»* // *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Institut russkoy literatury. (pp. 199–203) Moscow – Leningrad. T. 14.
- Volkov, S. S. (1974). *Leksika russkykh chelobitnykh XVII veka. Formulyar, traditsionnyye etiketnyye i stilevyye sredstva*. Leningrad.: LGU.

Voloskova, A. V. (1966). *Diplomaticeskaya leksika nachala XVIII veka* (Doctoral dissertation). Moscow.

Zenchenko, M. Yu., Sabennikova, I.V. Gorodovoy prikazchik // www.imha.ru/1144523449-gorodovoj-prikazchik.html

Zoltan, A. (2002). Puti proniknoveniya zapadnorusskoy leksiki v velikoruskiy delovoy yazyk v XV v. // *Iz istorii russkoy kultury* (pp. 766–804). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, – T. II. – Kn. I: Kievskaya i Moskovskaya Rus'.

Klyuchevskiy, V. O. (1918). *Istoriya sosloviy v Rossii*. Petrograd: Lit.-izd. otel Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu.

Kovin, V. N. (2006). *Sotsial'no-politicheskiy kontekst titulatury Ivana IV* (Doctoral dissertation). Chelyabinsk.

Kravchiy, okol'nicliy, stol'nik i drugiye. Kto stoyal u istokov «stolovoy» politiki v drevnie vremena? // eurowine.com.ua/?q=node/22481

Kulmamatov, D. S. (2008). D'yaki, pod'yachiye Posol'skogo prikaza i razvitiye rossiysko-sredneaziatskoy diplomaticeskoy perepiski v XVII v. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rol' Natsional'nogo universiteta v razvitii sistemy vysshego obrazovaniya i nauki v Uzbekistane», posvyashchyonnoi 90-letiyu Natsional'nogo universiteta Uzbekistana* (pp. 268–274) Tashkent.

Kulmamatov, D. S. Murza – mirza // *Russkaya rech*, 2014, 5, 118–121.

Kulmamatov, D. S. (1994). *Sredneaziatskie diplomaticheskie dokumenty i ikh russkie perevody XVII v. (Gramoty. Chelobitnye)*. – Moscow: Moscov State Pedagogical University.

Kulmamatov, D. S. (1983). *Starye russkie perevody xivinskix i buxarskix chelobitnyx XVII v. kak lingvisticheskiy istochnik* (Doctoral dissertation). – Moscow.

Kulmamatov, D. S. (2018). Yazychey. *Russkaya rech*, 2018, 5, 105–109.

Polniy titul Ivana Groznogo // <https://newsland.com/content/polnyi-titul-ivana-groznogo/6535371>;

Potixa, Z. A. (1970) *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie. Posobie dlya uchitelya*. Moscow: Prosveshenie.

Rogojin, N. M. (1994). Posol'skie knigi Rossii konsa XVI – nachala XVII vekov. Moscow: Izd-vo Instituta rossiyskoy istorii,. – 222 s.

Sabenina, A. M. (1971). Leksika sfery diplomaticheskix otnosheniy v russkom yazyke XVII v. (Po materialam stateynyx spiskov russkix poslov (Doctoral dissertation). – Moscow, 1971.

Sadyxly, N. E. B'et chelom xolop tvoy // Russkaya rech, 1972. – C. 4, C. 99–105.

Salimjanov, R. Velikiy yazyk tyurkov
[<https://books.google.at/books?isbn=5041166668>]

Sergeev, F. P. (1973). Formirovanie russkoy diplomaticheskoy terminologii (po dannym pamyatnikov pis'mennosti XI–XVII vv. (DSc diss). – Moscow, 1973.

Sergeeva, M. F. (1993). Funktsionirovanie i razvitie russkoy diplomaticheskoy terminologii v XVIII veke. (Doctoral dissertation). – Odessa, 1993.

Trepavlov, V. V. (2002) Istoriya Nogaiskoi ordy. – Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» Rossiyskoy akademii nauk.

Chashina, Ye. A. (2010). Leksicheskiy sostav titulatury v pamyatnikax delovoy pis'mennosti Moskovskoy Rusi XV–XVII vekov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie. (pp.140–143). – Chelyabinsk, 2010. – Vyp. 46. – № 22 (203).

Раздел третий

А. Э. ХУДАЙКУЛОВ

Доктор философии (PhD)

по филологическим наукам

АНГЛИЦИЗМЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (XXI в.)

Аннотация. Статья посвящена изучению английских заимствований, употреблявшихся в официальных документах: указах, постановлениях Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан, Кабинета Министров, а также других организаций России и Узбекистана, написанных на русском языке в XXI веке. На основе фактического материала рассматриваются а) семантическая структура таких терминов, как «англицизм», «американизм», «квазизаимствование», «ксенизмы», «алиенизмы», «регионализмы», «варваризмы», «иноязычные вкрапления», б) особенности функционирования англицизмов, проникших непосредственно или опосредовано в тексты деловых документов на русском языке в XXI веке. В ходе исследования показаны их структура, семантика, функционально-стилистическая роль, лексико-семантические группы – дипломатическая, экономическая и научно-техническая, адаптация – фонетическая, семантическая и морфологическая.

Ключевые слова: заимствование, англицизмы, адаптация, семантика, русский язык, официальные документы, деловые документы, дипломатическая лексика, экономическая лексика, научно-техническая лексика.

Введение

Заимствование лексических единиц одного языка другим – естественное и закономерное явление. Этот процесс содействует обогащению языка и не оказывает влияния на его самобытность, т.к. при этом сохраняется основной собственный словарный фонд. Однако

в истории языка бывают периоды весьма интенсивного иноязычного влияния и широкого употребления иноязычных слов, что может вызвать негативное отношение к иноязычным словам, которые расцениваются не только как недопустимое засорение родного языка, но и как символы чужой идеологии и культуры [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 55].

Заимствования играют большую роль в историческом изменении языков, в первую очередь в пополнении словарного запаса. Такое языковое явление содействует усилению социальных, культурных, политических и экономических связей народов мира и их языков. В связи с этим необходимость исследования фактов, заимствованных лексических единиц, содержащихся в словарном составе языков, давно осознана в языкознании и никогда не теряла своей актуальности.

Основопологающим, на наш взгляд, является само определение термина «заимствование», что предопределяет в дальнейшем выбор пути и методологии исследования.

И. И. Огиенко, занимавшийся проблемой исследования проникновения иноязычных слов из одного языка в другой, указывает, что «одним из важных факторов в деле развития языка является заимствование им чужих слов из соседних языков» [Огиенко 1915: 10]. Он, говоря о причинах заимствования слов, пишет: «... чем культурнее и оригинальнее народ, тем сильнее он влияет на соседей. Заимствует обыкновенно менее культурный народ у более культурного, но, конечно, в небольшой степени бывает и обратно. Это – главная причина заимствования слов» [Огиенко 1915: 15].

Согласно американскому лингвисту Л. Блумфилду, заимствование – это определенный вид языковых явлений. По его мнению, выделяется три вида заимствований: 1) заимствование понятий культуры; 2) «внутреннее» заимствование как результат непосредственных языковых контактов; 3) диалектальные заимствования, проникающие в литературный язык из диалектов [Bloomfield 1933: 14].

Российские лингвисты понятию «заимствование» давали разные объяснения. Л. П. Крысин под заимствованием понимает процесс перемещения различных элементов (морфологии, фонологии, лексики,

семантики, синтаксиса) из одного языка в другой [Крысин 1968: 18], Н. М. Шанский – всякое слово, пришедшее в русский язык извне [Шанский, Боброва 1972: 86], В. М. Аристова – слова, освоенные заимствующим языком в достаточной степени [Аристова 1978: 152]; Е. И. Диброва – слова, уподобленные в языке–преемнике на всех уровнях системы (графически, фонетически (орфоэпически), словообразовательно, морфологически, синтаксически) [Диброва 2001]. Однако эти определения не получили окончательного признания со стороны лингвистов.

На наш взгляд, более квалифицированная дефиниция термину «заимствование» дана И. Г. Добродомовым: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [Добродомов 1990: 158–159].

Данное определение построено логически правильно: «из одного языка в другой» может проникать любая языковая единица, чуждая народам и странам понятие – морфема, слово (лексема), предложение. Фактически любой язык может включать в себя неограниченное количество заимствованных слов, если для них нет в нем соответствующих эквивалентов. Они могут быть непосредственными (из языка в язык) и опосредственными (через языки–посредники). Но следует помнить, что в качестве заимствования лексические единицы могут признаваться только тогда, когда отсутствует в родном языке эквивалентное слово для *нового* предмета или понятия.

Так как объектом нашего исследования выступает заимствованная лексика из английского языка, возникает необходимость в дефиниции и дифференциации понятий «англицизм», а также «американизм».

Термин «американизм» (англ. *Americanism*), отражающий «американский образ жизни», возник в конце XVIII века в результате влияния американского варианта английского языка. Он впервые был введен в научный обиход Джоном Уизерспуном, который в своей статье, написанной в 1781 году, «в качестве примеров американизмов Уизерспун, в частности, приводит употребление *either* в том случае,

если общее количество предметов больше двух» [Lakoff G. Hedges 1973: 15]. Но в деловых документах, привлекаемых нами в качестве источника, слова американского варианта английского языка не встречаются.

Следует констатировать, что в определении понятия «англицизм» в лингвистической науке нет единого мнения (Ф. Брокгауз, И. Ефрон, Д. Н. Ушаков, В. М. Аристова, И. С. Ожегов, А. И. Дьяков, Г. Апетян и др.), поэтому существуют различные подходы как в узком, так и в широком смысле.

В энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона англицизм обозначается как «особенность английского языка, перенесённая в другой язык» [Брокгауз, Ефрон 2006: 25].

По определению Д. Н. Ушакова, «англицизм» как вид варваризма – это «оборот речи, выражение в каком-нибудь языке, составленное по образцу английского языка» [Ушаков].

В. М. Аристова, специально занимавшаяся историей английских заимствованных слов в русском языке, вместо термина «англицизм» вводит в научный оборот новый термин «англизм». По её мнению, «англизмом считаются: 1) слово, имевшее или имеющее свой прототип по форме и значению в английском языке ..., 2) исконные английские слова и имена собственные, ставшие нарицательными, и их производные (*клуб, трамвай, бедлам, деррик, стронций*), 3) слова из других языков, получившие в английском языке новые значения (*баллада, пионер, спорт, теннис, юмор*); слова, созданные из элементов других (главным образом классических) языков (*парламент, изотоп, протон, пенициллин*), а также произвольно созданные в английском языке слова (*кодак, нейлон*), 4) слова-сокращения подвергшиеся аббревиации в английском языке (*радар, лазер, НАТО, джиай*)» [Аристова 1978: 9–10]. Таким образом, англизмы – это «не только слова исконной английской лексики, но и те латинизмы, грецизмы, галлицизмы, которые получили в английском языке новое значение и с этим значением распространились в другие языки, в том числе в русский (*агностицизм, бюджет, парламент, логарифм, пенициллин, стенография* и мн. др.)» [Аристова 1980: 3].

Данное мнение В. М. Аристовой было поддержано в диссертационной работе А. И. Дьякова «Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте» [Дьяков 2001: 19].

Широкое определение термину «англицизм» дано в «Словаре русского языка» И. С. Ожегова: «слова или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов 1983: 22]. Но в 24-ом его издании наблюдается некоторое сужение значения данного понятия: «слово или оборот речи, заимствованные из английского языка» [Ожегов 2003: 19].

Один из современных лингвистов Г. Апетян считает, что *англицизмы* – это «слова и выражения, заимствованные из английского языка (в его британском и американском вариантах), а также слова и выражения, созданные по образцу английского слова или выражения с использованием английских морфем» [Апетян 2011: 12].

Как видим, в целом, дефиниции термина «англицизм» тождественны, если не считать разницу в формулировках. С учётом приведённых выше мнений языковедов позволим себе определить его так: *англицизмы* – это заимствованные слова или устойчивые выражения английского происхождения, употребляющиеся в иноязычных текстах с сохранением своей первоначальной формы или же согласно закономерностям заимствующего языка.

Языковеды, исследовавшие английские заимствованные слова в родственных и разносистемных языках, распределяют их по типам согласно теории Л. П. Крысина, взяв за основу структурные и функциональные различия заимствований: *заимствованные слова, экзотическая лексика, иноязычные вкрапления* [Крысин 1968]. Слова, относящиеся: 1) к первому типу, пишутся графическими и оформляются морфологически средствами заимствующего языка; 2) ко второму и третьему типам, сохраняют свой иноязычный облик и морфологически нечленимы (экзотические слова изменены только графически; иноязычные вкрапления часто не изменяются никак) [Крысин 2004: 49–60].

В настоящее время благодаря развитию лингвистической науки классификация заимствований претерпевает различные изменения. Систематически вводятся новые термины, терминологический корпус, обслуживающий иноязычную лексику: *квазизаимствования* – «1) слова–миксты, происхождение которых остаётся под вопросом, потому что нет явного указания на то, происходит ли слово из другого языка или является русским словом, образованным от иноязычного слова по законам чужого языка; 2) слова–гибриды, являющиеся русскими словами, образованными от заимствованных слов по правилам русского языка» [Баш 1989: 27–31]; *ксенизмы* – «заимствованные слова, которые не меняют своего написания, рода и числа, оказываясь в лексике языка–реципиента» [Derooy Louis 1956: 224] – *диаксенизмы* – *палеоксенизмы* – *экстранизмы* – «экзотическая лексика, экзотические слова» [Валеева 2010: 118]; *алиенизмы* – «слова, обозначающие реалии, специфические для иного языкового коллектива» [Берков 1973: 110]; *интернационализмы* – «слова, совпадающие в разных языках графически и фонетически, с полностью или частично совпадающим смыслом» [Акуленко 1972: 198]; *регионализмы* – «интернациональные слова, связанные генетически и имеющие различное звучание, семантику и графику» [Маяковский 1960: 46].

Но при изучении англицизмов внимание языковедов в большей степени уделяется к терминам «варваризм», «иноязычное вкрапление», «экзотизм», «калька». Поэтому, для того чтобы правильно определить их суть, рассмотрим эти понятия.

Термин «варваризм» возник в античной Греции. «Варварами (*barbaros*), как известно, древние эллины называли всех чужеземцев, негреков. Таким образом, к варваризмам лингвисты обычно относят только те слова, иностранное происхождение которых отчётливо сознается говорящим» [Воронкова 2006: 77]. Он используется в русском языке с начала XVIII века для обозначения иноязычных слов и выражений, употребляемых в заимствующем языке без перевода с соблюдением графики и орфографии языка–источника. Первичная фиксация его отмечена Т. В. Новиковой в словаре Ф. Поликарпова под 1704 годом [Новикова 2003: 42].

Термин «иноязычные вкрапления» в научный оборот был введен А. А. Леонтьевым. Он отмечает, что «...текст на любом языке можно представить как продукт «развертки» модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определенным правилам и, наоборот, можно построить такую модель, которая будет результатом «свертывания» текста по определенным правилам... однако... некоторые отрезки (сегменты) текста не укладываются в нашу модель. Это очень частые в текстах на любом языке иноязычные вкрапления в любой текст» [Леонтьев 1966: 60–68].

Приоритет в описании термина «иноязычное вкрапление» принадлежит Л. П. Крысину, охарактеризовавшему его как «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [Крысин 1968: 18]. По его мнению, оно, являясь одним из видов иноязычных слов, отличается от других типов его – заимствования и экзотизмов структурой и функциональной особенностью.

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, под иноязычными вкраплениями следует понимать «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учёности, иногда – оттенка комичности или иронии» [Влахов, Флорин 1980: 65].

В конце XX – начале XXI века дипломатические, экономические и культурные связи Англии с Россией активизировались. Это прежде всего благоприятствовало проникновению в словарный состав русского языка большого количества лексем английского происхождения, ставшего впоследствии объектом изучения ряда лингвистов [Мартинек 1972; Беляева 1973; Изюмская 2000].

Состав англицизмов, встречающихся в текстах деловых документов русского и узбекского языков обширен, и они относятся к различным отраслям научного знания и быта. Их можно подразделить на несколько семантических групп:

- 1) дипломатическая лексика;
- 2) экономическая лексика;
- 3) научно–техническая лексика и др.

1. Дипломатическая лексика

Использование английского языка в современном мире в сфере дипломатии все расширяется. Об этом свидетельствует широкое употребление дипломатической лексики английского происхождения в документах, написанных как на современном русском, так и современном узбекском языках. Она по своему составу разнообразна. Наибольший интерес представляют англицизмы, появившиеся в словарном составе русского и узбекского языков в начале нынешнего века – *бенефициар, брифинг, пиар, саммит, спикер, спичрайтер* и др.

БЕНЕФИЦИАР – «юридическое или физическое лицо, которое владеет имуществом и получает доходы от его использования». Он как понятие отражено, например, в *Федеральном Законе России № 115–ФЗ от 07.08.2001*, а как термин «*бенефициар*» стал употребляться с *28 июня 2013 г. № 134–ФЗ. «Бенефициар»* в русских деловых документах представлен довольно широко. В частности, его можно встретить в *Послании Президента В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г.: «доходов компаний, которые зарегистрированы в офшорной юрисдикции и принадлежат российскому собственнику, конечному бенефициару»* [<http://www.kremlin.ru/news/19825>].

Данное слово восходит по своему этимологическому происхождению к слову «бенефициарный» (англ. *beneficial* < латинским *beneficiālis*, значающий «благоприятный», «благоедеяние») [https://e-notabene.ru/wl/article_10812.html].

Как свидетельствуют лексикографические источники русского языка, в частности, словарь иностранных слов Н. Г. Комлева, слово *бенефициар (бенефициарий)* первоначально употреблялось в русском языке в следующих значениях: «1) в др. Риме – какая–л. льгота (напр., должнику, в период империи – также различные податные льготы, пожалования императоров и т.д.); 2) в западной Европе в раннее средневековье – земельное владение, пожалованное королем или

крупным феодалом в пожизненное пользование вассалу (без права наследования) на условии несения определенной (гл. обр. военной) службы; с развитием феодальных отношений бенефициарии стали превращаться в наследственную феодальную собственность – феодал (лен); 3) церковная доходная должность в католической церкви» [Комлев 2000: 138].

«Бенефициар» активно использовался в русском языке в средних веках. «Бенефицием тогда назывался феодал, который за полученный от принципала надел земли (и, соответственно, за доходы с этого надела) служил благодетелю. Впервые в современном значении термин «бенефициар» как «получатель выгоды» использован в дополнительном протоколе к Income Tax Treaty (договор между США и Великобританией) в 1966 году» [<https://myrouble.ru/beneficiar-kto-eto/>]. Он отмечается также в русских деловых документах, написанных в Узбекистане: «Также кредитный комитет банка может принять решение о принятии в качестве дополнительного обеспечения договор страхования строительных рисков подрядной организации при условии, если страховой полис выдан в пользу бенефициара–банка кредитора» [ПМЗ РУз №30 2004].

Слово *бенефициар* встречается в официально–деловых документах Узбекистана, написанных на русском языке:

«... бенефициары проекта – члены Ассоциации водопотребителей или любое сельскохозяйственное предприятие, участвующее в проектах, на территории которых проводятся строительно–восстановительные работы по внутрихозяйственным дренажным и ирригационным системам, или которыми приобретает мелиоративная строительная техника (далее – *бенефициары*)» [П КабМин РУз №153].

Таким образом, термин «бенефициар» в современном русском языке употребляется в двух значениях: «1) реальный владелец бизнеса; 2) выгодоприобретатель от использования имущества другими лицами».

В лексикографических источниках узбекского языка форма *бенефициар* не фиксируется.

ПИАР (англ. public relations – «общественные связи» или «связи с общественностью») – «управление потоками информации между организацией и общественностью». Это слово является одним из активно употребляемых английских терминов в современном русском языке XXI в. Его можно встретить в текстах официально-деловых документов, издаваемых в нашей стране на русском языке: «10 процентов средств, указанных в смете расходов производства художественных фильмов по государственному заказу, используются исключительно для их рекламы и *пиар*-компаний по телевидению, радио и в сети Интернет, а также путем размещения внешней рекламы» [ПП РУз № ПП-3737].

Термин «пиар» был введен в научный оборот третьим президентом США Томасом Джефферсоном, создателем Декларации независимости США [https://abireg.ru/sb/n_1259.html].

В лексикографических источниках русского языка англицизм *пиар* стал появляться с начала XXI в. В частности, ТСИС Л. П. Крысина указано, что «*пиар* [<англ. PR – сокр. словосочетания public relations – связи с общественностью]. Вид информационной деятельности, направленной на формирование общественного мнения о ком–чем–л. (напр., в области политики, бизнеса и т.п.)» [Крысин 2010: 587].

В одном из текстов Постановления Кабинета Министров РУз № 164 от 19 июня 2015 года «Об утверждении обновлённого классификатора основных должностей служащих и профессий рабочих» можно найти слово *пиарщик*, производённое от слова *пиар*, в значении «тот, кто профессионально занимается такой деятельностью»: «В последние дни в ряде «жёлтых» средств массовой информации и интернет-изданий появились заказные публикации. Ложь и абсурд – испытанное оружие глуповатых грязных *пиарщиков*...» [Пол. РУз № 800 1999].

В современных словарях узбекского языка слово *пиар* не отмечается.

САММИТ [англ. summit вершина, верх] – «встреча на высшем уровне, встреча и переговоры людей, представляющих в своих государствах высшую власть» [Крысин 2010: 690]. В русском и узбекском языках термин «саммит» появился в середине 1980-х годов

и активно употреблялся сначала для обозначения советско-американских саммитов, а позже – саммита восьмёрки (встреча на высшем уровне руководителей восьми наиболее развитых государств мира):

«В Предложениях, подготовленных Российской Федерацией к саммиту «Группы двадцати», состоявшемуся в апреле 2009 года в Лондоне...» [П ФСФР № 09-237/ПЗ 2009];

По своему происхождению слово *саммит* восходит к старофранцузскому *sommette* – «верхушка» (*som* – «высшая точка, пик (горы)). В основе слова лежит латинское *summus* «высочайший» [<http://newslab.ru/article/269768>].

Термин «саммит» впервые был употреблён в английском языке английским Президентом Уинстоном Черчиллем в 1950 году, «метафорически назвав встречу глав государств *a parley at the summit*» – «переговоры на вершине» [<http://newslab.ru/article/26976898>].

В настоящее время в современном русском языке слово *саммит* в последнее время активно употребляется вместо словосочетания «встреча в верхах», характерного для эпохи Советского Союза. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина приводится следующее значение слова *саммит*: «встреча, переговоры глав государств, правительств» [Крысин 2010: 690].

СПИКЕР [англ. *speaker* < *to speak* – говорить] – «произносящий речи, речи, оратор». Он встречается в официальных деловых документах Узбекистана, написанных на русском языке: «Избрание *Спикера* Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан и его заместителей, председателей комитетов и их заместителей» [УЗИЛ 3].

Как указывает Л. П. Крысин, *спикер* «в Великобритании: председатель нижней палаты парламента. 2. Председатель парламента или одной из его палат в некоторых странах» [Крысин 2010: 732].

Согласно словарю иностранных слов Н. Г. Комлева, слово *спикер* имеет следующие значения: «1) в парламентах ряда государств: лицо, председательствующее в палате представителей; 2) в Англии: председатель палаты

общин; 3) употребляется по отношению к председателям Государственной Думы и Совета Федерации России» [Комлев 2000: 907].

СПИЧРАЙТЕР – образованный от английской основы (speechwriting – написание речи), обозначает название профессии составителя текстов речей, выступлений для высокопоставленных лиц государства, политиков, общественных деятелей, бизнесменов и др. В начале XXI века *спичрайтер* стал обычным государственным служащим, пишущим тексты на заказ. Данный англицизм часто употребляется в русских официально-деловых документах: «*Спичрайтер* уделяет внимание реакции зала, поведению политика, улавливает особенности речевого имиджа политика (сегодня привилегией видеть выступление «вживую» наделён начальник Референтуры Президента РФ, а не все *спичрайтеры*, как раньше)» [<http://pravo.gov.ru/news/2020.02>].

СПИЧРАЙТИНГ – это написание текста, который готовится для публичного чтения или произношения перед аудиторией. Англицизм *спичрайтер* впервые был употреблён в 2003 году в работе «Основы спичрайтинга» доктора филологических наук А. Д. Кривоносова. Он определяет *спичрайтинг* как специфическую PR-технологию, представленную в виде подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консалтинг какого-либо лица по организации публичного выступления и его исполнению [Кривоносов 2003: 13].

До этого в русском языке использовали слова «референты» или «речеписцы». Как указано в ТСИС Л. П. Крысина, «**Спичрайтер** [англ. Speech writer <speech речь, выступление + to write писать, сочинять] – составитель текстов речей, выступлений для высокопоставленных лиц государства [Крысин 2010: 732].

МЕДИА-ПЛАН (МЕДИАПЛАН) – это расписание, содержащее информацию о количестве выходов рекламных материалов, которые предусмотрены за определенный промежуток времени. Данный термин в русских официально-деловых документах употребляется довольно широко: «Утверждение совместного *медиа-плана* по проведению цикла теле и радиопередач, публикации статей в печатных

и электронных СМИ, на официальных веб-сайтах государственных органов о содержании и практической значимости Закона» [<http://lex.uz/acts/1106875>].

Слово *медиа* [< *англ.* media – сокр. словосочетания mass media – средства массовой информации] – первая составная часть сложных слов, обозначающих объекты и понятия, относящиеся к сфере средств массовой информации, напр.: *медиа-компания, медиа-холдинг* [Крысин 2004: 471].

Например, это слово неоднократно использовано в Постановлении Президента РУз «О создании Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана», опубликованного на русском языке. В нем употребляются следующие словосочетания, образованные при помощи англицизма *медиа*: *медиацентр, медиакоммуникация, медиаобразовательная система, медиатехнология, медиадизайн, медиамаркетинг, медиаменеджмент*. [ПП РУз №ПП-3737 2018].

2. Экономическая лексика

Количество англицизмов, относящихся к сфере экономики, больше, чем в других областях. Экономические термины английского происхождения *бартер, брокер, демпинг, дефолт, грант, тендер, лизинг, холдинг* и другие проникли в русский язык в конце XX века. Эти слова вошли в активное употребление, стали понятны всем.

Особый интерес представляет история слово *джут*: *Джут* – травянистое южное растение чем, липовых (волокна используются для изготовления грубых тканей, веревок): «Богма Степан Григорьевич – старший агроном совхоза «30 лет комсомола» Министерства хлопководства СССР, Шурчинский район Сурхандарьинской области. ... В 1951 году совхоз добился высоких показателей, перевыполнив в целом плановый сбор урожая *джута* на 43,2 процента. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1952 года за получение высоких урожаев семян *джута* ...» [http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2889284].

Согласно толковому словарю русского языка Л. П. Крысина, слово *джут* [англ. jute <бенг. jhuto <санскр. juta переплетенные волосы]. Растение, разводимое преимущ. в Индии, волокна которого употребляются для изготовления грубых прочных тканей и веревок [Крысин 2010: 250].

По мнению М. Вуйтовича, слово *джут* вошло в русский язык во второй половине XIX в. [Wojtowicz 1984: 11].

Слово *джут* часто употребляется в русских версиях узбекских деловых документов:

«Волокно *джутовое*; ... Пряжа из *джутовых* волокон или других текстильных лубяных волокон товарной позиции 5303 многокруточная (крученая) или однокруточная» [П КабМин РУз № 343].

«Волокно *джутовое* и лубяные текстильные волокна прочие (кроме льна, пеньки и волокна рами), необработанные или обработанные, но непряденые; их очесы и отходы (включая прядильные угары или разрыхленное сырье)» [П КабМин №75].

Наряду с этими англицизмами мы находим несколько неологизмов, которые вошли в русский язык в начале XXI века и стали активно употребляться в текстах официально-деловых документов: *листинг*, *фьючерс*, *хеджирование*, *халвинг*, *биткойн*, *своп*, *форвардер*, *гудвил*, *левераж* и др.

ЛИСТИНГ «бумажная распечатка текста компьютерной программы или её части» – чаще всего встречается в современных русских и узбекских официальных документах, связанных с торговлей и недвижимостью: «... создавать котировальную, арбитражную, листинговую, контрольную и другие биржевые комиссии; ... под биржевым листингом понимается процедура допуска на биржевые торги биржевых товаров с включением их в биржевой бюллетень» [Закон РУз №260-II 2001].

В ТСИС Л. П. Крысина замечено, что «ЛИСТИНГ ... [англ. listing < to list – составлять список, перечень]. Данные, полученные с ЭВМ в виде распечатки текста» [Крысин 2010: 440].

Слово *листинг* в лексикографических источниках узбекского языка не отмечается.

Англицизм *ОФФШОР* – «страна или территория с особыми условиями ведения бизнеса для иностранных компаний» фиксируется в русских и узбекских официально–деловых документах: «О порядке предоставления информации, связанной с противодействием легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и финансированию терроризма от 30 июня 2006 г.: «...перевод денежных средств в государства и территории, предоставляющие льготный налоговый режим и (или) не предусматривающие раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (оффшорные зоны), а также перевод денежных средств из указанных государств и территорий» [П КабМин РУз № 126 2006].

Согласно ТСИС Л. П. Крысина, «Оффшор ... [англ. offshore – находящийся на расстоянии от берега; заграничный, иностранный] – центр совместного (международного) предпринимательства, предоставляющий иностранным участникам льготы при проведении ими финансово–кредитных операций» [Крысин 2010: 554].

Термин «оффшор» впервые был употреблён «в одной из газет на восточном побережье США в конце 50–х годов XX в. Речь шла о финансовой организации, избежавшей правительственного контроля путём географической избирательности. Другими словами, компания переместила деятельность, которую правительство США желало контролировать и регулировать, на территорию с благоприятным налоговым климатом. Таким образом, термин «оффшор» включает в себя не только юридическое понятие, но и экономико–географическое». В русском языке он стал использоваться в связи с открытием в 1991 г. офиса «швейцарской фирмы Riggs Walmet Group, которая оказывала услуги по открытию и сопровождению компаний в безналоговых юрисдикциях» [Идрисова 2015].

Как указывает А. Ерошкин, «офшорные зоны, офшорные компании, офшорные юрисдикции и другие офшорные термины должны писаться по–русски, с одной согласной *ф*. Правда, есть приказ Министерства образования и науки РФ от 08.06.2009 № 195, он утвердил список словарей русского языка, в соответствии с информацией из которых допускается употребление «оффшор» и «офшор». Впрочем, данное английское слово также имеет разные

варианты написания: offshore, off-shore (реже встречается ещё и off shore). Of, off и shore имеют так много значений, что без дополнительных пояснений смысла сразу не понять» [Ерошкин 2019].

Между тем в английском языке слово off-shore имеет более широкое значение. Первая его часть off означает «вне, в стороне», а вторая – shore «берег океана, моря, озера от skur «cut» в первоначальном значении – разделение между сушей и водой». Значит, *оффшор* включает в себе значение «нечто, находящееся на расстоянии от берега и в этом смысле – вне территории страны». Но следует заметить, что «в деловой лексике слово «оффшор» с двумя «ф» появилось раньше, чем попало в официальные словари, которые отвергли возможность полного морфологического заимствования английского слова. Законы русского словообразования требовали редуцирования второго «ф». Подобная история произошла и со словом офис – office. В результате во всех словарях слово пишется как «офшор» с одной буквой «ф». В деловом обороте в подавляющем большинстве случаев используется «оффшор» с двумя буквами «ф» [<https://ecanet.ru/word/оффшор>].

В официальных документах, издаваемых в Узбекистане на русском языке, *оффшор* часто употребляется в сочетании с другими русскими словами, но иногда в текстах деловых документов можно встретить его объяснение: «**Оффшорная зона** – государства и территории, предоставляющие льготный налоговый режим и (или) не предусматривающие раскрытие и представление информации при проведении финансовых операций» [РУз № 10-8/4270 2009].

Необходимо констатировать, что слово *оффшор* в имеющихся словарях современного узбекского языка не отмечается.

ФЬЮЧЕРС [< *англ.* future – будущее] – «контракт между продавцом и покупателем, предусматривающий поставку конкретного товара, акций или услуг в будущем по цене, фиксируемой на момент заключения фьючерса» [<https://equity.today/rynok-fyuchersov.html>].

Данный термин в словарном составе русского языка встречается с 90-х годов прошлого столетия [<https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/russkiy-yazyik-kontsa-61974.html>], а в их официально-деловых документах фиксируется с XXI в. Например, в одном из документов

читаем: «При заключении *фьючерсной* сделки условия согласовываются участниками с учетом биржевых правил и настоящего Положения. *Фьючерсный* контракт в обязательном порядке должен быть зарегистрирован на бирже в установленном порядке согласно настоящему Положению и правилам биржевой торговли» [РУз № 282 1996].

ХЕДЖИРОВАНИЕ [< англ. hedge – страховка, гарантия] – открытие сделок на одном рынке для компенсации воздействия ценовых рисков равной, но противоположной позиции на другом рынке [91] считается англицизмом, проникшим в русский язык в XX в., но активно употребляемым в русских и узбекских официально-деловых документах в XXI в.: «Фьючерсные сделки заключаются не с целью покупки или продажи реального товара, а для проведения коммерческих операций за счёт разницы цен на день заключения и день исполнения контракта, с целью страхования (*хеджирования*) от возможного изменения цен» [РУз №800 1999].

Термин «хеджирование» (hedging) впервые в научный обиход введен было Дж. Лакоффом в статье «Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts». Согласно Д.Лакоффу, хеджи – это «слова, значения которых имплицитно подразумевают неясность; слова, функция которых заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясными» (words whose meaning implicitly implies fuzziness – words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy) [Lakoff 1973, 471].

Англицизм *хеджирование* выделяется словообразовательной активностью, проявляющейся в образовании у однокоренных английских слов их русских аналогов с использованием русских суффиксов, например: *хедж* (hedge) – *хеджер* (hedger) – *хеджирование* (hedging).

В лингвистических словарях русского и узбекского языков слово *хеджирование* не отмечается.

СВОП [< англ. to swap – менять местами] – «Торгово-финансовая обменная операция, в виде обмена разнообразными активами, в которой заключение сделки о покупке (продаже) ценных бумаг, валюты сопровождается заключением контрсделки, сделки об

обратной продаже (покупке) того же товара через определенный срок на тех же или иных условиях» [<https://znachenie-slova.ru/cвоп>]. Данный термин используется в официально-деловых документах русского и узбекского языка с начала XXI века: «Свопы позволяют сторонам диверсифицировать свои активы, а также экономить на комиссиях и разнице курсов при совершении сделок. Так, например, при валютном свопе между двумя странами сделка проходит напрямую, по взаимовыгодному курсу, без конвертации в доллары или евро. При этом контрагенты, участвующие в свопе, могут отсрочить выплату противоположной стороне на определённый период, предохраняя свои активы от возможной девальвации» [<https://что-это-такое.ru/swap>].

Как видим, в приведённых контекстах наблюдается метонимический перенос swap (своп).

ГУДВИЛ [**< Goodwill – «добрая воля»**] – «неосязаемый капитал предприятия, в том числе репутация фирмы, её компетенция, связи, влияние, клиентура». Данный англицизм фиксируется в официально-деловых документах русского и узбекского языков в транслитерационной форме: «“Гудвилл” определяется как сумма, уплачиваемая покупателем при покупке банка сверх стоимости его чистых активов (разница между рыночной ценой всех активов и рыночной ценой всех обязательств)» [Мин.юст. № 949 2000].

Английское слово гудвилл использовалось впервые «в русскоязычной научной литературе и в нормативных документах, в опубликованных работах и регуляторе бухгалтерского учета, был применен прямой (дословный) перевод термина на русский язык» [Ковалев 2016: 126–127].

С указанным выше значением гудвил (англ. Goodwill) регистрируется Электронным финансовым словарем на русском языке [<http://финансы.рф/obuchenie/slovar/gudvil.html>], а в словарях узбекского языка он не отмечается.

ЛЕВЕРАЖ (*левериж, левередж*) [**<англ. lever – «рычаг»**] стал отмечаться в официально-деловых документах русского и узбекского языков с недавнего времени.

Отсутствие данного термина в лингвистических словарях русского и узбекского языков несколько затрудняет установить точное

значение, но его семантику можно определить благодаря контексту русских и узбекских официальных деловых документов, а также предметному (экономическому) словарю. В словаре экономических терминов на русском языке данное слово репрезентируется таким образом: «леверидж – это процесс оптимизации активов и пассивов организации для наращивания прибыли при операционной деятельности» [СЭТ].

Приведённый материал можно использовать при составлении лингвистических и других словарей русского и узбекского языков.

Анализ англицизмов, содержащихся в тестах русских и узбекских деловых документов, явствует о том, что одни термины нашли своё отражение в лексикографических источниках, другие – по каким-то причинам не помещены в них в качестве отдельной словарной статьи. Это, конечно, очередная задача, стоящая перед лингвистами.

3. Научно-техническая лексика

Значительное место среди англицизмов, употребленных в русских и узбекских деловых документах XXI в., занимает научно-техническая лексика. По своему составу данная тематическая группа небольшая, но интересная и тесно связана с укладом повседневной жизни. Это термины, связанные в основном с компьютерной технологией: *wi-fi*, *онлайн*, *оффлайн*, *мемори стик*, *флэшмоб*, и др.

Английская аббревиатура *wi-fi* [< англ. *wireless fidelity* букв. «беспроводная точность»] – система для подключения электронного оборудования, такого как компьютеры и электронные органайзеры, к интернету без использования проводов [ТСРЯ XXI] используется в русских и узбекских официально-деловых документах в виде вкрапления: «Портативное устройство для чтения книг в электронном формате, состоящее из размещённых в пластиковом корпусе центрального процессора с модулем памяти, динамика, Wi-Fi модуля, аккумуляторной батареи и сенсорного дисплея, выполненного с использованием технологии электронных чернил (E-Ink) с функцией множественного касания, предназначенное для воспроизведения и

хранения различных типов текстовых, графических и аудиофайлов...» [РКЕЭК №45 2019].

Термин *wi-fi* введен в обиход для обозначения электронного оборудования, изобретённого в 1991 году в Нидерландах Вико́м Хейзо́сом [<https://windows-9.net/wifi.html>].

Данный *иностранно-русский графический облик wi-fi* [вајфај] (графический вариант *вай-фай* окказионален) сохранен почти во всех языках, в том числе в современном русском и узбекском языках. Он в виде отдельной словарной статьи даётся в Толковом словаре русского языка XXI века следующим образом: «англ. Wi-Fi < wireless fidelity букв. 'беспроводная точность'... – Wi-Fi был создан в 1991 году NCR Corporation /AT&T (впоследствии – Lucent Technologies и Agere Systems) в Нйвегејн, Нидерланды. Продукты, предназначавшиеся изначально для систем кассового обслуживания, были выведены на рынок под маркой WaveLAN и обеспечивали скорость передачи данных от 1 до 2 Мбит/ Стандарт IEEE 802.11n был утверждён в 2009 г.» [ТСРЯ XXI].

Английский неологизм *ОНЛАЙН* [< англ. online, on-line «находящийся в состоянии подключения; подключённый к сети»] стал использоваться в деловых документах русского и узбекского языков фактически с начала нового столетия: «При рассмотрении возможности представления сведений о наличии (отсутствии) задолженности в онлайн–режиме необходимо учитывать текущие условия, при которых осуществляется перечисление денежных средств» [МинФин № КЧ-4-8/1992 2019].

Необходимо отметить, что в рассматриваемых нами источниках встречается форма данного термина, написанная латинской графикой «online», но не часто. Термин «онлайн» использовался «задолго до появления интернета, в те времена, когда компьютеры соединялись между собой по коммутируемым телефонным линиям при помощи модемов» [<https://myblaze.ru/statusyi-onlayn-i-oflayn-chto-eto>], но он в современном русском и узбекском языках употребляется в значении «подключённый к интернету».

Данный термин нашёл своё место в современных словарях. Например, его фиксирует «Толковый словарь русского языка XXI

века» со значением «режим непосредственного подключения компьютера или др. устройства к сети, при котором связь между взаимодействующими системами не прерывается» [ТСРЯ XXI].

ОФФЛАЙН [< англ. offline, off-line «отключённая линия»] встречается в текстах деловой письменности как неологизм XXI века: «...в случае отсутствия технической возможности доставки оператору сведений в режиме реального времени чеки могут быть выданы в режиме *оффлайн*. При этом сведения должны быть переданы оператору в течение 24 часов» [УП РУз № УП-5813 2019].

В источниках термин «онлайн» стал употребляться до возникновения Всемирной паутины. А само понятие возникло с момента соединения компьютерной техники между собой. Он объясняется в «Толковом словаре русского языка XXI века» следующим образом: «Все, что существует, происходит вне Интернета, без подключения к компьютерной сети» [ТСРЯ XXI].

Таким образом, в текстах русских и русскоязычных официально-деловых документах Узбекистана употреблялось немалое количество научно-технической лексики английского происхождения, возникшей в начале XXI века. Самое главное, она стала проникать в словарный состав узбекского языка непосредственно из английского благодаря развитию дипломатических и торговых отношений Узбекистана с Англией.

Развитие международных дипломатических, экономических и культурных связей России и Узбекистана с другими странами, в том числе с англоязычными странами, в современных условиях приводит к проникновению многочисленных новых англицизмов в словарный состав как родственных, так и неродственных, в частности русского и узбекского, языков.

По своему составу англицизмы, употребляющиеся в текстах современной русской и узбекской деловой письменности (XXI в.), распределяются на две большие группы: дипломатическая лексика и экономическая лексика.

В текст русских деловых документов англицизмы проникали в основном непосредственно, а в текст узбекских — через русский язык или же непосредственно. Это объясняется установлением и

расширением двусторонних связей независимого Узбекистана с Англией и другими государствами, пользующимися английским языком, имеющим международный статус. Но при этом русский язык остается донором, содействующим вхождению иноязычных лексических единиц в словарный состав современного узбекского литературного языка.

Среди англицизмов, фиксированных в текстах русских и узбекских деловых документов, имеются не отмеченные лексикографическими источниками русского и узбекского языков. Это в большей степени касается словарей узбекского языка.

Основной причиной использования англицизмов в русских и узбекских деловых документах связано с отсутствием их аналогов в их словарном составе. Они передавались путём транслитерации, калек или могли проникнуть в виде вкраплений и варваризмов.

Ряд англицизмов, встречающихся в деловой письменности русского и узбекского языков, проникли в их словарный состав в XX в.

Исследовательские наблюдения, проведённые над использованием англицизмов в русских официально-деловых документах: указах, законах, постановлениях Президентов России и Узбекистана, постановлениях Кабинета Министров, других организаций России и Республики Узбекистан показали, что они являются весьма надёжным источником для изучения внешней и внутренней формы иноязычной лексики, в частности, англицизмов.

Вопросы языкового контактирования и исследование иноязычных лексических единиц, содержащихся в словарном составе как родственных, так и неродственных языков, все еще не теряют своей актуальности. В этом отношении особую важность представляет изучение англицизмов, проникших в тексты русских и русскоязычных деловых документов Узбекистана благодаря установлению межкультурного взаимодействия России, Хивинского и Бухарского ханств, располагавшихся на территории современного Узбекистана и Англии.

Большую роль в проникновении англицизмов в словарный состав русского играли официальные деловые документы: указы, законы,

постановления Президентов, постановления должностных лиц Узбекистана, и России. Они по своему составу и по лексико-семантическим группам разнообразны и подразделяются на несколько групп: освоенные заимствования; интернационализмы; варваризмы; экзотизмы; иноязычные вкрапления; кальки.

Некоторые англицизмы, отмеченные в текстах русской и узбекской деловой письменности, являются не исконными, а заимствованными из классических (греческого, латинского) и европейских (французского, немецкого, голландского и др.) языков.

До провозглашения независимости Республики Узбекистан англицизмы проникали в словарный состав узбекского языка в основном через русский язык, а после – переходили и непосредственно. Значительный слой англицизмов, содержащихся в текстах узбекских деловых документов, имеет интернациональный характер.

Состав англицизмов по лексико-семантическим группам разнообразен. В количественном отношении англицизмов в текстах русских и узбекских деловых документов XX–XXI вв. намного больше, чем в XVII–XVIII вв. Большую часть их составляет дипломатическая и экономическая лексика. Определенное количество этих лексических единиц не отмечены ни русскими, ни узбекскими лексикографическими источниками. Численность не зарегистрированных англицизмов словарями узбекского языка намного больше.

В конце XX – начале XXI вв. произошла интенсификация и активизация употребления англицизмов. Это привело к употреблению в текстах современных русских и узбекских официально-деловых документов новых англицизмов вместо устаревших.

Проведённое исследование является ещё одним шагом в процессе накопления лингвистических знаний об эволюции англицизмов в русском и узбекском языках. В дальнейшем результаты исследования могут быть использованы при сравнительно-сопоставленном изучении англоязычной лексики в русском и узбекском языках.

Источники и словари

Письмо Министерства Финансов Российской Федерации № КЧ-4-8/1992 от 6 февраля 2019 года.

Положение «О требованиях к адекватности капитала коммерческих банков» (новая редакция). Зарегистрировано Министерством юстиции Республики Узбекистан от 25 июля 2000 г. Регистрационный № 949.

Положение «О порядке заключения фьючерсных сделок». Зарегистрировано Министерством юстиции Республики Узбекистан от 11 октября 1996 г. Регистрационный № 282.

Положение о расчётных (клиринговых) палатах товарно-сырьевых бирж Республики Узбекистан, зарегистрировано Министерством юстиции РУз от 10 августа 1999 г. № 800

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2007// <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=78229#0937995607256806>

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2007// <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=78229#0937995607256806>

Постановление КабМин РУз № 126 «О порядке предоставления информации, связанной с противодействием легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и финансированию терроризма от 30 июня 2006 г.

Постановление КабМин РУз № 153 «Об утверждении нормативных документов для реализации проектов с участием азиатского банка развития и международного банка реконструкции и развития» от 30 марта 2004 года.

Постановление КабМин РУз № 343 «О дополнительных мерах по упорядочению экспортно-импортных операций» от 28 августа 1995 г.

Постановление КабМин РУз №75 «Об утверждении перечня товаров, подлежащих обязательному таможенному досмотру при их перемещении через таможенную границу РУз» от 4 мая 2006 г.

Постановление Министерства Экономики РУз № 30 «Об утверждении положения о порядке кредитования коммерческими банками подрядных организаций при осуществлении строительства

объектов «под ключ» за счет централизованных источников финансирования» от 4 мая 2004 г.

Постановление Президента РУз № ПП–3737 «О создании университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана» от 24 мая 2018 г.

Постановление Президента РУз № ПП–3880 «О дополнительных мерах по развитию национальной киноиндустрии» от 24 июля 2018 г.

Постановление узбекского агентства связи и информатизации департамента по борьбе с налоговыми, валютными преступлениями и легализацией преступных доходов при генеральной прокуратуре Республики Узбекистан № 10–8/4270 от 13 октября 2009 года.

Приказ ФСФР России № 09–237/пз от 24 сентября 2009 года «Об утверждении Основных направлений деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения».

Решение Коллегии Евразийской Экономической Комиссии «О классификации портативного устройства для чтения книг в электронном формате в соответствии с единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности евразийского экономического союза». от 26 марта 2019 года. № 45.

Указ Президента РУз № УП–5813 «О мерах по внедрению современных информационных технологий в систему расчётов в сфере торговли и оказания услуг, а также усилению общественного контроля в данной сфере» от 6 сентября 2019 года.

Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2006. – 986 с.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо–Пресс, 1999. – 669 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2010. – 944 с.

Ожегов И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24–е изд., испр. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2003. – 895 с.

Ожегов И. Словарь русского языка / под общ. ред. Н.Ю.Шведовой. 14–е изд. – М.: Ру яз.,1983. – 816 с.

Словарь экономических терминов // https://economic-definition.com/Economic_and_legal_terminology/Leveridzh_Leverage_eto.html

Толковый словарь русского языка XXI века // <https://how-to-all.com/значение:вай-фай>

Толковый словарь русского языка XXI века // <https://how-to-all.com/значение:онлайн>

Толковый словарь русского языка XXI века // <https://how-to-all.com/значение:офлайн>

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict-t-mm.ru/ushakov>.

Л и т е р а т у р а

Bloomfield 1933 – L. B l o o m f i e i d Language. – New York: Holt and Co., 1933. – 556 p.

Deroy 1956 – L o u i s D e r o y. L'Emprunt linguistique. Liège: Presses universitaires de Liège, 1956. – 470 p.

Lakoff 1973 – G. L a k o f f G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journ. of Philosophical Logic. 1973. No 2. – P. 458–508.

Wojtowicz 1984 – M a r i a n W o j t o w i c z. Характеристика заимствованных из английского языка имён существительных в русском языке. – Poznan, 1984. – 149 p.

Акуленко 1972 – В. В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1972. – 215 с.

Апетян 2011 – Г. А п е т я н. Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов (лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты): Дисс ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 181 с.

Аристова 1978 – В. М. А р и с т о в а. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 152 с.

Аристова 1980 – В. М. А р и с т о в а. Англо–русские языковые контакты и заимствования: Автореф. дисс ... доктор. филол. наук. – Л., 1980. – 37 с.

Багана, Глебова 2015 – Ж. Ба г а н а, Я. А. Г л е б о в а. Отношение заимствований и иноязычных вкраплений // Научный результат. Сетевой научно–практический журнал. Серия вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – М., 2015. – № 3. – С. 42–45.

Баш 1989 – Л. М. Б а ш. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 1989. – С. 22–34.

Беляева 1973 – А. Б е л я е в а. Английские лексические заимствования в русском литературном языке XVI –XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1973. – 20 с.

Берков 1973 – В. П. Б е р к о в. Вопросы двуязычной лексикографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 190 с.

Биржакова, Войнова, Кутина 1972 – Е. Э. Б и р ж а к о в а, Л. А. В о й н о в а, Л. Л. К у т и н а. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.

Валеева 2010 – Г. М. В а л е е в а. Экзотическая лексика и ее лингвистические возможности // Учёные записки Казанского университета. – Казань, 2010. – Т. 152. – Кн. 6. – Гуманитарные науки. – С. 116–123.

Влахов, Флорин 1980 – С. В л а х о в, С. Ф л о р и н. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 263 с.

Воронкова 2006 – И. В о р о н к о в а. О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2006. – № 2. – С. 77–79.

Груенко 2016 – Е. Г р у е н к о. К вопросу классификации заимствованной лексики [Электронный ресурс] // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2016. – №1 (23). – С. 36–42. // Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/363513>;

Диброва 2001 – Е. И. Д и б р о в а. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов вузов в 2 ч. – М.: Академия, 2001. – 544 с.

Добродомов 1990 – И. Г. Добродомов. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 158–159.

Дьяков 2001 – А. И. Д ь я к о в. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 285 с.

Ерошкин 2019 – А. Е р о ш к и н. Офшор. Охота на слова // www.proza.ru > 2019/05/18

Заботкина 1989 – В. И. З а б о т к и н а. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.

Закон РУз № 260 – II «О биржах и биржевой деятельности» от 29 августа 2001 года.

Идрисова 2015 – Л. Р. И д р и с о в а. Новый взгляд на понятие офшоров // Финансы и управление. 2015. № 4. 1 – 17. DOI: 10.7256/2409–7802.2015.4.15726 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15726.

Изюмская 2000 – С. С. И з ю м с к а я. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 16 с.

Ковалев, Ковалев 2016 – В. В. К о в а л е в, Вит. В. К о в а л е в. О гудвилле «собачьем, кошачьем» и не только: к вопросу о надуманных категориях, классификациях и алгоритмах // Вестник СПбГУ, 2016. – Сер. 5. – Вып. 4. – С. 126–127.

Кривоносов 2003 – А. Д. К р и в о н о с о в. Основы спичрайтинга. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 156 с.

Крысин 1998 – Л. П. К р ы с и н. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

Крысин 2004 – Л. П. К р ы с и н. Русское слово, своё и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.

Леонтьев 1966 – А. А. Л е о н т ь е в. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – С. 60–68.

Маковский 1960 – М. М. М а к о в с к и й. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1960. № 1. – 46 с.

Мартинек 1972 – В. Ю. М а р т и н е к. Лексико–семантическая ассимиляция английских заимствований в русском литературном языке советской эпохи: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1972. – 25 с.

Новикова 2003 – Т. В. Н о в и к о в а. Англо–американские заимствования–варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы: Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 182 с.

Огиенко 1915 – И. И. О г и е н к о. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. – Киев, 1915. – 148 с.

Шанский, Боброва 1972 – Н. М. Ш а н с к и й, Т. А. Б о б р о в а. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.

<http://pravo.gov.ru/news/2020.02>

<http://lex.uz/acts/1106875>

<http://www.kremlin.ru/news/19825>

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=28892

<http://финансы.рф/obuchenie/slovar/gudvil.html>

https://abireg.ru/sb/n_1259.html

<https://chto-eto-takoe.ru/swap>

<https://ecanet.ru/word/оффшор>

https://e-notabene.ru/wl/article_10812.html

<https://equity.today/rynok-fyuchersov.html>

<https://kartaslov.ru/значение-слова/хеджирование>

<https://myblaze.ru/statusyi-onlayn-i-oflayn-chto-eto>

<https://myrouble.ru/beneficiar-kto-chto/>

<https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/russkiy-yazyik-kontsa-61974.html>

<https://windows-9.net/wifi.html>

https://www.bbc.com/uzbek/world/2010/04/100407_cy_blog_british_elections

<https://znachenie-slova.ru/своп>

Termez State University

(Termez, Uzbekistan)

abdulla.tersu@mail.ru

The article is dedicated to the study of English borrowings that appeared in official documents: decrees, laws, resolutions of the Presidents of Russia and Uzbekistan, resolutions of the Cabinet of Ministers, as well as other organizations of Russia and the Republic of Uzbekistan, written in Russian and Uzbek languages in the XXI century. Based on the factual material, a) the semantic structure of such terms as "anglicism", "americanism" is considered. "quasi-borrowing", "xenisms", "alienisms", "regionalisms", "barbarisms", "foreign inclusions", b) functioning features of anglicisms that have penetrated directly and indirectly into the texts of official-business documents of the Russian and Uzbek languages of the XXI century. The study shows their structure, semantics, functional and stylistic role, lexical and semantic groups – diplomatic, economic and scientific and technical, adaptation – phonetic, semantic and morphological.

Key words: borrowing, anglicisms, Russian language, Uzbek language, adaptation, semantics, official documents, business documents, diplomatic vocabulary, economic vocabulary, scientific and technical vocabulary.

References

- Bloomfield L. Language. – New York: Holt and Co., 1933. 556 p.
- Deroy Louis. L'Emprunt linguistique. Liège: Presses universitaires de Liège, 1956. – 470 p.
- Lakoff G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journ. of Philosophical Logic. 1973. No 2. – P. 458–508.
- Akulenko V.V. Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka. – Khar'kov: Izd-vo Khar'kov. Un-ta, 1972. – 215 s.
- Apetyan S.G. Anglitsizmy v strukture mass-mediynogo i ofitsial'no-delovogo diskursov (leksiko-semanticheskii i kognitivno-pragmaticheskii aspekty): Diss. ... kand. filol. nauk. – Krasnodar, 2011. – 181 s.

Aristova V.M. Anglo-russkiye yazykovyye kontakty (anglitsizmy v russkom yazyke). – L.: Izd-vo LGU, 1978. – 152. s.

Aristova V.M. Anglo-russkiye yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya: Avtoref. diss. ... doktor. filol. nauk. – L., 1980. – 37 s.

Bagana ZH., Glebova YA.A. Otnosheniye zaimstvovaniy i inoyazychnykh vkrapleniy // Nauchnyy rezul'tat. Setevoy nauchno-prakticheskiy zhurnal. Seriya voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki. 2015. № 3. – S. 42–45.

Bash L.M. Differentsiatsiya termina «zaimstvovaniye»: khronologicheskiy i etimologicheskiy aspekty // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. – M., 1989. – S. 22–34.

Belyayeva S.A. Angliyskiye leksicheskiye zaimstvovaniya v russkom literaturnom yazyke XVI–XX vv.: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – L., 1973. – 20 s.

Berkov V.P. Voprosy dvuyazychnoy leksikografii. – L.: Izd-vo LGU, 1973. – 190 s.

Birzhakova Ye.E., Voynova L.A., Kutina L.L. Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya. – L.: Nauka, 1972. – 431 s.

Valeyeva G.M. Ekzoticheskaya leksika i yeye lingvisticheskiye vozmozhnosti // Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. – Kazan', 2010. T. 152. Kn. 6. Gumanitarnyye nauki. – S. 116–123.

Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoye v perevode. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1980. – 263 s.

Voronkova I.S. O ponyatiyakh «ekzotizmy» i «varvarizmy» // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Voronezh, 2006. № 2. – S. 77–79.

Gruyenko S.Ye. K voprosu klassifikatsii zaimstvovannoy leksiki [Elektronnyy resurs] // Nauka o cheloveke: humanitarnyye issledovaniya, 2016. №1 (23). – S. 36–42. // Rezhim dostupa: <https://rucont.ru/efd/363513>;

Dibrova Ye.I. Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh yedinit: uchebnik dlya studentov vuzov v 2 ch. – M.: Akademiya, 2001. – 544 s.

Dobrodomov I.G. Zaimstvovaniye // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod obshch. red. V. N. Yartseva. – M.: Sov. entsiklopediya, 1990. – S. 158–159.

D'yakov A.I. Derivatsionnaya integratsiya anglitsizmov v russkom yazyke kontsa XX veka v funktsional'nom aspekte: Diss. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2001. – 285 s.

Yeroshkin A. Ofshor. Okhota na slova // www.proza.ru » 2019/05/18

Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – 126 s.

Zakon RUz № 260–II «O birzhakh i birzhevoy deyatel'nosti» ot 29 avgusta 2001 goda.

Idrisova L.R. Novyy vzglyad na ponyatiye offshorov // Finansy i upravleniye. 2015. № 4. S. 1 – 17. DOI: 10.7256/2409–7802.2015.4.15726 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15726.

Izyumskaya S.S. Neologizmy angliyskogo proiskhozhdeniya v russkoy presse 90–kh godov: strukturno–semanticheskiy i kommunikativno–funktsional'nyy aspekty: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Rostov n/D, 2000. – 16 s.

Kovalev V.V., Kovalev Vit. V. O gudville «sobach'yem, koshach'yem» i ne tol'ko: k voprosu o nadumannyykh kategoriakh, klassifikatsiyakh i algoritmakh // Vestnik SPbGU, 2016. Ser. 5. Vyp. 4. – S. 126–127.

Krivososov A.D. Osnovy spichraytinga. – SPb.: SPbGU, 2003. – 156 s.

Krysin L.P. Inoyazychnyye slova v sovremennom russkom yazyke. – M.: Nauka, 1968. – 208 s.

Krysin L.P. Russkoye slovo, svoyo i chuzhoye. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 883 s.

Leont'yev A. A. Inoyazychnyye vkrapleniya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. – M.: Nauka, 1966. – S. 60–68.

Makovskiy M.M. K probleme tak nazyvayemoy «internatsional'noy» leksiki // Voprosy yazykoznaniya. – M.: Nauka, 1960. № 1. – S. 46.

Martinek, V.Yu. Leksiko–semanticheskaya assilyatsiya angliyskikh zaimstvovaniy v russkom literaturnom yazyke soverskoy epokhi: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Dnepropetrovsk, 1972. – 25 s.

Maxmudkhūzha Bexbudiy. Tanlangan asarlar / Nashrga tayyorlovchi, tūplovchi, sūz boshi va izoxlar muallifi B. K,osimov. – T.: Ma"naviyat, 1997. – 261 b.

Novikova T. V. Anglo–amerikanskiye zaimstvovaniya–varvarizmy v sovremennom russkom yazyke: 1990–ye gody: Diss. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2003. – 182 s.

Ogiyenko I.I. Inozemnyye elementy v russkom yazyke. Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkiy yazyk. – Kiev, 1915. – 148 s.

Shanskiy N. M., Bobrova T. A. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Prosveshcheniye, 1972. – 328 s.

<http://pravo.gov.ru/news/2020.02>

<http://lex.uz/acts/1106875>

<http://www.kremlin.ru/news/19825>

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=28892

<http://финансы.рф/obuchenie/slovar/gudvil.html>

https://abireg.ru/sb/n_1259.html

<https://chto-eto-takoe.ru/swap>

<https://ecanet.ru/word/оффшор>

https://e-notabene.ru/wl/article_10812.html

<https://equity.today/rynok-fyuchersov.html>

<https://kartaslov.ru/значение-слова/хеджирование>

<https://myblaze.ru/statusyi-onlayn-i-oflayn-chto-eto>

<https://myrouble.ru/beneficiar-kto-eh-to/>

<https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/russkiy-yazyik-kontsa-61974.html>

<https://windows-9.net/wifi.html>

https://www.bbc.com/uzbek/world/2010/04/100407_cy_blog_british_elections

<https://znachenie-slova.ru/своп>

Раздел четвёртый

О. Т. ХУЖАНОВА

Доктор философии (PhD)
по филологическим наукам

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVIII ВВ.

Аннотация. В работе освещаются проблемы, связанные с исследованием лексических единиц иноязычного происхождения, функционировавших в текстах письменных памятников, в частности, экзотических лексем восточного происхождения. Рассматриваются вопросы комплексного изучения восточных слов в русской деловой письменности XVI–XVIII вв., а также вопросы, связанные с историей и семантикой экзотической лексики, игравшей немаловажную роль в обогащении словарного состава русского языка указанного периода. Материалы можно использовать в учебно–воспитательном процессе на занятиях по исторической лексикологии, а также спецкурсам по лингвистическому источниковедению и основным жанрам русского делового документа. Она дорога всем, кому интересна история формирования русского литературного языка, кому ценна история установления дипломатических связей между Россией и странами Востока.

Ключевые слова: *памятники письменности, лексико–семантические группы, восточные экзотизмы, глоссы.*

Введение

Всестороннее изучение памятников русской деловой письменности периода формирования русского национального языка принято считать одним из актуальных направлений исторической лингвистики. Современная лингвистика располагает большим числом исследований, посвящённых общим проблемам заимствования, отдельным и конкретным разрядам иноязычных слов. Однако одной из

нерешённых проблем языкознания следует считать анализ экзотизмов, встречающихся в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII вв. Исследование данного пласта словарного состава на материале деловых памятников пока что не получило своего окончательного выяснения. В языкознании XX века началось активное исследование лексики восточного происхождения, в частности, тюркизмов.

В настоящее время важное место занимают вопросы толкования, пояснения и понимания иноязычных слов. В связи с этим усилилось внимание лингвистов к вопросам уточнения значения слов, а также к привлечению новых материалов, особенно памятников русской деловой письменности, которые могли бы способствовать лучшему раскрытию семантики слова и определению более точного времени проникновения того или иного заимствованного слова в русский язык. Большой интерес в этом отношении представляет исследование глосс (др.-греч. γλῶσσα «язык; речь»), встречающихся в текстах русской деловой письменности. Они могли «содержаться непосредственно в тексте рукописи или книги – над или под словами, нуждающимися в пояснении (межстрочные, или интерлинейрные глоссы), а также на полях (маргинальные глоссы), или включаться в специальные словари – глоссарии» [Федосеева 1990: 107].

1. Названия государственных учреждений, титолов и сословий

Русские деловые памятники XVI–XVIII веков – грамоты, отписки, памяти, расспросные речи, статейные списки – содержат ряд восточных экзотизмов, характеризующих государственные учреждения (*Пытер дзурган, Хишандзюрган*), управление (*конютай, богдыхан, албавут, джандун, жунувана, гун, алеханба, цуглан*) и сословия (*китан, раят, киштым, аманат*) восточных стран. Характерные особенности данных лексем можно выявить, изучив функционирование их в текстах указанных источников.

АЛБАВУТ. Восточный экзотизм *албавут* фиксируется в письме Эрдени Батура–хунтайджи царю Михаилу Федоровичу о возвращении

ясырей без выкупа и о присылке ему просимых даров от 12 февраля 1644 г.: «Да албавут [воевода] ваш, который пришел в Тумбы и взял Карсагила, по вашему ль государеву указу или нет» [РМО 1636–1654: 235]. Как указывают издатели, слово *воевода* «приписано на полях как пояснение» к экзотизму *албавут*. Значит, по рангу монгольский *албавут* соответствует русскому *воеводе*. В данном случае писец использовал вид маргинальной глоссы, располагающейся «на полях рукописей или старопечатных книг» [Шаймерденова 1997: 17].

Согласно данным Словаря русского языка XI–XVII вв., в древнерусском языке слово *воевода* употреблялось в двух значениях: «1. Воевода, военачальник. 2. Лицо, представляющее высшую (чаще военную) власть на местах» [СлРЯ XI–XVII вв., II: 261].

Восточный экзотизм *албавут*, не зафиксированный словарями русского языка, имеет еще один фонетический вариант – *албаут*.

БОГДЫХАН представлен как восточный экзотизм в Статейном списке посольства Ф. И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 года по 31 июля 1657 года: «Ехати ему в Китайское царство с его, великого государя, с любительною грамотою к китайскому царю к богдыхану» [РМО 16336–1654: 400].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *богдыхан* регистрирует в значении «китайский император» в Статейном списке посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.) под 1678 годом: «Божимъ изволениемъ выбранъ на Китайское царство средний сынъ умершаго хана Ксунъхи, у нихъ тотъ обычай, что всякой ханъ после выбрания именуется бугдыханъ» [СлРЯ XI–XVII вв., I: 259].

Следует отметить, что восточный экзотизм *богдыхан* проник в словарный состав русского языка не в 1678 году, а, как показывает приведенный нами выше материал, в период 1654–1657 гг.

Согласно М. Фасмеру, «богдыхан – титул китайского императора. устар. Первая часть монг, *bogda*, калм, *bogdo* «величество, небесный, святой, император»..., вторая часть – *хан*» [Фасмер 1986, 1: 183].

В наших источниках зафиксировано несколько орфографических форм этого восточного экзотизма: *богдоканъ*, *бугдыханъ*.

ДЖАНДУН, как восточный экзотизм, отмечается в Статейном списке Л. Владиславича-Рагузинского, составленного в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии от 21 октября 1726 г. – 14 июня 1728 г.: «Заргучей сказал, что он о том, что к пути надлежит, будет трудиться и, где надлежит, требовать указа, а о корму посольских лошадей он не имеет дела, чтоб о том говорил джандунам, сиречь караульным приставам» [РКО 1990: 453].

Из приведенного примера видно, что составитель статейного списка – подьячий, уточняя значение восточного экзотима *джандун*, скорее всего, с помощью толмача, поясняет его при помощи внутритекстовой глоссы «караульный пристав», внесенной с помощью союза «сиречь».

Восточный экзотизм *джандун*, не отмеченный в лексикографических источниках русского языка, по своему происхождению восходит к маньчжурскому языку [РКО 1990: 613].

ЖАНГИ. Этот восточный экзотизм встречается в Статейном списке посольства Ф.И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «И посол пошел от того заставного города Капки ко царю в город Канбалык февраля в 21 день на своих лошадех и верблюдах, а корму и подвод не дано, а из Канбалыка от царя присланы к послу в приставы 2 человека жанги, а по-русски сотники» [РМО 1974: 404]. В этом примере при пояснении восточного экзотизма *жанги*, во-первых, используется указание – «по-русски», во-вторых, он употребляется в сопровождении маргинальной глоссы «сотник».

Экзолексема *жанги* не зафиксирована словарями русского языка. Однако в текстах документов более позднего времени (1725), а именно в выписке, составленной дворянином Февилковым, встречается восточный экзотизм *занги*, который является одним из фонетических вариантов лексемы *жанги*: «Тычибри Монсоров продан отцем ево ему, занги Шитею, в холопство» [РКО 1990: 74].

В терминологическом словаре к данному сборнику документов отмечена орфографическая правильная форма указанной восточной экзолексемы *цзангин*, а также отмечены все фонетические варианты: *дзанги*, *занги*, *зангин*, *чжангинь*. Она означает «помощник правителя

феодалного удела (хошуна) по военным делам; у маньчжуров — это общее название чинов штаб-офицерского разряда, а также начальник отделения в министерстве; караульный начальник на границе» [РКО 1990: 621].

КАШТАК. Восточный экзотизм *каштак* фиксируется в Письме Л. Владиславича-Рагузинского из Селенгинска сибирскому губернатору М. В. Долгорукову о готовности посольства к встрече с цинскими министрами и об укреплении пограничных районов от 18 августа 1726 года: «И сие вашему сиятельству представляю: которые каштаки построены по всей провинции, я чаю, от их никакой прибыли в казну не будет, понеже что прибыли на каштаках, то умалется в городах, а от тех каштаков начинается быть воровство и непорядок, наипаче которые на здешней границе, из которых я указом ея императорского величества по челобитью многих брацких мужиков и протчих ясных людей, дабы их тем не озлобить и в Мунгалы не отогнать, велел снести один каштак, где вино курят и продают, а другой, пивоварню, которая на реке Чикою на земле тайши Лупсана построена, третий же сказывают, что на реке Буре на самой границе китайской, где многое пьянство и непорядки бывают, что воистинно смеху и удивлению достойно» [РКО 1990: 373].

Из данного документа видно, что восточный экзотизм *каштак* поясняется многословной глоссой в виде развернутой дефиниции, введенной с помощью подчинительного союза «где»: «место, где вино курят и продают». В «Терминологическом словаре» к этому сборнику отмечено, что *каштак* — это место изготовления и продажи вина. Но он не зафиксирован с данным значением в словарях русского языка.

КИТАН (КИТАТ). Восточный экзотизм *китан* встречается в Статейном списке подъячего Томской приказной избы Д. Агаркова, посланного к Алтын-хану в составе посольства Я. Е. Тухачевского от 3 июня 1634 года: «А мугальское одно слово мне Дружине, ведомо, что по-мугальски холоп китан или китат» [РМО 1959: 215]. *Китан* (*китат*) поясняется внутритекстовой глоссой «холоп» — «раб, несвободный; слуга» [Срезневский 1989: стлб. 1384–1385.], занимающей препозицию. Интересно, что указание «по-мугальски»

дает возможность определить происхождение рассматриваемого восточного экзотизма.

Восточная экзолексема *китан* (*китат*) не зафиксирована в лексикографических источниках русского языка. Но, опираясь на данные терминологического словаря, приложенного к сборнику документов «Русско-монгольские отношения 1607–1636», можно составить следующую словарную двуязычную дефиницию: *китан* (*монг.*) – холоп.

КИШТЫМ – восточный экзотизм отмечается в Расспросных речах в Приказе Казанского дворца служилого человека Г. Михайлова о пребывании его у киргизских князей и Алтын-хана от 8 марта 1617 года: А всех киргизских князьков самих человек с 300, а черных людей ясачных мужиков, а по киргянски киштымов, с 1000 человек» [РМО 1959: 59]. В употреблении восточного экзотизма *киштым* указано из какого языка он заимствован и внутритекстовая глосса «ясачных мужиков», состоящая из словосочетания, дана в препозиции.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» экзотизм *киштым* свидетельствует в Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией, под 1667 годом: «И великих государей ясачные люди, Тубинские князцы, и киштымы, разбѣжались от него [мугальского царевича] в ъ Камень и въ черные лѣса» [СлРЯ XI–XVII вв., VII: 145]. Но при этом он оставлен без объяснения.

В «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» восточный экзотизм *киштым* характеризуется так: «Тот, кто платит дань» [СНРР 2002: 95]. Здесь же идентичное объяснение дано первоначальной форме глоссы «ясачный» – *ясак* «налог, которым облагались народы Сибири в Московском государстве» [СНРР 2002: 313].

Приведённый материал показывает, что восточный экзотизм *киштым*: 1) в текстах русских деловых памятников имеет более раннюю фиксацию – 1617 г.; 2) может регистрироваться в исторических словарях со следующей дефиницией «лицо, платившее натуральный налог на Руси».

КОНЮТАЙ. Восточный экзотизм *конютай* отмечается в Отписке томского воеводы В. В. Волинского, датированной ранее 18 марта

1609 года: «А хотели, государь, твоих служивых людей довести к Алтын-царю к мугальскому конютаю» [РМО 1959: 31]. Из данного контекста выясняется, что монгольский титул «конютай» соответствует русскому титулу «царь». Данное пояснение, имеющееся в контексте XVII в., показывает, что при объяснении титула «конютай» составителями (В. В. Палагиин, Л. А. Захарова, Г. Н. Старикова) «Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» допущена неточность: «Титул в феодальной Монголии (искаженное хунтайджи)» [СНРР 2002: 100–101].

ПЫТЕР ДЗУРГАН. Данный экзотизм, состоящий из сочетания двух восточных слов, упоминается в выписке из статейного списка Л. Владиславича-Рагузинского, сделанной в Коллегии иностранных дел от 1726 года: «И просили чрезвычайного посланника, чтоб он вошел в одну полату из их приказов, которой называется по их Пытер дзурган, то есть Судной приказ, в которой полате никакого убору, кроме замаранных стен, нет» [РКО 1990: 450].

Как видим, восточный экзотизм *Пытер дзурган* со значением «Министерство юстиции» (по уголовным делам) [РКО 1990: 612] поясняется внутритекстовой глоссой «Судной приказ», введенной с помощью союза «то есть», которая означает «государственное учреждение, ведавшее судебными делами гражданских лиц по земельным и имущественным отношениям» [СлРЯ XI–XVII вв 28: 268].

В русских деловых документах XVI–XVIII веков употребление восточного экзотизма *Пытер дзурган* ограничено, так как является названием государственного органа власти. Однако, по данным терминологического словаря, приложенного к сборнику документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке», мы можем отметить правильную орфографическую форму этого слова, заимствованного из маньчжурского языка – *Бэйдэрэ чжургань*. Наличие фонетического варианта *Пытер Дзурган* говорит о том, что данная восточная экзолексема была труднопроизносимой для русских послов, и поэтому в тексте документа ей сопутствует глосса, то есть внутритекстовое толкование «Судной приказ». В лексикографических источниках русского языка данный экзотизм не зафиксирован.

РАЯТ в виде восточного экзотизма упоминается в расспросных речах возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Ф. Сибина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию от 1697 года: «А город Хива меньше Бухарии, а строением такого же, а в подданстве де к Хиве посторонних городов много, а люди те не воисты, рукодельны; ружье и зелье делают сами, а пушек де у них не видали, бояр де называют они аталыками, служилых людей узбеками, крестьян раятами, а род де аралыцы, гурленцы, трухлинцы» [МиУТТ 1932: 266]. *Раят* («райаты–райат – множественное число – райа, раайа, райя; араб, букв. – паства, стадо – в странах Бл(ижнего) и Ср(еднего) Востока в эпоху феодализма: первоначально все поданные, а затем собственно податное сословие – крестьяне и горажане» [Петрушевский 1968: столб. 863]) поясняется словом–соответствием – глоссой «крестьян». Как указывает Н. Ж. Шаймерденова, «Слова–соответствия чаще всего возникают в тех письменных памятниках, где речь идет о торговых и дипломатических контактах между народами. В этих случаях переписчики и переводчики старались найти в системе своего родного языка слова, более точно отражающие сущность того или иного понятия, и, поскольку им не всегда удавалось подобрать такие слова, сходные с иноязычным словом (в данном случае поясняемым) на основе какого–нибудь отдельно взятого признака. Между ними устанавливалось относительно понятийное тождество» [Шаймерденова 1997: 43]. Р. М. Магамедов писал, что «крестьяне, попавшие в зависимость от хана, бека в результате потери права собственности на землю, назывались раятами, «что «райаты – это крепостные крестьяне» [Магомедов 1957: 106].

Восточный экзотизм *раят* не фиксируется в словарях русского языка.

ТУНЛИН, как восточный экзотизм, упоминается в Указе императора Инчжэня Сюэши и Дасюэши о необходимости изучения топографии русской границы и об отправлении туда с этой целью чиновника Лонготу от 12 февраля 1726 г.: «Мы уже послали туда зятя императора, Цэрэна бэйлэ Бобэя саньжжи даченя бо Сыгэ, тунлина гвардейского знаменитого отряда Каэрцзишань» [РКО 1990: 271].

В терминологическом словаре к данному сборнику документов отмечено, что *тунлин* является заимствованием из маньчжурского языка и обозначает «звание в маньчжурских знаменных войсках, соответствующее командиру бригады» [РКО 1990: 620].

В Реляции Л. Владиславича–Рагузинского в Коллегию иностранных дел от 1726 года встречается усеченная форма этого звания – тун: «...то подлинно все труды о установлении коммерции прейдут туне, и когда и караван пропустят более убытку, нежели прибытку, будет» [РКО 1990: с.387].

ХИШАН ДЗЮРГАН, как восточный экзотизм, засвидетельствован в выписке из статейного списка Л. Владиславича–Рагузинского, сделанной в Коллегии иностранных Питер Дзурган от 1726 года: «По прибытии к двору были в Военном приказе, которой по их называется Хишан дзюрган, где с вышеписанными дариамбою и асханьямоу присудствовал и мерин–дзангин» [РКО 1990: 440]. Здесь дается описание другого китайского государственного учреждения путем использования внутритекстовой глоссы «военный приказ». В данном случае пояснение занимает препозицию и вводится с помощью указания «по их называется».

Правильной орфографической формой этого восточного экзотизма *Хишан дзюрган* из маньчжурского языка является форма «Чоохай чжургань», отмеченная в терминологическом словаре, помещенном в качестве приложения к сборнику текстов «Русско–китайские отношения в XVIII веке», в значении «военное Министерство».

Этот восточный экзотизм не зафиксирован лексикографическими источниками русского языка.

ЦУГЛАН в виде восточного экзотизма упоминается в Реляции агента Л. Ланга в Коллегию иностранных дел с описанием пограничных земель от 9 января 1726 г.: «Токомо посланной с тем письмом при короване целовальник Иван Иконников принужден был от границы назад в Селенгинской воротиться для того, что мунгальские пограничные управители для цуглану, или совету, от Урги отлучены были» [РКО 1990: 252].

В приведённом контексте экзотизм *цуглан* поясняется при помощи глоссы *совет*, введённой с помощью союза «или».

Издатели сборника документов «Русско–китайские отношения в XVIII веке» указывают, *цуглан* является одним из фонетических вариантов восточного слова *чуулган* «сейм, съезд монгольских феодалов, высший орган управления у кочевых народов. Собирался обычно перед военными походами и для избирания хана» [РКО 1990: 627]. Однако оба варианта не отмечаются в лексикографических источниках русского языка.

ЧИНВАН (ЦИНЬВАН). Восточная экзолексема *чинван* встречается в выписке, составленной в Сибирской губернской канцелярии из материалов, собранных тобольским дворянином Фефиловым, о монгольских перебежчиках, датированной от 5 августа 1725 г.: «И в Мунгалах, будучи в Урге, чинвану и заргучею не явился ж» [РКО 1990: 75].

Как указано в терминологическом словаре, приложенном к цитируемому сборнику, орфографической правильной формой этой лексемы является форма *цинъван*, заимствованная из маньжурско–китайского языка и имеет значение «князь I степени, а также это наследственный титул, который давался цинскими правителями представителям высшей монгольской знати за военные заслуги» [РКО 1990: 621].

Восточный экзотизм *чинван* (*цинъван*) не отмечается в словарях русского языка.

Рассмотренные в данном параграфе восточные экзотизмы дают ценные сведения о кропотливом труде составителей деловых документов – подьячих, переводчиков (толмачей), находивших удачные пояснения–соответствия восточным реалиям из словарного состава XVI–XVIII вв. Многие из них, особенно не отмеченные русскими лексикографическими источниками, являются важным материалом для изучения истории русского языка указанного периода.

2. Названия метрологических и нумизматических единиц

Особую лексико-семантическую группу, содержащуюся в текстах рассматриваемых деловых памятников, составляют названия земельных мер (*ли*), единиц измерения (*топа, аршин, сан, тай*), мер веса (*чин, гин, фун, ансырь, тюнь, бахча, кап, харал*), названия денежных единиц (*лан, гиссы (жоссы), абаса, алтын*).

АБАСА. Восточный экзотизм *абаса* встречается в Рапорте поручика И. Шапкина в Кизлярскую гражданскую канцелярию об отбраковке неполноценных иностранных денег от 12 января 1744 г.: «И по силе вышеозначенного ордера отдано мною подпоруч. Шипову персидских денег рублевиков и полтинников по персидскому счету 1516 руб., из которых выбраковано объявленным индейцом Маликом Суханандовым полтинников медных 12 руб., кубачинских 4 руб., маловесных 2 руб. 50 коп. 10–алтынная абаса одна, которая имелась в счете за персидский полтинник» [МиУТТ 1975: 75].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» *абаса* отмечается впервые в значении «персидская серебряная монета» в Посольстве стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652) под 1652 годом: «Роспись чем торгуют в меретинской земле: золотыми угорскими ... ефимками ... абасами; абаса по шти алтын, по четыре денги... полуабасами, пол абасы три алтына две деньги» [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 18]. Она, начиная со второй половины XVII в., активно использовалась во всех памятниках деловой письменности, отражающих русско-восточные дипломатические и торговые отношения [Гилязетдинова 2009: 231].

АНСЫРЬ. Восточная экзолексема *ансырь* упоминается в отписке казанского воеводы кн. Бориса Михайловича Лыкова с товарищами в Посольский приказ по делу о якобы неправильном начислении таможенными головами торговых пошлин с товаров хивинского тезика Ибрахима с товарищами, с приложением росписи тезиков, отпущенных из Казани вверх по Волге с перечислением имевшихся у них товаров от 24 июня 1620 года: «Декабря в 1 день отпущен ис Казани на Олатор тезик Кизылбашские земли Мамаделейко Максютов

а с ним товару: 35 ансырей шолку арыского...» [МиУТТ 1988: 133–136]. В данном тексте восточный экзотизм *ансырь* употреблен в значении «единица измерения».

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует впервые восточный экзотизм *ансырь* в значении «весовая единица» в Башкирских грамотах под 1686 годом: «Ансырь досюд был и бухарьской пол 3 гривенки малых и 8 золотников, и всего в ансыре 128 золотников...» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 39]. В «Словаре малопонятных слов» (составитель А. Булгаков), приложенного к Материалам по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, даётся следующая словарная дефиниция: «*ансырь* – бухарская мера веса; сперва равнялась 128 золотникам, к концу XVII в. – 1 фунту» [СМС 1959: 349].

Согласно Г. Я. Романовой, «*ансырь (анцырь), мера веса, употребляемая преимущественно для взвешивания шелка; в к. XVI – н. XVII вв. равнялась 96 золотникам (или фунту), а ранее 128 золотникам*» [Романова 2017: 62]. Она считает, что установить происхождение старинной русской меры веса *ансырь* не удалось, так как эта мера использовалась для взвешивания шелка–сырца, привозимого в основном с Востока. Со временем оба вида ансыря были заменены фунтом [Романова 2017: 62].

Привлечённый нами к анализу документ дает возможность установить раннюю фиксацию (1620) этого экзотизма.

БАХЧА. Восточная экзолексема *бахча* отмечается в Статейном списке посольства Ф.И.Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «А ряд в том городе велик, ... чаю купят по 14 бахчей на лан, а табаку // бахчей по 20 и по 30 за лан» [РМО 1636–1654: 403].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *бахча* фиксирует впервые в значении «*ящичек, коробка*» в Делах тайного приказа под 1665 годом: «Бахча, шолковая з золотомъ, Ряшмского дѣла, тринатцать рублевъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 81].

Г. Я. Романова, приводя другие его варианты – *бакча, бакша* «упаковка чая, табака определенного размера», их связывает с «*тюрк, бауѣа связка, пучок, пакет*» [Романова 2017: 68].

В новом «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина дается форма «багчá «сверток байхового чая весом до четверти фунта»» [РЭС 2008: 60].

Следует отметить, что данная восточная экзолексема отмечается в наших источниках более ранним временем – 1654–1657 гг.

КАП. Восточный экзотизм *кап* упоминается в Статейном списке посольства Ф. И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «А корму указал Аблай–тайша государеву послу давать на месяц по 30 капов ячмени // и пшеницы, да 50 капов муки пшеничной, а кап весом по пуду, да по 20-ти баранов да по 10-ти козлов» [РМО 1636–1654: 401]. Г. Я. Романова пишет, что «*кап* – мера объёма сыпучих тел (зерна, муки), приравниваемая в весовом отношении к пуду» и является достаточно поздним заимствованием из тюркских языков [Романова 2017: 120].

В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна указано, что тюркское *qar* «мешок, сума, сосуд, футляр» [Севорган 1997: 266].

ЛАН. ЧИН. ГИН. Восточный экзотизм *лан* отмечается в Записи беседы толмача П. Врасского с послами Алтын–хана и лабы Даин Мерген–ланзы о поездке русских в Китайское государство от 28 января 1636 года со следующим пояснением: «А купят де у них в том городе доброй соболь один по 10-ти серебряных ланов, а в лане в одном здешних русских денег рубль» [РМО 1617–1636: 292]. Из данного контекста следует, что *лан* поясняется внутритекстовой многословной глоссой «в лане в одном здешних русских денег рубль».

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *лан* регистрирует в значении «единица веса в Китае XVII в., равная 37, 301 г.» в Статейном списке посольства Н. Спафария (1675–1678 г.) под 1678 годом: «Подарки. ... легень с рукомойникомъ весомъ 80 ланъ ... легень серебряной съ рукомойникомъ вѣсомъ 120 ланъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 169; Романова 2017: 148].

Однако о более полной картине денежной системы Китая мы узнаем из записок И. Писарева о путешествии в Цинскую империю, где он поясняет названия денежных единиц и сравнивает их с русскими: «Хотя китайцы кованой монеты ни серебряной, ни золотой у себя не

имеют, однако употребляют имена будто бы вымышленных каких-то монет: во-первых, называют лан (как бы наш рубль) в котором весу наших русских полдевята золотника» [РКО 1990: 521].

По мнению Г. Я. Романовой, экзотизм *лан* заимствован через посредство монгольского языка *lang* «мера веса» или непосредственно из китайского *лян* «мера веса; денежная единица» [Романова 2017: 148].

Таким образом, привлечённый нами новый материал, дает возможность установить раннюю фиксацию (1636 г.) восточного экзотизма *лан* в деловых памятниках русского языка и его более точную семантику.

В приведённом выше документе нами был засвидетельствован восточный экзотизм *чин*: «В лане считают 10 чинов (как бы наши гривны), а в чине 10 фунтов (как бы наши копейки)». В этом предложении обе экзолексемы пояснены многословными внутритекстовыми глоссами, введенными в текст с помощью скобок. Как указывает Г. Я. Романова, *чин* – «мера веса, десятая часть лана, весом около унции». Возможно, он является заимствованием из китайского языка через монгольское или тюркское посредство» [Романова 2017: 281].

В этом же документе упоминается ещё один восточный экзотизм – *гин*: «Фунт у них называется гин, в коем нашего весу фунт с четвертью» [РКО 1990: 521]. Как видим, внутритекстовая глосса находится перед поясняемым словом *гин*. Г. Я. Романова считает, что *гин*, имеющий значение «китайская мера веса», восходит «к монг. *žin*, калм. *džin* «мера веса, полтора русских фунта» из кит. *Czin* «мера веса, четверть русского фунта». Источником начального смычного *г* или *д* в русском языке был один и тот же звонкий смычно-проходной звук (аффриката) *dž*. В русских документах отражено разное весовое содержание китайской меры» [Романова 2017: 92].

Ли. Восточный экзотизм *ли* засвидетельствован в Путевом журнале Л. Владиславича-Рагузинского от 12 октября 1726 г. – 18 декабря 1728 г.: «От Калгана по всей дороге до Пекина чрез пять ли, сиречь китайских верст, щитаются каждая ли по 360 луков ...» [РКО 1990: 209]. Данный экзотизм, имеющий значение «земельная мера»,

сопровождается многословной внутритекстовой глоссой «китайских верст, читается каждая ли по 360 луков», введенной с помощью союза «сиречь».

В «Терминологическом словаре» к сборнику документов отмечено, что *ли* – «китайская мера расстояния, равная приблизительно 0,5 километров» [РКО 1990: 615]. В китайском языке, кроме этого значения, восточная экзотическая лексема *ли* имеет и другое значение – «китайская денежная единица, равная 1/1000 лана» [РКО 1990: 615].

САН. Восточная экзолексема *сан* отмечается в Грамоте из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы к тайшам Изеню и Далаю–Богатырю, а также к Хо–Урлюку и Курсугану, для приведения их к шерти от 18 октября 1607 года: «И теми де тайшами владеют они ж ... и со всеми колмацкими тайшами, 12 санов, а в сану по 10 000 человек» [РМО 1990: 23]. Из контекста следует, что через *сан* обозначено количество людей равное 10 000. Рассматривая данную лексему, М. Фасмер сравнивает ее с турецким, кыпчакским словом *san*, которое обозначает «большое число, сан, слава» [Фасмер 1987, III: 555].

Таким образом, словарную дефиницию рассматриваемой тюркской лексической единицы можно оформить следующим образом: *сан* – стоянка кочевников, численностью примерно в 10 000 человек.

ТАЙ. Восточный экзотизм *тай* засвидетельствован в Челобитной прибывшего в Астрахань хивинского гонца Кутуш–Бехадур царю Михаилу Федоровичу об отправке из Астрахани в Яицкий городок водою посылаемых им к хивинскому султану с вестями султановых людей, и докладная выписка по этой челобитной от 30 июля 1644 года: «... да людей с ним отпустил 12 человек, да товару 10 тай больших и малых, а лошади их и верблюды остались в Яицком острожке или куды отпущены, того в отписке не написано, и сотник стрелецкой Яким Близнецов съ юргенским гонцом приехал в Астрахань июня в 11 день, а людей з гонцом приехало 8 человек» [МиУТТ 1932: 187].

Как указывает Г. Я. Романова, *тай* «большая кипа товаров (обычно ткани), увязанная в узел, тюк, служащая единицей их исчисления» [Романова 2017: 256]. По её мнению, он проник в

русский язык «из перс, *tā(y)* «штука, тюк» через тюркское посредство (тюрк. *taj*)» «кипа товара, шелка, хлопка» [Романова 2017: 256].

ТОПА. Восточный экзотизм *топа* зафиксирован в отписке астраханских воевод князя Юрия Андреевича Сицкого с товарищами ц. Михаилу Федоровичу о бывшем в Астрахани балхинском после Ходжа-Ибрахиме, ограбленном по дороге калмыками и вынужденном вследствие этого вернуться обратно в Бухару, не заезжая в Москву от 28 марта 1640 года: «...к тебе ко государю послано было в дарех 4 аргамака да камня 41 яхонт...9 топок миткалей большие руки в топе по 3 портища...» [МиУТТ 1932: 149–151].

В словаре малопонятных слов, приложенном к Материалам, экзотизм *топа* объясняется следующим образом: «пачка, кипа, мера для платков в оптовой торговле» [МиУТТ 1932: 149–151].

Но он не отмечается в словарях русского языка.

ТЮНЬ. Восточная экзолексема *тюнь* упоминается в Выписке из статейного списка Л. Владиславича-Рагузинского от 21 октября 1726 г. – 14 июня 1728 г.: «Агенту Лангу и секретарю Глазунову по шубе бараньей, покрытыми камками с змеями, по паре сапогов, по шапке с опушкою черненых зайчим, по поесу, по 2 камки да по 2 тюня китайки» [РКО 1990: 459]. В «Терминологическом словаре» к этому сборнику документов отмечено, что «тюнь (тюм) – единица измерения китайских тканей, содержащая 10 концов. Равнялась 75–85 аршинам или 53–60 м.» [РКО 1990: 452].

В «Объяснительном словаре старинных русских мер» Г. Я. Романовой *тюнь* определяется так: «*оптовая мера тканей, привозимых из Китая; тюк как единица счета ткани*» [Романова 2017: 260]. Согласно М. Фасмеру, восточный экзотизм *тюнь* заимствован из китайского языка [Фасмер 1987: 136]. Как указывает И. А. Малышева, «тюнь был равен 10 концам, каждый из которых содержал 7,5 – 7,75 арш., то есть в тюне было примерно 70–80 аршин» [Малышева 1991: 15].

ХАРАЛ. Восточная экзолексема *харал* фиксируется в Записи приказов кизлярского коменданта Н. А. Потапова начальнику Каргинского карантинного поста кап. Кирилову о пропуске товаров в Кизляр от 10 – 23 мая 1768 года: «По рапортам вашим м–ца от 8 и 9

чисел задержанной вами в карантине привезенной из Андреевской деревни тамошним жителем грузином Борисом Петровым кореня марены – 3 харала, шкур лисьих – 12, кошачьих – 34, палас – 1; армянином Исаем Моисеем корня марены – 9, да вчерась прибывшие 7, а всего – 16 харалов, имеете со осмотра в Кизляр пропустить и репортовать» [МиРДО 1988: 119].

Как указано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. В. Даля, «Харáль м. *касп.* мѣсто, мѣшокъ, тюкъ, таё, ящикъ товара» [Даль 1909: столб.1167]. Е. Н. Шипова к данному объяснению добавляет, что, *харал*, наверное, восходит к «тур. *harar* большой мешок (из козьей шкуры)» [Шипова 1976: 323]. По М.Фасмеру, *харар* (*harar*–*О. Х.*) «большая седельная сумка из козьей кожи» [Фасмер 1987 г., IV: 223].

ЮФТЬ – восточный экзотизм упоминается в Челобитной «изюрского» и бухарского послов Кадыша, Мухаммед–Али и Достума в Посольский приказ о разрешении им закупить на обратном пути некоторое количество заповедных товаров, с приложением приказных докладных выписей по их челобитным от 30 мая 1589 года : «Милостивый царь (Федор Иванов – *О.Х.*) государь, покажи милость, пожалуй, вели государь мне по своим, государь, водчинам по городом понизовским до Казани купити воску 150 пудов воску да 200 юфтей мостовых да 30 ведер вина да 20 пуд меду да 5 душ полону в Переславле и в Касимове и в Нижном Новгороде и Свияску» [МиУТТ 1932: 100].

Согласно Г. Я. Романовой, восточный экзотизм *юфть* имеет два значения: «1. *Пара (счетная единица, употребляемая при изготовлении и продаже некоторых товаров, преимущественно выделанных кож и изделий из кож);* 2. *Две четверти хлеба, из которых одна четверть ржи, другая – овса (счет при определении оклада стрелецкого хлеба и при выдаче хлебного жалованья служилым людям).* Она при этом, учитывая мнение М. Фасмера, приходит к выводу, что он заимствован «через тюркское посредство из новопер Džuft «пара, первоначально пара кож, так как кожи обычно дублятся попарно». Потом юфтью, юхтью стали называть и саму кожу, имеющую определенное качество выделки. Счет юфтями

использовался не только при производстве кож, торговле кожами и изделиями из кожи, но и при определении посошного оклада стрелецкого хлеба и выдаче хлебного жалования служилым людям. Юфть в этом случае означала две четверти зернового хлеба, из которых одна четверть ржи, а другая – овса» [Романова 2017; Фасмер 1987, IV: 536].

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о том, что привлечение к анализу русских деловых памятников даст возможность получить более достоверные сведения о путях проникновения и семантической структуре восточных экзотизмов.

3. Названия религиозных понятий

Анализ документов, касающихся дипломатических и торговых сношений России со странами Востока показывает, что во внутренней жизни этих государств религия играла огромную роль. Поэтому Россия, вступая в отношения с Монголией, Китаем, Дагестаном, Хивинским и Бухарским ханствами и другими странами всегда интересовалась их религией. Об этом свидетельствует, прежде всего, религиозная лексика, встречающаяся в указах, грамотах правителей государств, в отписках воевод русских городов, в челобитных, расспросных речах, статейных списках русских и восточных послов: *коран*, *мулла*, *лоба*, *кутухта* и др.

БОНЗИЙ, КОШАН. Восточные экзотизмы *бонз* и *кошан* встречаются в Путевом журнале Л.Владиславича-Рагузинского от 12 октября 1725 г. – 18 декабря 1728 г.: «...притом имеютца несколько келей, где их пустыnnики живут, которые называются бонзы... и кругом кельи каменные, где их пустыnnики называютца кошаны» [РКО 1990: 209].

Восточный экзотизм *бонз* является усечённой формой слова *бонзий*, которое «Словарь русского языка XI–XVII вв.» отмечает в значении «*буддийский монах*» в историческом документе «Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих» под 1670 годом: «[В Японии] б-й чинь дховные люди... есть иные подобны рыцерскому чину, якож<е> малтийские,

которые за вѣру свою стоятъ, тѣхъ обчихъ ихъ словомъ называютъ бонзии» [СлРЯ XI–XVII, 1: 290]. *Бонз* (*бонза*) по происхождению является китайским, а в русский язык проник через японо–французское посредство [Крысин 2010: 137].

Восточная экзотическая лексема *кошан* не отмечена в исторических словарях русского языка, хотя из данных «Терминологического словаря», приложенного к сборнику документов «Русско–китайские отношения в XVIII веке», становится очевидным, что правильной орфографической формой этого слова является *хуашань*. Как указано в этом словаре, оно по происхождению является маньчжурским и обозначает «жреца, монаха» [РМО 1974: 21].

КОРАН – «священная книга мусульман». С данным значением восточный экзотизм *коран* встречается в Присяге костовского владетеля Алиша Хамзина от 17 марта 1744 г.: «В заключении сей моей клятвы целую куран и при подписании имени моего прилагаю мою печать. Аминь.» [РДО 1988: 76].

Восточный экзотизм *коран* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» отмечает впервые в Монастырской грамоте XVI века: «Проклятые книги его (Магомета) коранъ зовомый, прехваляетъ божественное ... евангелие» [СлРЯ 1980, 7: 305].

Одним из главных вопросов в деловых документах того периода был вопрос о так называемой «шерти». Этот вопрос играл существенную роль в посольских переговорах. Русское правительство было заинтересовано в принесении присяги на верность московскому царю. Присяга давалась на священной книге. В исследуемых нами документах есть факты, свидетельствующие об ошибочном употреблении восточного экзотизма *коран*. Например, в «Указе царя Михаила Федоровича, по докладу Приказа Казанского дворца, об отправке посольства Я. Е. Тухачевского и Д. Агаркова для приведения к шерти Алтын–хана и вручения ему подарков» от 1633 года, находим подтверждение: «...Алтыну–царю, за себя и за братью свою и за детей и за внучат... за всю свою орду дати правду на куране...» [РМО 1959: 191]. Алтын–хан был ламаистом и не мог давать шерть на коране. Эта ошибка была допущена русскими послами в силу того, что они почти

не были знакомы с ламаизмом и буддизмом. К такому заключению приходят и издатели этого сборника документов [РМО 1959: 191].

О наличии еще трех священных книг мы узнаем из «Клятвенного обещания старшин сел. Старгал на верность России», на которых они клянутся: «Мы, нижеименованные, обещаемся и клянемся всемогущим богом и великим пророком Мухаммедом пред четырьмя его справедливейшими книгами инджиль, теврад, забур и коран, в том...» [РДО 1988: 289].

В русских письменных памятниках экзотизм *коран* упоминается в нескольких орфографических формах: *кура́н*, *алкоран* (*Алкоран*).

В текстах документов встречаются экзотизмы, называющие священников восточных стран.

КУТУХТА – «верховное духовное лицо у монголов». В этом значении данный восточный экзотизм встречается в расспросных речах в Тобольской приказной избе атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова от 2 февраля 1617 года: «А как де тот кутухта родился, и он де грамоте умел» [РМО 1959: 57]. Однако в расспросных речах в Посольском приказе посла Алтын-хана лабы Тархана от 11 января 1620 года восточный экзотизм *кутухта* поясняется сочетанием «владелец де мугальскими монастырями»: «А владелец де мугальскими монастырями – *кутухта*, а они де в лабы становятся от кутухты» [РМО 1959: 91]. На основании вышеуказанного текста можно проследить иерархию религиозных чинов, от низшего чина *кутухты* к высокому сану *лабы*. А в расспросных речах в Посольском приказе атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке к Алтын-хану от 19 марта 1617 года восточный экзотизм *кутухта* сопровождается внутритекстовой глоссой «святой»: «А про кутухту им рассказывал сам царь, что тот кутухта по их мусульманской вере у них святой, а прислан он к ним ис Лабинского государства» [РМО 1959: 64].

В некоторых памятниках письменности восточный экзотизм *кутухта* поясняется словами *митрополит* и *патриарх*. В Расспросных речах в посольском приказе посла Алтын-хана лабы Тархана о цели приезда от 11 января 1620 года описан обряд, еще раз подчеркивающий место и роль *кутухты* в жизни государства, а глосса

«начальник», внесенная в текст документа, занимает препозицию: «...А коли они бывают на поклоненье у начальника своего, у кутухты, и они де ему поклонятца трожды до земли, и пришед к нему поклонитца, а кутухта на них накладывает руку. А коли де им лучится быть у китайскова царя или у которого инова их веры, и лаби де царем не кланяютца, а лабы на царей накладывают руки так же, как на них кутухта руку накладывает» [РМО 1959: 91].

В документах более позднего периода восточная экзолексема *кутухта* встречается также в сопровождении глоссы «начальник их закона»: «...что он сродни кутухтин начальника их закону, и в которой области кутухта, всех скоро может склонить с собою» [РКО 1990: 353]. Однако следует отметить, что под законом здесь понимается вера, религия, вероисповедание. Очевидным становится то, что *подъязычий* употребляли слово *законник* в качестве пояснения.

Этим самым мы имеем возможность расширить синонимический ряд: *кутухта* — *митрополит*, *патриарх*, *святой*, *владелец монастырями*, *начальник*, *начальник закона*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано две его формы: *кутуфта*, *кутухта*. Рассматриваемые нами источники, дают возможность отметить и другие фонетические варианты данного восточного экзотизма: *кутуфта*, *кутыхта*, *хутухта*, наличие которых свидетельствует о непривычности этого слова для носителей русского языка.

ЛАМА. У монголов и китайцев священников называли ламой, так как в XVII веке господствовал ламаизм. В указанной орфографической форме данный восточный экзотизм встречается часто в памятниках письменности позднего периода: «Когда в кумирню войдут какие их богомольцы, то ламы, или жрецы в висящей пред кумирнею небольшой колокольчик...» [РКО 1990: 520]. Из данного контекста следует, что восточный экзотизм *лама* поясняется словом *жрец*, которое вводится в текст документа с помощью союза «или», а в предложении занимает постпозицию. В памятниках более раннего периода этот экзотизм встречается в форме *лоба*, которая также в текстах документов сопровождается различными глоссами. Например, в Расспросных речах в Приказе Казанского дворца ногайского татарина Деная Девлетова и уфимского толмача Ф. Кондратьева от

1630 года восточный экзотизм *лоба* поясняется старославянским словом *чернц*, которое, в свою очередь, означает «монаха»:

«И то де он, Федька, слышал же, что приехали к ним ис Китайского государства мирить их лабы, а по-руски бы чернцы, а помирили ль их или нет, про то он не слышал» [РМО 1959: 152]. Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», восточный экзотизм *лама* — «монах-священник у буддистов-ламаистов». С этим значением он зафиксирован в документах 1675 года. Вышеуказанная глосса вводится в текст делового документа с указанием «а по-руски». По данным словаря М. Фасмера, *лама* является заимствованием из тибетского языка *bla*ma, проникшим в русский язык через посредство монгольского [Фасмер 1986 г., II: 454].

ЛАНЗА, ШАБИНАР. Восточный экзотизм *ланза* фиксируется в Статейном списке посольства Я. Е. Тухачевского к Алтыну-хану от 4 июля 1634 года: «Декабря в 10 день ... Алтына-царя отец ево духовной и браты ево и всем мугальским полкам и табунам Даин Мерген-ланзу, а по их вере учитель, и во всех в них в мугальских царях и в полках и табунах волен» [РМО 1959: 208]. При написании с личными именами он занимал всегда постпозицию и употреблялся в рассматриваемых нами источниках только по отношению к одному человеку — Даин-Мергену: «Да и лабу Даин-Мерген-ланзу, как их провожал до Киргиз, на дороге и в Киргизах бесчестил же и ... ево лошадьми, а те лошади сыскались мимо лабы» [РМО 1959: 208]. В этом статейном списке восточный экзотизм *ланза* поясняется сочетанием «отец духовный» и словом «учитель»: «Декабря в 10 день ... Алтына-царя отец ево духовной и браты ево и всем мугальским полкам и табунам Даин Мерген-ланзу, а по их вере учитель, и во всех в них в мугальских царях и в полках и табунах волен» [РМО 1959: 208].

Эта глосса дает возможность утверждать, что *ланза* является не новым каким-то религиозным титулом, а искаженной формой титула «далай-лама», функции которых совпадают: «далай-лама [монг.] — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете, почитаемого в качестве живого бога в образе человека» [СИС 1988: 146].

Одной из основных функций ламы, согласно исследуемым документам, является обучение грамоте. Об этом свидетельствуют

памятники деловой письменности рассматриваемого периода. Например: «1 лама, при нем 4 шабинаров по прошению на съездем дворе... повелено было оноу ламу и служителей ево, которые учили детей их грамоте...» [РКО 1990: 73].

В последнем контексте особое внимание обращает к себе экзотизм *шабинар*, употребляемый в текстах деловых памятников XVIII века, отражающих русско-китайские отношения: «И по велению Андрея Посельского, того ж августа 18 дня в Сарачинах присланному ис Китай Мунгальского приказу подьячему Пунсуку по именному реэстру мужеска и женска полу 98 душ и с пожитки их отдал с роспискою на их китайском письме, а ламу и шабинаров ис Сарачин Цаган Окинов сын отвел в Мунгалы и в в Урге отдал шанзабе» [РКО 1990: 73]. В терминологическом словаре, приложенном к данному сборнику документов, *шабинар* объяснён следующим образом: «группа монгольского населения, находившаяся в феодальной зависимости от ургинских хутухт и монастырей» [РКО 1990: 627].

В лексикографических источниках русского языка восточные экзотизмы *ланза* и *шабинар* не отмечаются.

МЕЧЕТЬ. Восточный экзотизм *мечеть* упоминается в отписке астраханского воеводы Б. А. Репнина в Посольский приказ с изложением расспросных речей пленных татар о взаимоотношениях ойратов с едсанскими и ногайскими мурзами и о предполагающемся уходе части ойратов-торгаутов Джунгарию от 29 октября 1645 г. по 10 января 1646 г. «... и кочюют от Баскацкого устья вверх в полуднище у глиняной мечети у Койши и мыслят идти кочевать к твоей государевой отчине» [РМО 1974: 266].

Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», *мечеть* отмечается впервые в значении «Здание, в котором происходят моления у мусульман» в Поклоненье св.Града Иерусалима под 1531 г.: «А прочихъ църкве(и) внутрь монастыря: греческихъ ·гѣ·, ·дѣ· сербская, ·еѣ· иверьская хрѣтианская и латынскы костел и срачинский мѣчить» [СлРЯ XI–XVII, 9: 133].

МУЛЛА – «мусульманский священник». С этим значением указанная экзолексема употребляется в Статейном списке посольства Ф. И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «И

калмацкой тайша Аблай прислал бухаретина своего Ирки—мулла, а с ним прислал подводы 40 верблюдов да 50 лошадей» [РМО 1636-1654 1974: 401].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *мулла* отмечает впервые в Никоновской летописи под 1557 год: «Астороханские люди, Чалым—уланъ въ головахъ, и мольлы и ходжи и шиши и шихзады» [СлРЯ XI–XVII, 9: 247]. В Отписках томского воеводы О. Н. Щербатого в Сибирский приказ от 1647 года *мулла* встречается в сопровождении глоссы «поп»: «Да в нынешнем же, государь, во 155 году сказывал нам, холопам твоим, в съезжей избе тарской бухаретин мулла, бухарской поп» [РМО 1636–1654: 309].

Как указывает Д. С. Кулмаматов, в зависимости от расположения в предложении экзотизм *мулла* может иметь и другое значение. По его мнению, «когда слово *мулла* располагалось перед собственными именами, то оно указывало просто на грамотного человека, умеющего писать и читать восточные тексты, написанные арабской графикой» [Кулмаматов 1994: 69].

С этим значением восточный экзотизм *мулла* употреблён в Отрывке описания аудиенции русского посла Вельямина Степанова у хана Казачьей Орды Тевкеля, состоявшейся в мае 1595 года: «Сам де грамоте не умею, а людем де своим честь дать не верю, потому что у меня молла мой бухарец и которое деи будет тайное слово и то де будет у Абдуллы царя в уших» [МиУТТ 1932: 295].

Проведённый анализ русских деловых документов дает возможность охарактеризовать не только процесс вхождения экзотизмов в лексическую систему русского языка, но и определить их новые значения. Тексты документов служат важным источником для русской исторической лексикологии и составления словарных дефиниций.

4. Географические названия

Анализируемые в нашей работе памятники русской деловой письменности весьма ценны: они дают достоверные сведения об истории языка, культуры, экономики. Значительный интерес

представляет их словарный состав, дающий возможность изучения истории русской лексической системы, как исконной, так и заимствованной. Попытаемся это рассмотреть на примере восточной географической экзотической лексики, употреблённой в текстах русских деловых памятников XVI–XVIII вв.

В памятниках русской деловой письменности XVII века, анализируемых нами, очень часто встречаются для обозначения названий рек и озёр восточные экзотизмы, сопровождающиеся глоссами [Шаймерденова 1997: 15]. Остановимся на некоторых из них.

АЛАТЕРИ. Восточный экзотизм *Алатери*, встречается в Статейном списке посольства томского сына В. Старкова к Алтынхану от 5 сентября 1638 г. – 26 апреля 1639 г.: «А из царева улусу ехали вверх по Кем//чюку, и с Кемчюку на левую руку на речку на Барлу, и тою речкою ехали до вершины, и с той речки в вершины через Камень да на озеро на Урюча, а с тово озера Урюча через Камень ж де на озеро любимое царево, словет Алатери, а по-русски Пегое озеро» [РМО 1636–1654: 123–124].

Введённый автором в данный контекст восточный экзотизм *Алатери* состоит из двух частей – «ала» и «тери». Внутритекстовая глосса, состоящая из словосочетания «Пегое озеро» соответствует первой части восточного экзотизма – *ала*, а вторая часть его – *тери* («шкура» – О. Х.) оставлена без пояснения. Если восточный экзотизм *Алатери* перевести дословно, то получит следующий вид – «пегая (пятнистая) шкура».

В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна указывается, что слово *ала* по своему происхождению является тюркским: «ала/а: la турк.; ала/ала тур., аз., кир., каз., тат., башк., узб. и т.д.» [Севортян 1974: 129].

По неизвестным причинам название озера *Алатери* не отмечено на географической карте и, поэтому, вероятно, является названием, данным ему местным населением. В географическом же указателе к сборнику документов «Русско–монгольские отношения. 1636–1654» рядом с восточным экзотизмом *Алатери* сделана заметка «(Пегое), оз. см. Убсу–нур» [РМО 1974, 124]. Следовательно, официальным названием данного озера является название *Убсу–нур*, а не *Алатери*,

хотя внесенная глосса с указанием «а по-русски» является правильной. Употребление одного названия вместо другого можно объяснить также изменением географической карты.

В указанном выше документе встречается еще один восточный экзотизм – *Алтын Кедус*: «А займище тово озера слывет Алтын Кедус, а по-русски Золотой прикол, и в то озеро реки многие, а из озера рек нет ни одной, озеро велико и займище кругом великое, а кругом в камени высокою, а все камень голой» [РМО 1636-1654: 124].

Примечательно, что это же название носит и река, упоминающаяся в Статейном списке посольства томского сына боярского Неверова к ламе Даин–Мерган–ланзу от 1639 года: «Генваря в 6 день Степан Неверов с толмачем приехал к лабе в улус, а стоял лоба с царевым братом з Даин–наяном в горах на речке Алтын Кадусун» [РМО 1607-1636: 143].

В географическом указателе к данному сборнику употреблены фонетические варианты данного восточного экзотизма, которые являются названиями реки и займища на левом берегу озера Убсу–нур. Нами же в текстах отмечена форма *Алтын Кадусун*, свидетельствующая о трудном освоении восточных названий. Первая часть географического названия – *Алтын* считается заимствованной из тюркского. Сам экзотизм *алтын* встречается в памятниках русского языка уже с XIV века (1368 г.) [СлРЯ XI–XVII, 1: 32]. Но по поводу значения экзотического слова *алтын* имеются различные точки зрения – одни исследователи возводят его к тюркскому слову *алтун* «золото», а другие – к числительному *алты* – «шесть» [Кулмаматов 2006: 51]. Однако более полное объяснение экзотизма *алтын* дано И. Г. Добродомовым: «Название трехкопеечной монеты *алтын*, встречающееся в русских памятниках с XIV века, восходят к тюркскому словосочетанию *алты тын* (*тин*), которое буквально значит *шесть (алты)денег (тын)*. Старинная монета *деньга* равнялась половине копейки, следовательно, в алтыне содержалось три копейки. Тюркское сочетание *алты тын* воспринято древними русскими народами как одно слово, а два одинаковых слога *-ты-* подверглись упрощению: один из них выпал, отсюда древнерусское *алтынъ*» [Добродомов 1968: 119–120]. Вслед за И. Г. Добродомовым Д. С.

Кулмаматов, исследуя лексику старинных переводов хивинских челобитных XVII века, указывает, что в то время тюркское слово *алтун* «золото» в русских переводах передавалось в виде *алтын* и использовалось «лишь в значении счетной единицы. Тюркское слово *алтун* также могло по созвучию употребляться для передачи значения русского *алтын*» [Кулмаматов 2006: 51].

ВИЛАЙЕТ. Для обозначения единицы управления на территории Средней Азии употребляли экзотическое слово *вилайет*, часто встречающееся в текстах документов. Нами оно отмечено, например, в Посольском письме балхинского посла Ходжи-Ибрахима астраханскому воеводе князю Н. И. Одоевскому с товарищами с подробным описанием всех обстоятельств своего пути из Средней Азии до Астрахани от 1641 года: «Затем вернулся в свой вилайет и доложил о происшедших событиях своему падишаху» [МиУТТ 1932: 169].

В словаре малопонятных слов, составленного А. Булгаковым, к данному сборнику документов отмечено, что *вилайет* – «единица управления, округ, область» [МиУТТ 1932: 452].

В Словаре русского языка XI–XVII вв. слово *вилайет* не отмечается.

В связи с принятием Закона о государственном языке в нашей республике многие слова, находившиеся в пассивном употреблении, обрели новую жизнь и вновь вошли в активный словарный запас. Поэтому естественным является обращение к экзотизму восточного происхождения *вилаят* и употребление его на месте ранее принятого русского слова *область*.

ДОЛОН–КАРАГАЙ. Восточный экзотизм *Долон–Карагай* фиксируется в Статейном списке посольства Ф. И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «А от Калбагасуна до Доло–Карагаю ходу 2 дни. Далан–Карагай – калматцким языком, а по–русски стоят семь сосен. А от Долон–Карагаю до речки Енкуля ходу день, а выпала та речка Энкуль ис камени в – Ыртыш» [РМО 1636–1654: 401].

Внутритекстовая глосса, данная этому восточному экзотическому слову и введенная в текст документа с указанием «а по–русски», показывает, что название перевоза идет от семи сосен,

растущих в этой местности. Кроме имеющихся двух орфографических форм данного слова – *Долон-Карагай* и *Далан Карагай*, в этом документе встречается еще один фонетический вариант – *Доло-Карагай*. Как видим, семантика восточного экзотизма раскрыта с помощью глоссы этимологического характера.

Этим же способом в вышеуказанном документе поясняется название урочища, расположенного на левом берегу Иртыша и именуемое Кабангасун: «От белых вод до Кабангасуна ходу три дни. Кабангасун калмацким языком, а по-русски палата кирпичная, кирпич женой, пустая, дело старинное. А от Кабангасуна до Доло-Карагаю ходу 2 дни» [РМО 1636–1654: 401]. Глосса к восточному экзотизму указывает не только на язык-источник, но и показывает, что название местности идёт от названия крепости, построенной из кирпича и расположенной в этой местности.

ТОЛА. Восточный экзотизм *тола* употребляется в Путевом журнале Л. Владиславича-Рагузинского, датированного 1725 годом, восточному экзотизму – гидрониму *Тола* – дается следующее пояснение: «... до реки Толы, которую переезжали вброд чрез четыре протоки, 30 верст. Лес по берегам таловой. Река течением быстра по камению, шириною протоки от 40 сажен до 20, впадает в Орхон. Береги по обе стороны не очень крутые, прикрытые небольшими безлесными горами» [РКО 1990: 206]. Из контекста следует, что название реке было дано по местности, где рос таловый лес. Что касается экзолексемы *тол* (*тал*), то по М. Фасмеру, она «заимствована из тюрк.; ср. чагат., уйг., алт., казах., кирг., тат., балкар., караим. *tal* «ива, ивняк» [Фасмер 1987 III: 13].

В этом же документе встречается название урочища *Ирен-Табасу*, которое поясняется многословной глоссой «до солёного озера», введенной с помощью союза «сиречь»: «От колодезя Челоту до урочища Ирен-Табасу, сиречь до солёного озера, 30 вёрст. Место пешаное, травы нет, где колодезь, и вода нехороша и той мало» [РКО 1990: 207].

УЛУС. В Грамоте из Приказа Казанского дворца татарскому воеводе И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы к тайшам Изеню и Далаю-Богатырю, а также к Хо-Урлюку и Курсугану

для приведения их к шерти, от 18 октября 1607 г., упоминается восточный экзотизм *улус* «феодалное владение у кочевых народов»: «И на Таре Куюнай-тайша нам, великому государю, шертовал за всех своих товаришив, за 40 за 9 тайшев, и их улусов, за колмацких людей опричь Урлюка – тайши...» [РМО 1607–1636: 28].

Впервые этот восточный экзотизм «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского свидетельствует в Ярлыке хана Узбека митрополиту Петру под 1315 год в значении «селение» (у Татарь): «Да не вступаютца никто же ничемъ в церковныя и митрополичи, ни в города ихъ, ни в волости ихъ, ни в села ихъ..., ни в улусы ихъ, ни в лесы ихъ». Здесь же приводится еще одно значение данного слова – «владение, подвластная страна (у Татарь)» [Срезневский 1989: столб.1198].

Интересные сведения об истории восточного экзотического слова *улус* даются в Сравнительном словаре турецко-татарских наречий Л. З. Будагова: «монг. *уйг.* *الووس*, *اولوس*, *الس* [ālūs, ūlūs, ālūs – О. Х.] народъ, большое племя, орда». В значении «народ» оно употреблялось еще в произведениях А. Навои и Бабур. А в постановлениях великого Амира Тимура *улус* отмечается в значении «армия». В его знаменитом «Комусе» говорится, что *اولىكوچر* [ūlīkūchār – О. Х.] или *اولوس* [ūlūs – О. Х.] – «кочующее племя». На основе этого Л. З. Будагов приходит к заключению, что «улус заключает в себе и *народ*, и *армию*, и самые провинции, которые подчинялись хану, а потому можно его передать словом *удел* в обширном смысле, в тесном – *владение*; но самое это значение берет начало от слова *народ*. Предположение, что *اولوس* [ūlūs – О.Х.] тождественно со словом *اولوش* [ūlūsh – О. Х.] доля, одна часть, отдел, – не может быть принято потому, что последнее в смысле первого не употребляется и не встречается ни в каких древних памятниках» [Будагов 1869: 88–89].

Опираясь на данные Л. З. Будагова, мы не можем утверждать, что форма *улуш* является фонетическим вариантом слова *улус*, так как за формой *улуш* закреплено иное значение – «доля». Но экзотизм *улус* довольно активно употреблялся в русских деловых памятниках XVII века. В наших письменных источниках отмечается еще одно значение слова *улус* – «единица управления». С этим значением он фиксируется

в Статейном списке В. Старкова к Алтын-хану от 1638 года: «И того же числа из Киргиз поехали на верхние Киргизы на Алтыр, а от Белого Миюсу из тех улусов от Больших Киргиз до Алатыр, ехали 3 дни ...» [РМО 1607-1636: 104].

Исследователи, интересовавшиеся историей восточного экзотизма улус, указывают на его тюркское происхождение.

Э. В. Севортян в своём «Этимологическом словаре тюркских языков», отмечая значения экзотического слова улус «народ», «страна», «племя», «национальность», «люди», «собрание», «совокупность карт каждой из четырёх мастей колоды», «религиозное местопребывание будд», пишет: «Тюркская версия происхождения улус вполне вероятна, тем более, что наряду с др.-тюрк. *улуш* в современных киргизском, казахском и каракалпакском языках употребительна ... форма *улут*: следовательно: *улуш* <улу- + -ш, *улут* <улу- + -т» [Севортян 1974: 592].

Согласно М. Фасмеру, «др.-рус. *улусь* «селенье» (у татар) ... Из тур., азерб., кыпч., тел., алт., уйг., караим. трок. *ulus* «народ» [Фасмер 1987, III: 160].

ЦАГАН-КРЫМ. В своём Путевом журнале Л. Владиславич-Рагузинский от 12 октября 1725 г. – 18 декабря 1728 г. отразил восточным экзотизмом *Цаган-Крым* – название знаменитой китайской стены: «Стена Калганская называется генерально Цаган-Крым (Белая Стена), сквозь которую в ворота проезжали. Ворота из дикого камня и намощены такою диким камнем, плитами большими, двери обиты железом, стена кирпичная вышиною сажен четырех, внутрь насыпана землею, толщиною трех сажен и изнутри, такою же как и изнаружи и прикрыто стеною кирпичною же» [РКО 1990: 208].

Внутритекстовая поясняющая глосса *Белая Стена* помещена автором в скобках. Более важным и интересным является то, что автор описал построение знаменитой китайской стены, указав её размеры: «сама она обложена кирпичами со всех сторон, а пространство засыпано землей».

ШАМАНСКОЙ ПОРОГ. Восточный экзотизм *шаман* в сочетании с русским словом *порог* упоминается в вышеназванном журнале: «А в правой стороне посреди реки Ангары есть камень немалой, вышиною

от воды аршина два, которой называют тамошние народы брацкие камень Шаманской (сиречь волшебной). По своему суеверству, когда приключится между ими какой спор и на кого подозрение, тот в лотке принужден ехать к тому камени и, пристав к оному, трижды поклоняясь, обнимая руками целует и во свидетельство своей невинности умоет в воде левую ногу, и тем оной оправдается» [РКО 1990: 202]. *Шаман* поясняется внутритекстовой глоссой «волшебной», введенной с помощью союза «сиречь». Здесь указывается на свойство этого камня, которое было наделено самим человеком, а не богом.

Необходимо заметить, что некоторые горы носят названия, связанные с религиозными верованиями народов, населяющих эту территорию. Из записей Л. Владиславича–Рагузинского мы узнаем не только о наличии *Шаманского порога*, но и о том, почему дано такое название, какой обряд там совершается.

Согласно М. Фасмеру, *Шаманской порог* «стремнина, порог на реке в Сибири». Заимствовано через эвен. [Циниус 1947: 5] Šaman «буддийский монах» [Фасмер 1987, IV: 401].

Таким образом, восточная географическая лексика, употреблённая в текстах русских деловых письменных памятников XVI–XVIII вв., разнообразна и имеет большое значение для изучения истории русских и восточных слов. Особый интерес представляют среди них глоссы, являющиеся весьма ценным материалом для составления словарных дефиниций.

5. Названия тканей и одежды

Активизация дипломатических и торговых отношений России со странами Востока благоприятствовала увеличению не только количества жанров деловых документов, но и создавала условия взаимовлиянию и взаимообогащению русского и восточных языков. Об этом свидетельствуют данные сохранившихся письменных памятников – грамот, челобитных, статейных списков, созданных в канцеляриях Посольского приказа или в съезжих избах русских городов [Кулмаматов 1994: 6–7].

Анализ вышеназванных документов показывает, что при создании их текстов составители употребляли названия ввозимых в страны Востока русских изделий из кожи, деревянной посуды, мехов, а также наименования восточных одежд, тканей, привозимых с Востока в Россию. Каждое из этих изделий, естественно, имело своё наименование. Особое внимание среди них привлекают названия тканей восточного происхождения: *фарабат, лас, камка, зендень, киндяк, паф, атлас, камка; зифрян, халат, чюга (чуга), азиям* и др.

АЗЯМ отмечается в Статейном списке посольства томского сына боярского Греченина и подъячего А. Самсонова к Алтын-хану от 28 августа 1636 г. – 23 апреля 1637 г.: «Ермаметко, толмач, Алтыну–царю дал азиям аглинской зеленой; двоюродному Алтын–царя брату Мергенланзу – портище сукна аглисково вишневого да вершок шапочной красной; царевчу – кожу красную» [РМО 1636–1654: 50].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *азиям* отмечает впервые в значении «мужская летняя одежда типа, длинного кафтана» в Дополнениях к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией под 1647 годом: «А на тѣхъ де тунгусахъ на нихъ и на женахъ ихъ онѣ Гришка видалъ круги серебряные и плащи, и въ платьѣ на нихъ кумачи видѣлъ же, сдѣлано азиямомъ» [СлРЯ XI–XVII, 1: 25]. Но в наших документах он встречается в более ранних документах – 1636–1637 гг.

Приведенное значение восточной экзотексемы дается и в одной из статей Ф. П. Филина [Филин 1982: 20]. Но в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина «азя́м, озя́м 'сермяга, долгий и полый крестьянский кафтан, верхний кафтан халатного покроя'» [Аникин 2007: 114]. Он по своему происхождению восходит к «тюрк. (араб.), азерб. *Adžam* "Персия", тур. *adžām* "перс"» [Фасмер 1986 I: 64].

АТЛАС. Восточный экзотизм *атлас* с «разновидность шелковой ткани» отмечается в Расспросных речах в Посольском приказе атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке к Алтын-хану от 1617 г.: «А при нем были лутчие ево князи и мурзы в нарядном платье в цветном в камчатом и в атласном.» [РМО 1607–1636: 62].

«Словарем русского языка XI–XVII вв.» отмечается впервые восточный экзотизм *атлас* в значении «ткань, атлас» в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско–Литовским от 1489 года: «А у Бориса укладника взяли двадцать чюгъ шафрану, да атласъ, да косякъ тафты червчатые» [СлРЯ XI–XVII, 1: 57].

По мнению М. Фасмера, экзотизм арабского происхождения *атлас* *أطلس* [ātlaš]) со значением «гладкая шелковая ткань» русским языком был заимствован через польское посредство [Vasmer 1953: 31]. Н. М. Шанский, отвергая данное мнение М. Фасмера, считает, что он был «заимствован не позже XV в., вероятно, из тюрк. языка (ср. турецк. *atlaz*, *atlas*, казахск. *атлас*, башк. *атлас*, уйгурск. *atlas* и т.д.), а сам «материал назван по блестящей и гладкой поверхности лицевой стороны» [Шанский 1963: 171]. Полная дефиниция дана этому слову в «Словаре иностранных слов», где указано, что экзотизм *атлас* арабского происхождения и обозначает «шелковую или полупелюшную ткань с гладкой блестящей лицевой поверхностью, создаваемой особым (атласным) переплетением нитей».

ЗЕНДЕНЬ. Данный экзотизм упоминается в «Челобитной прибывшего в Ярославль бухарского купчины Ходжи–ата–кули царю Михаилу Федоровичу о разрешении беспопынно продать в Ярославле привезенные им товары бухарского хана» от 1634 года: «А товару государь со мною въ Ярославль пришло царева: 2626 зенденей червчатых, 2000 зенденей цветных чаровых, 1530 зенденей семенди цветных ...» [МиУТТ 1932: 143].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует впервые восточный экзотизм *зендень* в значении «хлопчатобумажная ткань» в архиве П. М. Строева под 1568 годом: «Шуба лисья подъ зенденью». А в другом контексте составители этого словаря отмечают его в значении «кусок этой ткани определенной длины (около 16 локтей); мера при штучном счете ткани» в Актах, относящихся до юридического быта древней России, под 1609 годом: «У Миронка [Иванова, отпущенного из Тюмени на Русь для торговли] три зендени, две бязи, тринадцать аршинъ выбойки... а у Семейки три зендени, две бязи, полансыря шелку» [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 381–382].

Название ткани *зендень* идет от названия одного из городов Бухарского ханства Зендана или Зандане [Кулмаматов 1982: 54].

Зендень, по данным «Словаря малопонятных слов», прилагаемого в «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», «бумажная ткань вроде миткаля, сделанная из более толстых нитей, чем киндяк; бывала разных цветов» [МиУТТ 1932: 453]. Ткань *зендень* имеет несколько сортов, один из которых указан в цитированном нами тексте – *зендень семенди*. Кроме этого сорта, есть и *зендень дюменди*. *Зендень семенди* обозначала тройную, а *зендень дюменди* – двойную *зендень*. Первые части экзотизмов – *дюменди* и *семенди* – «дю» и «се» в переводе с персидского обозначают соответственно единицы счета «два» (персид. *دو*[dū]) и «три» (персид. *سه*[sə]). Вероятно, отсюда и идет название двойная и тройная *зендень*.

ЗУФРЯН встречается в Статейном списке посольства томского сына боярского Я. Е. Тухачевского к Алтын-хану от 3 июня 1634 г. – 12 мая 1635 г.: «И как Яков и Дружина и сын боярской и служивые люди пришли перед царицу, а Алтын-царю Яков поднсл охабенек черчат и зуфрян нарядной, мису оловянную большую, торелку золоченую, нашивка серебрянная с шолком зеленым крушковая, да 3 достокана оловянных золоченых, да перешница золоченая, да рубашку полотняную, шита золотом, да 50 листов бумаги, да ножик немецкой, черень золоченой, да кожу яловичью красную» [РМО 1607–1636: 212]. В «Терминологическом словаре» к данному сборнику отмечено, что *зуфрян* – это «род шерстяной ткани» [РМО 1607–1636: 318].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *зуфрь* впервые засвидетельствует в значении «шерстяная ткань» в Писцовой книге Московского государства под 1578 годом: «Апостоль тетрь, въ десть, по бумагѣ, обложень зуфрюю лозоревою» [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 70]. Однако вышеуказанный нами контекст дает возможность определить другое лексическое значение слова *зуфрян* «кафтан особого покроя», которое не зафиксировано в исторических словарях русского языка.

КАМКА. На первое место по частоте употребления из названий тканей выходит восточный экзотизм *камка*. Он фиксируется, например, в Расспросных речах в Посольском приказе атамана

Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке к Алтын-хану от 1617 г.: «А платье за столом на царе было: кофтан озямской, *камка* белая, да шапочка душчата лисья невелика» [РМО 1607–1636: 64].

«Словарём русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *камка* впервые зарегистрирован в «Хожениях А. Никитина» (1472) в значении «шелковая цветная узорчатая ткань»: «В Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да *камкы* на шелкъ и на всякой иной товаръ» [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 48].

Д. С. Кулмаматов, прослеживая историю данного экзотизма, пишет: «Камка была самой распространённой в России шёлковой тканью. Она привозилась не только с Востока, но и с Запада. Однако родиной ее является Восток. По месту производства носила разные названия: кизилбашская, турецкая, китайская, индийская и т. п.» [Кулмаматов, 55]. В наших же источниках упоминается только *камка кизылбашская*, то есть сделанная в Персии. Данное сочетание нами отмечено, например, в Росписи жалованья, посланного из Посольского приказа к Алтын-хану и лабе Даин Мерген–Ланзу, включенной в сборник документов «Материалы по истории русско–монгольских отношений»: «Лабе Даин Мерген–ланзу – атлас золотной по лазоревой земле, *камка кизылбашская*, 10 золотых...» [РМО 1974: 22]. Более полная и точная словарная дефиниция этому восточному экзотизму дана в «Терминологическом словаре», прилагаемом к указанному сборнику: «камка – шелковая ткань с разводами, восточного происхождения, имела разные названия в зависимости от места выработки и от сорта» [РМО 1636–1654: 429].

М. Фасмер указывает, что восточный экзотизм *камка* проник в русский язык из китайского языка через тюркское посредство [Фасмер 1986: 174]. А по утверждению И. Г. Добродомова, это «тюркское слово восходит к кит. *gimhua* через посредство пер *kimha*, *kamha*» [Добродомов 1978: 48].

Тексты документов, анализируемые нами, позволяют выделить ещё одно лексическое значение этого восточного экзотизма – *камка* «единица измерения ткани», незафиксированное словарями русского языка. С данным значением он встречается, в частности, в

«Жалованной грамоте царя Михаила Федоровича о принятии Алтын-хана в русское подданство» от 1638 года: «А нашего царского жалованья по твоему челобитью и прошенью велели мы великий государь, к тебе послати 28 золотников с полузолотником, жемчюгу крупново доброво да 3 камки куфтерю – одна черчата, а другая жолта, третья зелена, по 10 аршин в камке» [РМО 1636–1654: 100]. Как следует из контекста, 1 камка была равна 10 аршинам или 7 метрам и 10 сантиметрам. Поэтому к основной словарной дефиниции экзотизма *камка* «шелковая цветная узорчатая ткань» следует добавить, на наш взгляд, новое значение «кусок ткани длиной 10 аршин».

В Россию привозились с Востока не только ткани, золотые изделия, но и готовая одежда, названия которой отразились в памятниках деловой письменности. В этом отношении интерес вызывают восточные экзотизмы *азям*, *епанча*, *зүфрян* и др.

КИНДЯК. Восточный экзотизм *киндяк* упоминается в рассматриваемых нами памятниках часто. В частности, он отмечен в «Отписке казанского воеводы кн.Б. М. Лыкова с товарищами в Посольский приказ» от 1620 года: «Декабря в 2.... [день] отпущен до Нижнего [буха]ренин Хозя–Бречим Магметов а с ним товару: 1300 киндяков цветных» [МиУТТ 1932: 134–135]. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» экзолексему *киндяк* фиксирует впервые в значении «вид хлопчатобумажной ткани» в «Хождении А.Никитина» под 1472 годом: «Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товар в нем все делают алачи, да пестреди, да киндяки [по вар.] да чинят краску нил» [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 125].

М. Фасмер указывает, что происхождение *киндяк* неясно: «Судя по значению и форме происхождение из турецкого сомнительно» [Фасмер 1986 г., II: 234]. Однако, по данным «Словаря малопонятных слов», прилагаемого к сборнику документов «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», экзотизм *киндяк* восходит к персидскому *кунаг* – «нить хлопчатника» и обозначает «бумажная ткань, довольно тонкая, одноцветная и без узоров; бывала разных цветов, окрашивалась после тканья; шла на подкладку; киндяк, окрашенный в красный цвет, назывался кумачем; от ткани это название перешло на кафтан особого покроя» [МиУТТ 1932: 454]. Д. С.

Кулмаматов, рассматривая историю данного слова, обозначающего хлопчатобумажную ткань, замечает, что «она не вырабатывалась из цветных нитей, а окрашивалась уже после снятия со станка» [Кулмаматов 1982: 55].

ЛАС ФАРАБАТ. Названия тканей *фарабат* и *лас* встречаются в Отписке казанского воеводы кн. Б. М. Лыкова с товарищами в Посольский приказ» от 1620 года, включённой в сборник документов «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв.: «Декабря в 16 день отпущен до Нижнево тезик Кызылбашские земли Маметько Мамарифов, а с ним товару ... в Казани в таможене объявил и записал шолк в продажу фарабат и лас» [МиУТТ 1932: 134].

В словаре малопонятных слов, помещённом в качестве приложения в конце цитируемого нами сборника, *фарабат* толкуется следующим образом: «шелк происхождением из персидского города Фарабата, расположенного вблизи побережья Каспийского моря» [МиУТТ 1932: 460]. Словари русского языка слово *фарабат* не отмечают. В «Персидско–русском словаре» зафиксировано слово فروز [fārūz], которое имеет значение «блеск, сияние, свет» [Рубинчик 1983: 233].

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, происхождение *фарауз*, обозначающего «вид ткани», неясно. Возможно, что слово *фарауз* является синонимическим вариантом слова *фарабат*. В «Словаре малопонятных слов», помещённом в качестве приложения к сборнику, оно объяснено так: «шелк происхождением из персидского города Фарабата, расположенного вблизи побережья каспийского моря» [МиУТТ 1932: 460]. По данным Картотеки Древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, данная лексема впервые отмечена в 1620 г. в документах о торговле Московского государства со Средней Азией: «Отпущен до Нижнево тезик Кызылбашские земли Маметько Мамарифов а с ним товару 200 ансырей шолку фарабату 120 ансырей шолку арысково...» [Щитова 2007: 48].

ЛАС «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует в значении «сорт шелка» в «Материалах ...» под 1620 годом: «А как тот Маметько приехал в Казань, и в Казани в таможене объявил и записал шолк в продажу фарабат и лас, а как поехал в Нижней и в отпуске объявился шолк арыской на против привозу» [СлРЯ XI–XVII 1981, 8: 173]. Лексикографические источники русского языка не отмечают данный восточный экзотизм. В Персидско–русском словаре под редакцией Ю. А. Рубинчика он объяснен так: «لاس [lās] ... 1) шёлковые очёски; 2) низкосортный неочищенный шёлк» [Рубинчик 1983: 415].

ПАФ. «Из записи «разговора» бухарского посла муллы Фарруха с подъячим И. Астафьевым о товарах, имеющихся в Бухаре» от 1671 года, встречается название шелка–сырца – восточный экзотизм *паф*: «А шелк де сырец имянуемый паф, купят на их деньги по 2 руб.» [МиУТТ 1932: 336]. В словарях русского языка засвидетельствован в этом же документе, можно предположить, что он является одним из фонетических вариантов персидского слова بافت [bāft], которое означает «выработка ткани; тканьё» [Рубинчик 1983: 172].

ХАЛАТ отмечается в Посольском письме хивинского посла НаDIR–Бехадура царя Федору Алексеевичу об ограблении его яицкими казаками, не тронувшими, однако, русского посольства, и с изветом на посла Василия Даудова в соучастии в ограблении посла яицкими казаками от 3 января 1679 года: «Позвали они казаков, дали им пищу, одели платья, подарили халаты» [МиУТТ 1932: 241–243]. По данным М. Фасмера, восточный экзотизм *ḫilat* «кафтан» заимствован русским языком из арабского *ḥil'at* «почетное платье» [Фасмер 1987, IV: 217].

ЧЮГА (ЧУГА) упоминается в Статейном списке посольства томского сына боярского Б. Карташева к ламе Даин Мерген–ланзу от 28 августа 1636 г. – 23 апреля 1637 г.: «Сын боярской Бажен Корташев Алтын–царю – епанчу аглинскую темносиню, юфть сафьянов желтых, да Алтын же царь взял пищаль да саблю; лобе Даин Мерген–ланзу – чюгу багрецовую, шапку бархатную, испод лисей, ожерелье жемчужное; Алтына–царя матере Чечен–катуне – портище сукна аглинского, кожу красную телятинную, лиску черную, блюдо оловянное; Алтына–царя большой жене – портище сукна аглинского,

3 перстня серебряных; Ясаку-хану-царя послу – портище сукна аглинсково » [РМО 1636-1654: 62–63].

Как указывают составители «Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века», «ЧУГА, ж. Длинный кафтан» [Палагина, Захарова 2002: 307]. По мнению О. Г. Щитовой, этот восточный экзотизм проник в русский язык в конце XVI в. «из укр. чўга, чугай ‘то же’ и через посредство других славянских языков и связано с тур. *Şoňa* ...; по семантике лексема, отмеченная в томских документах, отличается от старорусского чуга ‘узкий кафтан’ (распространённого, по данным СлРЯ XI – XVII вв., в московской речи): «Чюга бархатъ Венедицкой бѣль, копытца шолкъ чорнѣ; на вороту 24 петли золоты; концы обнизаны жемчюгомъ; подложена тафтою зеленою; подпушуна отласомъ черчатымъ...»» [Щитова 2009: 136].

Как указывает вышеизложенный материал, национальная одежда, ввозимая восточными купцами, служила не только подарком русскому царю, но и способствовала вхождению восточных экзотизмов в лексическую систему русского языка.

Проведённое нами небольшое исследование относительно названий тканей и одежды показывает, самым надёжным материалом для изучения истории и семантической структуры иноязычной лексики, в частности восточной, являются памятники русской деловой письменности.

6. Названия растений и животных

Рассматриваемые нами письменные деловые памятники содержат также в своем словарном составе восточные экзотизмы, называющие флору (*арбуз, ревень, чай, тикан*) и фауну (*ирбиз, ельбарс, юлбарс, катыри, ишеки, тюльфар, манул, мерин*), характерные для растительного и животного мира Востока.

ЕЛЬБАРС отмечается в Грамоте царя Михаила Федоровича Алтын-хану о принятии его послов лабы Тархана с товарищами, о посылке жалованья и защите Алтына-хана от калмыцкого тайши Хара-Хулы от 24 апреля 1620 года: «Да с ними же прислал еси к

нашему царскому величеству 3 ельбарса, да ирбиз с ногами, да рысь, да камку красную, камку желтую, да бархат, наручи железные» [РМО 1607–1636: 95].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *ельбарс* регистрирует в Истории Сибири Г. Ф. Миллера под 1640 годом: «И тѣ, государь, наручи и барс и 2 елбарса и бобры и кошлоки посланы к тебе ко государю к Москве» [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 44].

В одном из рассматриваемых нами документов – в Челобитной хивинского посла Пехлеван–кули–бека царю Алексею Михайловичу от 9 апреля 1673 года, встречается фонетический вариант *ельбарс* – *юлбарс*: «...ситец ручной золотом шитый, бардадж (?) 9, шкура юлбарса 2х9, луки специальные (?), юлбарс 1 ...» [МиУТТ 1932: 212].

Как указывает Д. С. Кулматов, восточный экзотизм тюркского происхождения *елбарс* (дословно «полосатый барс») встречается также в старинных русских переводах хивинских и бухарских грамот, а также челобитных XVII в. вместо персидского *бабр* [Кулматов 1995: 291]. Поэтому он считает, что «персидское слово *бабр* и тюркское *елбарс* в русском языке XVII в. употреблялись как синонимы» [Кулматов 1995: 292].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» *ельбарс* отмечается под 1640 годом, а в наших источниках – 1620 годом.

ИРБИЗ фиксируется в Записи в Посольском приказе о приеме послов калмыцкого тайши Хара–Хулы от 29 января 1620 года: «...калмыцкой Каракула–тайша з братьею прислал к вам, великому государю, поминки: 3 сорока соболей, 2 ирбиза, барс» [РМО 1959: 93].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *ирбизъ* отмечается впервые в значении «снежный барс; шкура этого животного» в Актах исторических, собранных и изданных Археографическою комиссиею под 1640 годом: «Дани: барсь, 2 ирбиза, камка цвѣтная, бобръ рыжь» [СлРЯ XI–XVII 1979, 6: 248]. Форма *ирбис*, где звонкий [з] заменяется коррелирующим парным глухим [с], является одним из фонетических вариантов слова *ирбиз*. Согласно Е. Н. Шиповой, восточный экзотизм *ирбис* в значении «сибирский барс» заимствован из монгольского языка [Шипова: 144].

КАРАГАЛЬНИК засвидетельствован в Статейном списке посольства Ф. И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. — 31 июля 1657 г.: «А от лабы и от реки Иртыша на правую сторону до Облаевых пашенных бухарцов ходу 2 недели, а идти меж гор каменных: в горах улусы калмыцкие многие кочевные Аблая—Тайши, а в горах лез березник и осинник, а где гор нет, в таких местах и лесу нет, кроме тово ложника да карагалника, и водою скудно» [РМО 1607–1636: 401].

По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», первая фиксация восточного экзотизма *карагальник* в значении «вид кустарника» относится к 1675 году: «А гдѣ горѣ нѣтъ, и въ такихъ мѣстахъ лѣсу нѣтъ, кромѣ таволжника, карагалника, и водою скудно» [СлРЯ XI–XVII 1980, 7: 71].

Вышеизложенный материал свидетельствует, что восточный экзотизм *карагальник* начал употребляться в русских деловых памятниках не с 1675, а с 1654 года.

КАТЫРЬ, ИШЕК отмечаются в Росписи Китайского государства и Монгольских земель, составленной томским казаком И. Петлиным от 16 мая 1619 года: «А лошадей добрых в Мугальской земле нет, катырей и ишечишков много» [РМО 1959: 83].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *катырь* фиксирует в значении «помесь жеребца и ослицы, лошак» в документах, а именно в Путешествии в Китай Ивана Петрова и Бурнаша Елычева под 1567 год: «А лошадеи добрыхъ, катыреи и ишечковъ много» [СлРЯ XI–XVII 1980, 7: 93].

Катырь восходит к джагатайскому «خاچیر» [xāchīr – O.X.] — «лошак» [Будагов: 524].

Восточный экзотизм *ишек* является фонетическим вариантом *ишак*, который «Словарь русского языка XI–XVII вв.» свидетельствует в Книге глаголема Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих под 1670 годом: «Верблюдовъ, слоновъ, ословъ, ишаковъ, тамъ не родится» [СлРЯ XI–XVII 1980, 7: 358].

Происхождение *ишак* объясняется исследователями по-разному. По мнению М. Фасмера, он заимствован «из тур., кыпч., азерб. āšāk «осел», тат. İşäk — то же» [Фасмер 1987, II: 146], согласно Н. М. Шанскому, — «из тюркских языков» [Шанский 1980: 140]. Н. К.

Дмитриев пишет: «ишак встречается во многих тюркских языках: тур. *eşek*, азерб. *əşişək*, узб. *ишак*, турк. *əшек*, тат. *ишэк* Русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак – обычное животное (Кавказ, Средняя Азия) и, где во втором слоге слышится широкое *ə* (ä), откуда русское *а*. Всего вероятнее, это произошло на Кавказе. Данное слово настолько прочно укоренилось в речи местных русских, что они употребляют производные от этого корня: *ишачья работа*, *ишачить* – «буду я тебе ишачить – как же!» [Дмитриев: 24].

МАНУЛ упоминается в Челобитной томского сына боярского Я. Е. Тухачевского, поданной в Томской приказной избе, о непослушании и злоупотреблениях Д. Агаркова от 30 марта – 23 апреля 1635 года: «Тово ж числа принесли дары от матери Алтына-царя Чечен-царицы: ко мне принесли шубу боранью да ирбизик малой, да лисицу красную, да манул, да сапоги, да лошадь» [РМО 1959: 251].

Согласно данным словаря иностранных слов, восточный экзотизм *манул* является заимствованием из монгольского языка и имеет значение «хищное млекопитающее, семейства кошачьих, обитающее в степях, полупустынях Центральной Азии» [СИС 1989: 300–301]. Он «является общемонгольским, ср.: х.-монг. *мануул*, стп.-м. *тапиул* «дикая степная кошка», бур., *мануул* «дикая степная кошка; рысь». Возможно, что в основе слова *мануул* лежит общемонгольский глагол *мана-* «стеречь, караулить», а *-уул* тоже общемонгольский отглагольный словообразовательный аффикс для имен существительных» [Рассадин, Трофимова, Дензинова 2009: 167].

МЕРИН встречается в «Письме шамхала Хазбулата генералу А. П. Девицу с просьбой пропустить из Кизляра закупленных лошадей и разрешить приобрести олово, нашатырь и свинец от 8 мая 1750 года: «А ныне в. высокопр. Дружески прошу пожаловать приказать означенных кобыл с ним, Абдулою, чрез заставы пропустить, а для моей надобности прошу покупкою не запретить... мерин и дву кобыл, також и запретительного товару, а именно, олова, нашатырю, свинцу» [РДО 1988: 83].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *мерин* регистрирует впервые в значении «*мерин, холощенный жеребец*»

в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским под 1492 годом: «А взяли [грабители] два мерина, а цѣна имъ два рубля рижские» [СлРЯ XI–XVII 1982, 9: 99].

История восточной экзолексемы *мерин*, «заимствованной из монг, *mörin*, *morin*, калм, *mör*» [Фасмер 1987, IV: 604], непосредственно связана со словом *лошадь*, являющейся древнерусским производным от тюркского *алаша* «лошадь, мерин» [Шанский, Иванов, Шанская 1971: 247]. Если *лошадью* можно назвать и самца (коня), и самку (кобылу), то *мерин* обозначает «кастрированного жеребца».

ТИКАН упоминается в Расспросных речах возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию от 1697 года: «А в наволоках конский корм там мелкий и камыш и воды желтыя, людям и скоту нездоровы и трава колюча, больше шипишнику, называют цюнга и тикан, и от той де травы бывает мыто» [МиУТТ 1932: 264].

Данный контекст был использован составителями «Словаря русского языка XI–XVII вв.» для презентации и установления значения («Колючий кустарник семейства гвоздичных, колючелистник (*Acanthophyllum*) (ср. узб. тикан)») [СлРЯ XI–XVII 2011, 29: 345] восточного экзотизма *тикан*. Но, заметим, что он получил своё пояснение путём использования внутритекстовой многословной глоссы.

В «Словаре малопонятных слов», приложенного к этому сборнику документов, отмечено, что «*тикан* – особый вид колючей травы» [СМС: 459].

Согласно М. Фасмеру, *тикан* заимствован «из чагат., казах., тар. *Tikän* «терн, колючий кустарник»» [Фасмер 1987, IV: 57].

ТЮЛЬФАР упоминается в Расспросных речах бухарского посланника Хаджи-Фарруха «на разговоре» с ближним боярином А. Матвеевым от 4 марта 1675 года: «... а в поминках к великому государю (Алексею Михайловичу – О. Х.) с тем послом (Хаджи-Фаррухом – О. Х.) прислано будет: слон, 2 бабра, 2 каплана, 2 рыси, 18 лошадей иноходцев, 2 кутаса белых, 2 тульфара резвых бег такой

имеют, что на лошади ехать 20 дней, а тот *тюльфар* днем одним тот путь перебежать может, 2 попуяя ребых...» [МиУТТ 1932: 221].

Составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» при оформлении словарной статьи восточного экзотизма *тюльфар* его значение поясняют следующим образом: «особо резвый боевой конь (ср. узб. *тулпор* 'скаун, боевой породистый конь')» [СлРЯ XI–XVII 2015, 30: 264–265].

В исследованиях, посвящённых истории рассматриваемого нами экзотизма, анализируется в основном его фонетический вариант *тулпар* вместе с русским эквивалентом «богатырский конь» [Филин 1982: 13]; «крылатый, мифический конь», «скаун, породистый конь» [Ольмесов 2004: 60]. Дж. М. Шихмурзаев *тулпар* возводит к тюркскому слову *тул* «быть полным, упитанным», а – *пар* – к словообразовательному элементу или к *фарь* // *фарь* «конь» (древнейшее заимствование из греческого через посредство арабского)» [Шихмурзаев 1988: 48].

Заключение

Восточные экзотизмы условно разделены на экзотизмы, обозначающие:

- 1) государственные учреждения, титулы и сословия;
- 2) метрологические и нумизматические единицы;
- 3) религиозные понятия;
- 4) географические названия;
- 5) названия тканей и одежды;
- 6) флору и фауну.

В процессе анализа восточных экзотизмов, содержащихся в текстах русских деловых памятников, касающихся дипломатических и торговых отношений России со странами Востока XVI–XVIII вв., установлены пути и время их проникновения в русский язык.

Восточные экзотизмы, употреблённые в текстах памятников русской деловой письменности XVI–XVIII вв., возникших в результате регулярных дипломатических и торговых отношений России со странами Востока, по своему происхождению восходят к следующим

восточным языкам: арабскому, персидскому, китайскому, монгольскому, маньчжурскому и тюркским.

На фактическом материале выделены маргинальные и внутритекстовые однословные, многословные, этимологические глоссы (препозиции, постпозиции), введённые с помощью союзов («сиречь», «или», «то есть»), скобок, словосочетаний, развёрнутых дефиниций, а также с указанием на язык-источник «по-русски», «по-мугальски», «по-калмыцки» для пояснения восточных экзотизмов.

Выявлены восточные экзотизмы с новыми значениями, установлена новая хронология относительно времени проникновения восточных экзотизмов.

Источники и словари

Аникин I – А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аякушка). – М., 2007. – 368 с.

Будагов I – Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. – СПб., 1869. – 810 с.

Даль II – В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. II. – 780 с.

Крысин – Л. П. К р ы с и н. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: ЭКСМО, 2010. – 944 с.

Палагина, Захарова – В. В. Палагина, Л. А. Захарова. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 336 с.

Рубинчик – Ю. А. Р у б и н ч и к. Персидско-русский словарь. Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1983. – Т. II. – 864 с.

Севортян – Э. В. С е в о р т я н. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

Севортян – Э. В. С е в о р т я н. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Қ». – М.: «Язык русской культуры», 1997. – 368 с.

СИС 1989 – Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. Вып. 1. – 371 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1978. Вып. 5. – 392 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1980. Вып. 7. – 407 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2011. Вып. 29. – 480 с.

Срезневский – И. И. С р е з н е в с к и й. Словарь древнерусского языка. – М.: Книга, 1989. – Т. III. – Ч. 2. – 911–1198 стлб.

Фасмер IV – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Изд. второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – Т. IV. – 861 с.

Шанский – Н. М. Ш а н с к и й. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – Т. I. – Вып. 1. – 196 с.

Шанский – Н. М. Ш а н с к и й. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – Т. II. – Вып. 7. – 146 с.

Шилова – Е. Н. Ш и л о в а. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, Наука КазССР, 1976. – 444 с.

Л и т е р а т у р а

Vasmer 1953 – M. V a s n e r. Russischesetymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, 1953.

Бурибаева 2013 – М. А. Б у р и б а е в а. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2013. – С. 99–105.

Гилязетдинова 2009 – Г. Х. Г и л а з е т д и н о в а. Словообразовательные ряды на базе восточных заимствований в русском старорусском периоде // Ученые записки казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Казань, 2009. – Т. 151. – Кн. 3. – С. 230–239.

Дмитриев 1958 – Н. К. Д м и т р и е в. О тюркских элементах русского слова // Лексикографический сборник. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Вып. III. – С. 503–569.

Добродомов 1978 – И. Г. Д о б р о д о м о в. Этимология обско-угорского названия шелка // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1978. № 1.

Кулмаматов 2006 – Д. С. К у л м а м а т о в. Нумизматические термины в старинных русских переводах хивинских челобитных XVII века. Жайхун. – Термез, 2006. – № 6. – С. 51–54.

Кулмаматов 1982 – Д. С. К у л м а м а т о в. Восточные слова в старом русском переводе среднеазиатских текстов XVII в. (На материале торговой лексики хивинских и бухарских актов) // История структурных элементов русского языка. Сборник научных трудов. – М.: МГПИ, 1982. – С. 50–56.

Кулмаматов 1995 – Д. С. К у л м а м а т о в. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 37 с.

Магомедов 1957 – Р. М. М а г о м е д о в. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.

Малышева 1991 – И. А. М а л ы ш е в а. Письменные памятники Русского Севера как лингвистический источник. – Хабаровск, 1991. – 288 с.

МиРДО 1988 – Материалы по истории русско-дагестанских отношений в XVIII–начале XIX в. – М.: Наука, 1988.

МиУТТ 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР). – Л.: Наука, 1932. – Вып. 3. – Ч. I. – 510 с.

Ольмесов 2004 – Р. Н. О л ь м е с о в. Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка (названия домашних животных и птиц). – Махачкала, 2004. – 208 с.

Петрушевский 1968 – И. П. П е т р у ш е в с к и й. Райяты // Советская историческая энциклопедия / Главный редактор Е. М. Жуков. Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. – Т. 11. – Стлб. 863.

Рассадин, Трофимова, Дензинова 2009 – В. И. Рассадина, М. Трофимова, Л. М. Д е н з и н о в а. Названия животных в калмыцком языке // Учёные записки Забайкальского государственного

университета. Серия: филология, история, востоковедение, 2009. – Вып. 3. – С. 165–167.

Романова 2017 – Г. Я. Р о м а н о в а. Объяснительный словарь старинных русских мер. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – 304 с.

РДО 1988 – Русско–дагестанские отношения в XVIII–начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 357 с.

РКО 1990 – Русско–китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1990. – Т. 2. – 668 с.

РМО 1607-1636 – Русско–монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 352 с.

РМО 1636-1654 – Русско–монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 472 с.

Филин 1982 – Ф. П. Ф и л и н. О словарном составе языка великорусского народа // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1982. – № 5. – С. 18–28.

Цинциус 1947 – В. И. Ц и н и у с. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. – Л.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1947. – 270 с.

Шаймерденова 1997 – Н. Ж. Ш а й м е р д е н о в а. Глоссы как феномен текста. – Алматы: БОРКИ, 1997. – 156 с.

Шихмурзаев 1988 – Дж. М. Ш и х м у р з а е в. Иппонимы в фольклоре ногойцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: название животных и птиц. – Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – 160 с.

Щитова 2009 – О. Г. Щ и т о в а. Междialeктные досибирские заимствования в деловой письменности Среднего Приобья // Вестник ТГПУ. – Томск, 2009. – Вып. 9 (87). – С. 135–140.

Эбзеева 2013 – Ф. П. Э б з е е в а. Карачаево–балкарская зоонимия: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2013. – 41 с.

Ozoda Tojiyevna Xujanova

Termez State University
(Termez, Uzbekistan)

ozoda.xuzhanova@bk.ru

Annotation. The paper highlights the problems associated with the study of lexical units of foreign origin that functioned in the texts of written monuments, in particular, exotic lexemes of oriental origin. The issues of a comprehensive study of oriental words in Russian business writing of the 16th–18th centuries, as well as issues related to the history and semantics of exotic vocabulary, which played an important role in enriching the vocabulary of the Russian language of this period, are considered. The materials can be used as a scientific and methodological aid in the educational process in the classroom on historical lexicology, as well as special courses on linguistic source studies and the main genres of the Russian business document. It is dear to everyone who is interested in the history of the formation of the Russian literary language, who values the history of the establishment of diplomatic ties between Russia and the countries of the East.

Key words: *written monuments, lexico-semantic groups, Eastern exoticisms, glosses.*

References

Vasmer 1953 – M. Vasner. Russisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, 1953.

Buribayeva 2013 – M. A. B u r i b a y e v a. Tyurkskiye slova v russkom yazyke kak rezul'tat yazykovykh kontaktov // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – Irkutsk, 2013.

Gilazetdinova 2009 – G. Kh. G i l a z y e t d i n o v a. Slovoobrazovatel'nyye ryadi na baze vostochnykh zaimstvovaniy v russkom staroruskom periode // Uchenyye zapiski kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – Kazan', 2009. – T. 151. – Kn. 3.

Dmitriyev 1958 – N. K. D m i t r i y e v. O tyurkskikh elementakh russkogo slova // Leksikograficheskiy sbornik. – M.: Gosizd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovary, 1958. – Vyp. III.

Dobrodomov 1978 – I. G. D o b r o d o m o v. K etimologii obsko-ugorskogo nazvaniya shelka // Sovetskoye finno-ugrovedeniye. – Tallin, 1978. – № 1.

Kulmamatov 2006 – D. S. K u l m a m a t o v. Numizmaticheskiye terminy v starinnykh russkikh perevodakh khivinskikh chelobitnykh KHVII veka. Zhaykhun. – Termez, 2006. – № 6.

Kulmamatov 1982 – D. S. K u l m a m a t o v. Vostochnyye slova v starom russkom perevode sredneaziatskikh tekstov XVII v. (Na materiale trgovoy leksiki khivinskikh i bukharskikh aktov) // Istoriya strukturnykh elementov russkogo yazyka. Sbornik nauchnykh trudov. – M.: MGPI, 1982.

Kulmamatov 1995 – D. S. K u l m a m a t o v. Sredneaziatskiye dela Posol'skogo prikaza kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka: Diss. ... d-ra filol, nauk. – M., 1995.

Magomedov 1957 – R. M. M a g o m y e d o v. Obshchestvenno-ekonomicheskiy i politicheskiy stroy Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957.

Malysheva 1991 – I. A. M a l y s h y e v a. Pis'mennyye pamyatniki Russkogo Severa kak lingvisticheskiy istochnik. – Khabarovsk, 1991.

MiRDO 1988 – Materialy po istorii russo-dagestanskikh otnosheniy v XVIII – nachale XIX v. – M.: Nauka, 1988.

MiUTT 1932 – Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkemenskoy SSR (Trudy Istoriko-arkheograficheskogo instituta i Instituta vostokovedeniya AN SSSR. Materialy po istorii narodov SSSR). – L.: Nauka, 1932. – Vyp. 3. – CH.I.

Ol'mesov 2004 – R. N. O l ' m y e s o v. Sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye khozyaystvennoy leksiki kumykskogo yazyka (nazvaniya domashnikh zhivotnykh i ptits). – Makhachkala, 2004.

Petrushevskiy 1968 – I. P. P y e t r u s h y e v s k i y. Rayyaty // Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya / Glavnyy redaktor Ye.M.Zhukov. Izd-vo «Sovetskaya entsiklopediya», 1968. – T. 11. – Stolb. 863.

Rassadin, Trofimova, Denzinova 2009 – V. I. R a s s a d i n, S. M. T r o f i m o v a, L. M. D y e n z i n o v a. Nazvaniya zhivotnykh v kalmyskom

yazyke // Uchonyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, istoriya, vostokovedeniye, 2009. – Vyp. 3.

Romanova 2017 – G. Ya. R o m a n o v a. Ob"yasnitel'nyy slovar' starinnykh russkikh mer. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2017.

RDO 1988 – Russko–dagestanskiye otnosheniya v XVIII –nachale KHIKH v. – M.: Nauka, 1988.

RKO 1990 – Russko–kitayskiye otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty. – M.: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1990. T.2.

RMO 1607-1636 – Russko–mongol'skiye otnosheniya 1607–1636. Sbornik dokumentov. – M.: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1959.

RMO 1636-1654 – Russko–mongol'skiye otnosheniya 1636–1654. Sbornik dokumentov. – M.: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1959.

Filin 1982 – F. P. F i l i n. O slovarnom sostave yazyka velikorusskogo naroda // Voprosy yazykoznaniiya. – M.: Nauka, 1982. № 5.

Tsintsius 1947 – V. I. T s i n i u s. Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka. Fonetika i morfologiya. – L.: Gos. Uchebno-ped. Izd-vo, 1947.

Shaymerdenova 1997 – N. Zh. Sh a y m y e r d y e n o v a. Glossy kak fenomen teksta. – Almaty: BORKI, 1997.

Shikhmurzayev 1988 – Dzh. M. Sh i k h m u r z a y e v. Ipponimy v fol'klоре nogaytsev // Otraselevaya leksika dagestanskikh yazykov: nazvaniye zhiivotnykh i ptits. – Makhachkala: IYAL, 1988.

Shchitova 2009 – O. G. Sh c h i t o v a. Mezhdialektnyye dosibirskiye zaimstvovaniya v delovoy pis'mennosti Srednego Priob'ya // Vestnik TGPU. – Tomsk, 2009. – Vyp. 9 (87).

Ebzeyeva 2013 – F. P. E b z e y e v a. Karachayevo–balkarskaya zoonimiya: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – Nal'chik, 2013.

Раздел пятый

Ф. Ш. ФАИЗОВА

Доктор философии (PhD)
по филологическим наукам

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ РОССИЙСКИХ ПОСЛАНИКОВ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ XVII В.

Аннотация. В статье рассматриваются восточные слова, содержащиеся в текстах статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. Они по своему составу разнообразны и распределяются на несколько лексико-семантических групп. В них присутствует немалое количество лексем дипломатического, предметно-бытового, торгового и ономастического характера, как собственно русского, так и иноязычного происхождения.

Ключевые слова: *статейные списки, послы и посланники, титулы, должностные лица, деловые документы, предметно-бытовая лексика, антропонимы, топонимы.*

Введение

В современной мировой лингвистике большое внимание уделяется взаимосвязи языка и культуры. Исследование нового языкового материала привело к возникновению таких направлений языкознания, как лингвокультурология, нейролингвистика, этнолингвистика и др. К их числу можно отнести лингвистическое источниковедение, занимающееся подготовкой публикаций памятников письменности для введения в научный оборот с последующим их изучением как языкового материала [подробнее см.: Котков 1964: 3–13; Котков 1980: 293]. Поэтому одна из задач, стоящая перед лингвистической наукой, – изучение русских скорописных текстов статейных списков, «представляющих собой подробные ответы на статьи, или пункты наказа, русских послов и посланников

как повествовательно-художественный источник», в частности, российских посланников в Среднюю Азию XVII в. – Ивана Хохлова в Бухару (1620–1622 гг.) (ССХ), Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару (1641–1643 гг.) (ССПСГиАГ), Бориса и Семёна Пазухиных в Бухару, Балх и Ургенч (1669 – 1670 гг.) (ССП).

Содержание статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. предопределяет их лексический состав. Этот состав богат и отражает тематическое разнообразие лексики: дипломатическая, предметно-бытовая, торговая, географическая, антропонимическая и др. Каждый язык обладает определенным количеством единиц с национально-культурным компонентом значения, большую часть среди которых составляет предметно-бытовая, торговая лексика, в частности, наименования одежды, головных уборов, тканей, кож и мехов. Лексический состав письменных памятников отражает различные стороны жизни народа того периода.

1. Названия должностных лиц

Большую роль в налаживании, развитии и укреплении российско-среднеазиатских дипломатических отношений играли должностные лица канцелярий – российских (Посольского приказа, съезжих изб [Комарова 2000: 206] российских городов) и среднеазиатских ханств (хивинского и бухарского), а также послы (посланники), служилые люди, входившие в состав посольств.

Соответственно в текстах статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. встречаются многочисленные наименования должностных лиц:

а) российских – вѣстовщик, гонец, дьяк, дворецкий, думный дьяк, конюший (конюхъ), купчина (купчий), подьячий, посадский земной староста, посланник, посол, пристав, провожатый, староста, стольник, стрелец, судия (судья), счетчик, целовальник;

б) восточных – абыз, арбап, дайчин тайше, дарага (дорога, дарага), диванбеги (диванбеки), инак, караул, мехтерь, мирза

(мұрза), мирохор, мұлла (писец), парваначи, толмач, хозя, ясаул и др.

Приведённые примеры употребляются в текстах всех трёх статейных списков – Ивана Хохлова, Савина Горохова и Анисима Грибова, Бориса и Семена Пазухиных. Но частотность их употребления неодинакова. Была проведена выборка и подсчёт наименований должностных лиц российских посольств и Бухарского и Хивинского ханств, содержащихся в указанных источниках.

Материалы статейных списков дают возможность показать особенности употребления в текстах статейных списков анализируемых нами статейных списков таких восточных слов, как *дарага*, *бий* и *аталык*, уже ставших ранее объектом изучения ряда исследователей [см.: Кулмаматов 1995: 32, 34, 197–198; Шаймерденова 1997: 57]. Слово *дарага* отмечается в статейном списке Бориса и Семена Пазухиных и поясняется многословной глоссой¹ [Федосеева 1990: 107] в виде развёрнутой дефиниции, введенной с помощью подчинительного союза который: «А "стрѣчали карако^аскіе дворяне да ясаулы да с ними же Борнса встрѣча^а карако^аско" дарага, которой сѣди^т то^аговых^а людей и пошины и всякъю пода^т бере^т и говорили Борисѣ съ товарищи присла^а де ихъ, дарагѣ воевода Мама Деми^а вѣкъ велѣ^а ихъ Борнса встрѣтити и спроси^т здорово ль вѣхали Бѣхарскою зе^алею и проводили Борнса до города Карако^а и до постояло^а двора» (ССП, лл. 34 об. – 35).

ДАРАГА. Как видно из этого контекста, *дарага* играл наряду с другими должностными лицами ханских дворов большую роль в ведении переговоров между ханами и российскими послами (посланниками). Наверное, семантика этого слова была хорошо известна подъACHEму Афанасию Прошлецову, употреблявшему его в тексте статейного списка Бориса и Семена Пазухиных.

Как отмечает Н. Ж. Шаймерденова, «многословные глоссы» встречаются «в памятниках различных периодов в виде

¹ «Глосса – др.-греч. γλῶσσα «язык; речь» – перевод или толкование непонятного, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанные над или под ним (интерлинейная Г.) или на полях рукописи или книги (маргинальная Г.). Вначале Г. называлось само непонятное слово или выражение» [см.: Федосеева Н. Н. Глосса // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 107].

словосочетаний и развёрнутых дефиниций. Подобные глоссы встречаются значительно реже однословных. Обычно к таким глоссам переписчики и переводчики прибегали в тех случаях, когда невозможно было найти в системе русского языка точного перевода, соответствия или синонима, или же возникала необходимость в уточнении значения того или иного слова и представления о предмете или явлении» [Шаймерденова 1997: 57].

Согласно М. Фасмеру, «дорога, дорага, дорога «тат. чиновник» восходит к «монг. *daruga*, калм. *daruγ* – «старейшина или предводитель племени, предводитель отряда, атаман, начальник округа» [Фасмер 1964, I: 484].

Слово *дорага* в форме [dari] в переносном устаревшем значении «придворный» употреблялось и в персидском языке [ПРС 1983, I: 626], а в дальнейшем оно проникло в другие восточные языки [Будагов 1869, I: 558].

Словарь русского языка XI–XVII вв. слово *дорога* (*дорага*, *дарага*) фиксирует впервые в значении «татарский чиновник» в документе «Государственные грамоты и договоры» под 1313 г.: «Азбяково слово всмъ нашимъ княземъ великимъ и середнимъ и нижнимъ ... и дорогамъ славнымъ...» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 323]. В этой словарной статье даётся и другое значение данного слова: «правительственный чиновник (у восточных народов)», отмеченного в Летописном сборнике, именуемом Патриаршею или Никоновской летописью под 1555 г.: «Били челомъ [послы]...чтобы государь ихъ князя и всю землю Сибирскую взялъ во свое имя...и дань свою на нихъ положилъ в дорогу своего прислалъ, кому дань собрать» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 323].

Как отмечают исследователи, слово *дарага* русским языком было заимствовано из тюркского языка благодаря активным дипломатическим связям [Кулмаматов 1995: 25, 34].

БИЙ. Интересно, что *бий* как название одного из восточных должностных лиц истолковано в самом контексте: «...Да Борисъ * говори^а вли^жне^е боярин Магаме^тмазе^р вйй диканбегн которо^а ү цр^аа под аталыкомъ пе^рво^а члвк^т по указу де цр^аа ихъ Абдаазиза и по

чину бухарско^м принимает онъ дика^бѣги у^ч сяки^х приѣ^жихъ
пословъ і по^ала^нико^а присылачныя г^дрскіе грамоты на се^а мѣсте
і о^тноситъ царю й^адаазиз^у...» (ССП, л. 45).

Как видим, *бием* называли бухарского *диванбеги* – начальника ханской канцелярии [Кулмаматов 1995: 97].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» данное слово в несколько иной форме – *бей* впервые с идентичным значением «должностное лицо, распорядитель, начальник» фиксирует в Донских делах под 1639 годом: «А взять де ихъ турсково бастинчибаши сильно и продать ихъ на каторгу каторжному бею, и на каторге были они годъ» [СлРЯ XI–XVII 1977, 1: 130].

Согласно Л. З. Будагову, в восточных языках встречаются разные формы рассматриваемого слова – «بيك, بك (тур. бей), п. ад. (персидский, азербайджанский – Ф. Ф.) каз. (казанский – Ф. Ф.) بی, кир. бій, алт. піи, князь, вельможа, дворянинъ, господинъ» [Будагов 1869: 263].

Таким образом, слово *бий* как трансформированная форма *бек*, характерная для тюркских языков, в наших источниках употреблялась по отношению «к начальнику ханской канцелярии» – *диванбеги* и всегда писалось после имени (*Магаме^тмазе^р бій диванбеги*).

АТАЛЫК. В письменных памятниках слово *аталык* встречается довольно часто.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» это слово отмечает в значении «сановник, визирь»: «А бояр де называют они аталыками, служилых людей узбеками». Гр. Хив. Бух., 266. 1695 г.» [СлРЯ XI–XVII 1977, 1: 57]. Слово *аталык* регистрируется и другими словарями, например, оно в «Словаре малопонятных слов», приложенном к «Материалам по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», определяется как «высокие должностные лица, высшее – после ханского – достоинства в Бухаре; правитель города» [МиУТТ, 451]. Как отмечает Д. С. Кулмаматов, восточная реалия *аталык* в текстах памятников русской деловой письменности XVII в. употреблялась для обозначения «высокого должностного лица при дворах ханов, воспитателя (дядьку) хана» [Кулмаматов 1995: 192]. . Этому определению мы не находим подтверждения в статейном списке Бориса и Семена Пазухиных, а слово *аталык* трактуется в тексте как

«ближние люди», «первый человек»: «...а по обе стороны в полате сидѣли аталыки и ближние люди дватцать четыре члѣка...» (ССП, л. 20); «...и ближние люди аталыки Борисѹ говорили что они великомѹ гѣдрю въ егѹ гѣдрскихѹ дѣлѣхъ слѹжить и помогать вседѣшно ради и что великии гѣдрь пожаловалъ ихъ нне и зъ своен гѣдрской казны...» (ССП, л. 22 об.); «...ближне" бояри" Магаметмазе^р бий диванбегі которо" ꙗ црѣа под аталыкомъ пе^рво" члѣвкъ...» (ССП, л. 45).

Таким образом, вышеизложенное достаточно для вывода о том, что статейные списки русских посланников в Среднюю Азию содержат достоверный материал для уточнения семантики слов, употреблённых в текстах памятников русской письменности XVII в.

2. Названия титулов

В словарном составе статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. содержится ряд слов, обозначающих титулы правителей России и стран Востока. Среди них большой интерес представляют титулы:

а) самих правителей:

- российских царей – *царь, государь, князь, самодержец;*
- ханов Хивы и Бухары – *хан (царь), султан;*

б) сыновей правителей:

- российских царей – *царевичей и Хивинского и Бухарского ханов – султанов (царевичей).*

Лексема *царь* наиболее часто фиксируется в статейном списке Савина Горохова и Анисима Грибова. Например, она встречается на 109 листе, в одном фрагменте текста, – 7 раз: «Да прави^а о^т гѣдря црѣа и великого кнѣзя Мѣхѣанѣла Фѣдоровича, всеа Рꙋсїи, юггенскомꙋ Бентꙋ црѣю гѣдревъ посла^аникъ Анисимъ Грибо^в покло^а, а молю^а: «Бжїею милостию великии гѣдрь црѣ і великии кнѣзь Мѣхѣанѣло Фѣдоровичъ, всеа Рꙋсїи самодержецъ, владимѣрскии, московскии, новгородскии, црѣ казанскии, црѣ астраханскии, црѣ сибїрскии, гѣдрь

псковско" і велики" кнзь тверскиі, югорскиі, пермскиі, вѣтцики, болгарскии и нныхъ гсдрь і великии кнѣзь Новогорода Низовскиі земли, резянскиі, ростовскиі, яросла"скиі, велозе"скиі, ѿдо"скиі, о"до"ски, ко"дин[и]ски" і всея бѣвє"ныя страны пове"тель и нныхъ многи" гсдрствѣ гсдрь и о"лаадател, тебѣ, бєнтѣ црю, велѣ" поклонитися..." (ССПСГиАГ, л. 109).

ЦАРЬ. Слово *царь* «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского фиксирует впервые в значении «властитель, государь» в Книге Бытия по рукописи Троицко–Сергиевской лавры XIV века: «Прииде Ходолагоморъ (и) царе иже с нимъ» [Срезневский 1989, III/2: стлб.1433].

Как отмечают исследователи, титул *царь* употреблялся правителями Московской Руси со времён Ивана III [Зуборева 2010; Ситкевич 2014: 80; 23, 34–35].

По своей частотности второе место занимает в наших источниках титул *государь*. Он часто употреблён в статейном списке Бориса и Семёна Пазухиных. Например, он встречается на л. 5 в одном предложении 6 раз: «И Борисѹ съ товарищи молю" какъ они поѣхали отъ великого гсдря цря и великого кнѣзя Алєѣ"ѣя Мнѣ"ловнича всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодє"жца и многи" гсдрствѣ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчица и дѣдича и наслѣдника и гсдря и о"лаадатєля отъ єго ца"рского величества и отъ єго гсдрскихъ благородныхъ чадъ благовѣрного гсдря црвча и великого кнѣзя Алєѣ"ѣя Алєѣ"евича всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росіи и благовѣрного гсдря црвча и великого кнѣзя Фєдора Алєѣ"евича всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росіи и благовѣрного гсдря црвча и великого кнѣзя Іоанна Алєѣ"евича всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росіи и великій гсдрь нашѣ црь и великій кнѣзь Алєѣ"ѣй Мнѣ"ловичѣ всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодє"жецѣ..." (ССП, лл. 4–5).

ГОСУДАРЬ. Слово *государь* фиксирует впервые «Словарь русского языка XI–XVII вв.» в значении «верховный владетель,

государь» в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским под 1570 г.: «А мы [Ив. IV] зъ божією волею на своемъ государстве гсудари есмя и держимъ отъ предковъ своихъ, что намъ богъ далъ» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 109].

В меньшем количестве употреблён в анализируемых нами источниках титул *князь*. Он встречается в основном, как и *государь*, в статейном списке Бориса и Семёна Пазухиных. В качестве иллюстрации приведём небольшой отрывок из архивного листа 5 этого источника, где он фиксируется всего 3 раза: «Божією мнлостію великіи гѣдрь црѣ и великіи кнѣзъ Алѣѣѣй Мнхѣ"ловничъ всеи Великіи и Малыи и Бѣлыи Росіи самодѣ"жецъ и многихъ госудѣ"ствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и гѣдрь и овладдатель велѣлъ тевѣ Абдулъ-Азизу црю говорити. Изъ давныхъ лѣтъ предки наши великіе гѣдри цри и великіе кнѣзи російскіе съ прежними бѣухарскими цри предки вашими были въ дружествѣ и въ любви и въ ссылкѣ такъ же и отцъ нашъ блаженныи памяти великіи гѣдрь црѣ и великіи кнѣзъ Мнхѣ"ло Фѣдоровичъ...» (ССП, лл. 5–6).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» слово *князь* отмечает впервые в значении «правитель княжества (удѣла, земли); государь, монархический правитель в древней Руси и зарубежных государствах» в Ипатьевской летописи под 862 г. «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду по праву» [СлРЯ XI–XVII 1980, 7: 207].

Привлекает внимание мнение Г. Ф. Зуборевой по поводу титулов *царь* и *князь*: «В 1547 г. великий князь московский Иван Грозный официально принял титул *царь*, что должно было символизировать значительное возвышение московского правителя над удельными князьями. Титул *великий князь* продолжал употребляться в полном титуловании монарха при перечислении находящихся под его властью земель: «...царь казанский, астраханский и сибирский, великий князь смоленский, тверской, вятский и иных земель» [Зуборева 2010: 80].

Наши наблюдения показали, что следующий титул российских царей – *самодержец* употреблён в небольшом количестве в основном в статейном списке Бориса и Семёна Пазухиных. Например, он встречается на 4 листе данного памятника 4 раза: «И Борисꙋ съ товарищи, пришедъ къ црю правити отъ великого гдѣря цря и великого кнзя Алегѣѣя Мнѣхѣловича всеа Великіа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодержца покло" ... Божією милостію великін гдѣрь црь и великін кнзь Алегѣѣй Мнѣхѣловичъ всеа Великіа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодержецъ москоѣский киеѣский... А какъ Абдулъ-Азизъ црь спроситъ про здоровье великого гдѣря цря и великого кнзя Алегѣѣя Мнѣхѣловича всеа Великіа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодержца стоа и снявъ шаѣкꙋ чесно... И Борисꙋ съ товарищи молятъ какъ они поѣхали отъ великого гдѣря цря и великого кнзя Алегѣѣя Мнѣхѣловича всеа Великіа и Малыа и Бѣлыа Росіи самодержца и многихъ гдѣрствъ и земель...» (ССП, л. 4).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» лексему *самодержец* отмечает впервые в значении «Полновластный государь; властелин, повелитель» в Изборнике великого князя Святослава Ярославича 1073 г.: «Помысль убо добротамъ есть стрѣишина, а страстьмъ самодержыцъ (αὐτοκράτωρ)» [СлРЯ XI–XVII 2008, 28: 37]. Указанное данным словарём греческое двусложное слово – αὐτο «само» + κράτ (os) «сила, держава» + суффикс ωρ (ец) было калькировано русским языком в виде *самодержец*.

Исследователи, занимавшиеся появлением термина «самодержец» в структуре титулатуры российских царей, пишут: «Под царем понимали независимого, самостоятельного государя, никому не платящего дани, никому не дающего ни в чем отчета. Другой термин – *самодержец* – имел сходное значение. Его развитие шло от обозначения почетного отличия или знака особого уважения древних русских князей (Владимира Св., Владимира Мономаха, Бориса и Глеба) до соединения его с титулом царя, в этом соединении титул *самодержец* обозначал «внешнюю независимость, а не внутреннее

полновластие»... . Слово *самодержец* в XV и XVI вв. значило, что московский государь не зависит от другого государя, в нем не было еще значения полноты политической власти, государственных полномочий» [https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/File/66-93.pdf].

ХАН. Титул правителей Хивы и Бухары – *хан*, наряду с титулами российских царей, встречается в текстах всех анализируемых нами статейных списков:

1) Ивана Хохлова – «...А де^{жа} де н^х Арап^тха^н ъ сея къ Хивѣ •БІ• (т. е. 12 – Ф. Ф.) де^н а на отп^вске ^{ае} присла^а къ Иван^у ко^н ко^ур, ка^о-та^н, ба^рхатишко х^удо че^рвчато •А• (т.е. 30 – Ф. Ф.) ба^тмано^е ячменю...» (ССХ, л. 14);

«...Б^ух^арская де н^тѣ земля на двѣ на г^дрстве •Б• (т. е. 2 – Ф. Ф.) брата р^вн^х сто^нн^х Б^ухара городъ и иные гор^вды за б^вшн^мъ за Мам^тк^ун^емъ цр^емъ а др^угая п^ловинна за брато^н ег^в за Нед^нх^ан^нмъ г^вр^вд Бал^хъ с г^вр^вды...» (ССХ, л. 77).

2) Савина Горохова и Анисима Грибова – «...а Онимис^у Гривов^у сказа^а о^н Кан^р-хозя та^к не ъчтн^ш ^{ае} ты меня своими поминки и я самъ своими лю^дми поед^у в Ба^хъ хан^у а теб^я ^{ае} покину на степи в^ез подвод...» (ССПСГиАГ, лл. 103–104).

3) Бориса и Семена Пазухиных – «...и в то время в город Кат^тѣ ждалъ Бориса с товарищи по вест^иа^н хивинского хана ч^лвк^т Х^удаве^рди которо^н бывае^т в при^таве^х и всакихъ пословъ и говори^лъ Х^удаве^рди Миките толмачю что присла^а о^н о^т хивинского хана и велено встретит^ь ем^у Бориса с товарищи под городомъ Катом...» (ССП, л. 13);

«...А Бори^с с товарищи стоя^н пере^а царе^н и говори^лъ А^едаазн^з царь Борис^у с товарищи что^е великому г^сдрю ц^рю и великому к^нзю Але^кзею Ми^хаиловичю всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росіі самод^ежц^у ѿ^н Борис^т и^звести^а а самъ царь А^едаазе^з в т^в время о^т м^ѣста приподня^си^а во^здава^а че^ть великому г^сдрю ег^в ц^рскому величе^тв^у и говори^лъ писано^х к нем^у А^едаазе^з царю о^т великого г^сдря ц^ря и великог^о к^нзя Але^кзея Ми^хаиловича всеа Великия і

Малыя и Бѣлыя Росні самодержца с нимъ Борисо" о совѣтѣ и
рѣшѣе и о скочивѣ рѣскихъ полонениковъ ...» (ССП, лл. 89–89 об.);

«...Того ж числа Бори^с съ товарищи пришли въ Хивѣ, а двор
данъ Борису с товарищи стоятъ старои хановъ со всякими покон
И того ж числа прила^а Навшеха" при^атава Хѣдабѣды к Борису с
ко^омомъ...» (ССП, лл. 17–17 об.).

«Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *хан*
отмечает впервые в значении «Азиатский владетель; вельможа» в
«Хождении за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг.: «Ханъ же
ѣздитъ на людехъ, а слоновъ у него и коніи много добрыхъ»
[Срезневский 1989, III/ 2: столб.1360].

История тюркизма *хан* привлекала к себе внимание многих
исследователей. Согласно М. Фасмеру, он восходит к «тур., уйг., чагат.
хап «хан, император» ... из *хаганъ» [Фасмер 1989, IV: 221]. По
данным Л. П. Якубинского, слово *хан* было зафиксировано впервые в
VII в., задолго до татаро–монгольского нашествия в применении к
аварскому кагану (*chaganus*); в северо–тюркских языках оно звучит
kayan. Слово *хан*, по его мнению, является стяжённой формой от *kayan*
(с исчезновением у между гласными) [Якубинский 1953: 368].

Как указывается в источниках, «первое известное использование
слова *хан*, означающего «правитель», появилось в форме слова *хаган*,
которое журанцы (предки татарских племён – Ф. Ф.) использовали для
описания своих императоров в Китае с 4 по 6 век. Следовательно,
ашина [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>] распространила этот обиход по
всей Азии во время своих кочевых завоеваний. К середине шестого
века иранцы в письменной форме упоминали некоего правителя по
имени «Каган», царя турок. Этот титул распространился на Болгарию
в Европе примерно в то же время.... Однако только после того, как
великий монгольский лидер Чингисхан сформировал Монгольскую
империю – обширное ханство, охватывающее большую часть Южной
Азии с 1206 по 1368 год, – этот термин стал популярным для
обозначения правителей обширных империй. Монгольская империя
стала самой большой территорией, контролируемой одной империей,
и Чингис называл себя и всех своих преемников Каганом, что означает
«Хан ханов» [<https://www.greelane.com/ru/what-is-a-khan-195348>].

Интересен тот факт, что по отношению к хивинским и бухарским правителям, наряду с титулом *хан*, употребляется титул *царь*, обычно применяемый только по отношению к российским правителям:

«...ско^око съ нимъ с Р⁸си пришло люде^и и ско^око Б^ухарско^и Има^ик^ули ц^рь ко г^дрю во^ины^и люде^и о^тп^усти^и и что онъ Ива^и въ Б^уха^ирскои земл^иѣ ясырю к^ипи^и...» (ССХ, лл. 54–55).

«...в Б^ухаре^и Има^ик^ули царь по пре^инему ца^иствуе^и а в Ю^игенча^и де Ис^иѣндия^и ц^рь жив а изъ Ю^игенчъ де к нимъ к т^ию^икменцо^и ю^игенски^и люде^и н^ихто не б^ива^и...» (ССПСГиАГ, л. 96).

«...а какъ нашего ца^ирского величества въ Б^ухаре^и и въ Ю^игенча^и бывали то^ирговые люди для свои^и промы^иловъ и имъ т^иѣ р^исскіе полоненики сказываютъ что отецъ тво^ий Нады^ир–Магаметъ ц^рь и дядя тво^ий Има^и–К^иули ц^рь и ты Абду^ил^и–Азиз ц^рь и ю^игенскіе прежніе ц^ри говорили имъ полоненико^и много^иды...» (ССП, л. 6).

По мнению Д. С. Кулматовой, «старый перевод титула *хан* словом *царь* опирается на длительную традицию, которая проявляется в том, что правители Золотой Орды и Крыма в древнерусских источниках назывались царями» [Кулматов 1994: 14].

Следуя установленным традициям, составитель статейного списка Бориса и Семёна Пазухиных по отношению к правителю Бухары вместо слова *хан* употребляет русский вариант *царь* – царь Абду^ил^и–Азизъ (Абду^ил^и–Азизъ, Абда–Азизъ):

«...И вамъ вы Абду^ил^и–Азизу царю, памятуя предковъ своихъ Б^ухарскихъ царей и отца твоего Нады^ир–Магамета царя съ предки нашими, великими госу^идари цари и великими князи російскими такъ же и съ отцемъ нашимъ великимъ госу^идаремъ, съ ево царскимъ величествомъ, дружбу и любовь и ссылку, къ намъ великому госу^идарю, къ нашему царскому величеству, первая своя дружба и любовь оказать» (ССП, л. 7).

ЦАРЕВИЧ. Среди перечисленных выше слов большое внимание привлекает к себе употребление слова *царевич* в текстах анализируемых нами документов. Оно в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечается впервые в значении «сынъ царя,

сынъ хана Татарского» в списке Императорской Академии Наук XV в. под 6868 (т. е. 1360 – Ф. Ф.) годом: «Бы^а мятежъ силе^а в ърдѣ, мнози црѣ повіени выша, в црѣи и црѣвичи» [Срезневский 1989, III 2: столб. 1435].

Наблюдения над употреблением слова *царевич* в текстах анализируемых нами документов показывают, что им именовались, как уже было отмечено выше, сыновья:

1) российских царей –

1.1. Михаила Федоровича – Алексей Михайлович: «...Или вѣдетъ Сентъ црѣ спроситъ, что писа^а он в грамоте в свое^а великого гдѣря црѣ и великого кнѣзя Мнѣхана Федоровича, всеа Русіи самодѣ^ажца, к сыну, ко гдѣрю црѣчию ко кнѣзю Алѣѣю Мнѣхановичю...» (ССПСГиАГ, л. 117);

1.2. Алексея Михайловича – Алексей Алексеевич, Федор Алексеевич, Иоанн Алексеевич: «...И Борисъ съ товарищи молятъ: какъ они поѣхали отъ великого госудѣря царя и великого князя Алѣѣя Мнѣхановича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣ^ажца и многихъ госудѣствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчина, и дѣдича, инаслѣдника, и госудѣря, и обладателя, отъ его царьского величества, и отъ его госудѣрскихъ благородныхъ чадъ: благовѣрного госудѣря царевича и великого князя Алѣѣя Алѣѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и благовѣрного госудѣря царевича и великого князя Феодора Алѣксѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и благовѣрного госудѣря царевича и великого князя Иоанна Алѣксѣевича...» (ССП, л. 4–5);

2) хивинского Арап-хана – Авган, Абеш и Илбарс: «...въ Юргенско^а землѣ Ѹчинила^а смѣта Ара^а хана црѣ дѣти егѡ Абеш да И^ава^асъ црѣчь, по^амали и вывели очи...» (ССХ, л. 32);

«...РѢА^а» (т. е. 131 – 1622 г. – Ф. Ф.) декабря въ •ВІ• (т. е. 12 – Ф. Ф.) ^ае приѣхалъ ко гдѣрю црѣ и великому кнѣзю Мнѣханѣ Федоровичю всеа Русіи из Бѣха^а посла^анникъ Ива^а Хо^аловъ а съ ним^а

приѣхалъ ко гѣдрю служитъ юргенского Арапа цря снѣ Ага црѣчь...» (ССХ, л. 1);

3) хивинского Исфандияр-хана — Сеит: «...въ Юргенчах юргенского Исфединара царя не стало в животе а на ево мѣсто воцарися нне въ Юргенчах снѣ ево, Исфединара царя Сеит црѣчь і владѣет де Юргенчю городо і всею своею оластною по-прежнему ка и отцъ его владѣ Исфедияр црѣ...» (ССПСГиАГ, л. 99);

4) бухарского хана Надыр Мухаммеда — Абдулазиз: «...И бухарско Надыр маме црѣ посылалъ проти нѣ камыко снѣ своего Аду-Азиза црѣча а с нимъ посылалъ воинскихъ люден тысе з два ца и камыки и киргызы бухарского цря люден побѣа многѣ а достаными с люми Адуазн црѣчь пришо в Самарха гороа назадъ...» (ССПСГиАГ, л. 142).

Изредка по отношению к сыновьям бухарского и хивинского ханов в текстах статейных списков использовалось слово *султан* (солтан, салтан):

«...и февраля въ •І• (т. е. 10 — Ф. Ф.) ле приѣхаа изъ Юргенч юргенского Сеита цря люди Назармеликъ да Соата а сказываа гѣдрву послаа ннѣ Какъ де ты, послаа ннѣ потѣха из Юргенч в Бухары, и после де тебя приходи по Хиву и зъбеко Обал-Газы соата триды дядя Сеит црю...» (ССПСГиАГ, лл. 140–141);

«...С тех мѣстъ как о Обал-Газы соата, отцу своему прежнему юргенскому црю Арапъ хану глаза выне и бы в Кызыбашах и в Камыках и многѣ де юргенскихъ люде лѣчнх поруби и в поло к себѣ поима...» (ССПСГиАГ, л. 141).

Таким образом, русским словом *царевич*, употребляемым обычно по отношению к сыновьям российских царей и татарских ханов, в рассматриваемых нами статейных списках именовались и сыновья хивинского и бухарского ханов — *султаны*.

СУЛТАН. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» слово *султан* фиксирует впервые в значении «верховный правитель, властитель в

некоторых мусульманских странах (прежде всего в Турции)» в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина под 1472 г. «На ваграмѣ а бесерменьской выехалъ сѣланъ на теферичъ, ино с нимъ 20 въазыревъ великихъ да триста слоновъ» [СлРЯ XI–XVII 2011, 29: 20].

Следует отметить, что слово *сѣлан* (солтан) употреблялось в наших источниках сугубо по отношению к сыновьям хивинских и бухарских ханов:

«...да въ Хивѣ * де присылали къ намъ Арапъ хановы дѣти Шири са^та" о^т себѣ и о^т брата своего от Ова^газы са^тана проси^т подарко^ а не да^тъ и они ево веля^т ъбити...» (ССХ, л. 15).

«...и после де тебѣ приходи^ по^ Хиву из 8^веко^ Ова^–Газы со^та" три^ды дядя Генгѣ црю а съ нимъ приходило люде^ вон^ски^...» (ССПСГиАГ, л. 141).

«...с те^мѣс^т как о^ Ова^ Газы со^та" о^цѣ своему пре^жнему ю^генскому црю Арапъ хану глаза выне^ и бы^ в Казы^баша^х и в Ка^мыка^х и многи^ де ю^генски^ люде^ лу^чи^х порѣви^и и в поло^ к себѣ пони^а да и впре^ де хоче^т при^ти по^ Хиву велики^ со^ра^емъ...» (ССПСГиАГ, л. 141).

Но необходимо заметить, что слово *царевич* со значением «сын хана Хивы или Бухары» в русских исторических лексикографических источниках, в том числе «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не отмечается. В связи с этим при переиздании этих словарей словарную статью *царевич* следует дать в следующем виде «сын царя; сын хана татарского; сын хана хивинского; сын хана бухарского».

Как видим, между словами – русским *царевич* и восточным *султан* (араб. – тур. *sultân*) [Фасмер 1987, III: 801] – появилось понятийное тождество. Но при этом по отношению к сыновьям российских царей восточное слово *султан* не употреблялось.

Проведённый выше анализ свидетельствует о том, что тексты статейных списков как одного из разновидностей дипломатических документов богаты терминами, отражающими титулы правителей России и Хивинского, а также Бухарского ханств XVII в. Каждый из них имеет свою историю и представляется ценным материалом для

изучения былого состояния языков русского и узбекского народов на определенном хронологическом срезе.

3. Названия документов

Немаловажное место в словарном составе статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в. занимают названия дипломатических документов, характеризующих особенности дипломатических связей России с другими странами, в частности Хивинским и Бухарским ханствами. Их можно распределить на две группы:

а) официальные документы правителей государств: грамота, наказ (инструкция), указ, приказ, ярлык;

б) официальные документы должностных лиц: записка, отписка, выписка, памятка, письмо, роспись, челобитная.

Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что по своей структуре и своему содержанию эти документы не одинаковы. Каждый из них имел своё назначение. Для того чтобы удостовериться в этом, обратимся к их рассмотрению с учётом сведений, содержащихся в текстах рассматриваемых нами статейных списков.

ГРАМОТА. «...А какъ де о" Ива" пришо^а пере^а цр^я, и Датха де есаб^а хотѣ^а напере^а рѣчи взяти гсѣдрвѣ грамотѣ и о" де Ива" грамоты емѣ не да^а а говори^а что напере^а он по гсѣдрвѣ ѳказѣ исправи^т цр^ю покло^а да после того пода^т гсѣдрвѣ грамотѣ...» (ССХ, л. 24).

«...А какъ де о" Ива" пришо^а пере^а цр^я, и Датха де есаб^а хотѣ^а напере^а рѣчи взяти гсѣдрвѣ грамотѣ ...» (ССХ, л. 24).

«...Грамота отъ цр^я и великаго гсѣдр^я кн^зя Алеѳея Мнха^аловича къ Калмыцкомѣ та^ашѣ Да^ачинѣ о дачѣ посла^анымъ въ Бѣха^а Борисѣ Пазѣхи^а съ товарищи провожаты^а до Бѣха^а и на возвра^атно^а пѣти до Астрахани 1669 году •КѢ• (т. е. 21 – Ф. Ф.) нюн^а...» (ССП, лл. 30–31).

Судя по материалам «Словаря русского языка XI–XVII вв.», ранние примеры употребления слова грамота «письменность, письмо, азбука» относится к X в. (898 г.) в Лаврентьевской летописи: «Симъ бо первое преложены книги Маравѣ лже презвася грамота словѣнская, яже грамота есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 119].

Интересным представляется тот факт, что в этой же словарной статье приводятся и также контексты, где выявлены другие значения этого слова: «2. То, что написано: книга, послание, надпись и т.д. 3. Грамота, умение читать и писать. ... 4. Деловой документ, акт (грамота). ... » «...книга, послание, надпись и т.д.; Грамота, умение читать и писать; Деловой документ, акт (грамота)» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 119–120].

О термине *грамота* рассуждает Д. С. Кулмаматов, указывая на то, что в нем отражён «акт, содержащий в себе официальное письменное обращение правителя какого-либо государства к должностным лицам местных учреждений и других стран» [Кулмаматов 1994: 7].

В письменных памятниках слово *грамота* встречается довольно часто. В нашем исследовании внимание сосредоточено на содержании этого термина в статейном списке посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. Анализ показал, что преимущественно термин грамота имеет значение «деловой документ, акт (грамота)» [СлРЯ XI–XVII 1977, 4: 119–120].

Однако не следует утверждать, что данный термин, сочетаясь с другими словами, не употреблялся и в других значениях. В частности, в официальном послании хивинского хана, как следует из анализа текста этого же документа, в слове *грамота* реализуется другое значение, а именно «письменное обращение» правителей:

«...Да юргенского Бента цря ближнева чавка Теми'алы аталыка в грамоте написано о' Теми'алы аталыка Онисиму Грибову...» (ССПСГиАГ, л. 99). На основе этого факта можно утверждать, что слово *грамота* в документах, составленных в царской канцелярии, употреблялось в значении «деловой документ, акт

(*грамота*)», а в документах восточного происхождения — «*письменное обращение*».

Показательным считаем употребление в текстах статейных списков не только термина *грамота*, но и терминосочетаний, преимущественно с атрибутивным распространителем: *проезжая грамота*, *государева грамота*, *присылочная грамота*, *любительная грамота*. Эти терминосочетания используются как цельные единства, обозначающие видовые наименования государственных административных документов. Например, терминосочетание *проезжая грамота* употреблено в статейном списке Бориса и Семена Пазухиных:

«... Да з Борисомъ о" великого гѣдря цѣа и великого кнѣзя Алексея Михайловича всеа великина и Малыя и Бѣлыя Росні само^еержца послана его великого гѣдря прое^зжая грамота по шаховы^м города^м...» (ССП, л. 45).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» терминосочетание *проезжая грамота* фиксирует впервые в значении «*документ на право проезда*» в Актах XIII–XVII вв., представленных в Разрядном приказе представителями служилых фамилий после отмены местничества под 1548 годом: «А что даны прежнимъ ямщикомъ наши грамоты: грамота жалованная несудимая ... да грамота про^ѣзжая о мыг^ѣхъ» [СлРЯ XI–XVII 1995, 20: 126]. В этой же словарной статье приводятся с этим же значением и другие сочетания прилагательного *проезжий* с названиями других документов: «про^ѣзжая память, про^ѣзжий лист, ярлык» [СлРЯ XI–XVII 1995, 20: 126].

Другой документ, исходящий от имени царя, — *государева грамота* — отмечается в статейном списке Ивана Хохлова:

«...А какъ де о" Ива" пришо^у пере^а цѣа, и Датха де еса^у хот^ѣа напере^а рѣчи взяти гѣдрву грамотѣ и о" де Ива" грамоты ему не да^а а говори^а что наперед о" по гѣдрвѣ ука^зу исправи^т цѣю покло^н да после того пода^ттъ гѣдрву грамотѣ и цѣю де ему грамоты в тѣ поры взят^и не велѣ^а...» (ССХ, л. 24).

В наших документах встречается еще один термин, образованный при помощи слова грамота, — присыла^нные г^дрские грамоты в значении «официальный документ, доставляемый через доверенных лиц правителя государства»: «...да Борисѹ* говори^и вли^ине^и бояри^и Ма^гама^т мазе^рвѣй диванбегі которо^и ѹ црѣ под аталыкомъ пе^рво^и члѣвкѣ по ѹказѹ^и ае црѣ нхъ Абдѹразиза и починнѹ бѹха^рско^ии^и принимае^т онѣ дива^ибегі ѹ всяки^ихъ при^иб^ижи^ихъ пословѣ і по^исланник^ие^и присыла^нные г^дрские грамоты на се^и мѣсте і о^итноситъ царю Абдѹазизе...» (ССП, л. 45).

Терминосочетание присыла^нные г^дрские грамоты в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не отмечается.

О характере взаимоотношений между правителями могут служить *любительные грамоты* — «письменные акты, подтверждающие мирные отношения, дружбу и приязнь между правителями отдельных государств» [22, 220]. Например: «...присла^и ае ва^и великні г^ддрь ко мнѣ Нады^имамѣтѹ црѹ свою любительнѹю грамотѹ и я ае Нады^имамѣтѣ црѣ вашего великого г^ддра любите^инѹю грамотѹ выслуша^и а писал де ва^и великні г^ддрь ко мне Нады^имамѣтѹ црѹ о рѹски^ихъ полонянника^ихъ и мнѣ де я Нады^имаме^т црѣ к вашему ве^икомѹ г^дрю посылаю по^ила своего лѣхкимъ дѣломъ [с] своею црѣскою грамотою о свои^ихъ бѹсѹрмана^ихъ...» (ССПСГиАГ, л. 48).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» неоднословную устойчивую формулу «любительная грамота» фиксирует впервые со значением «дружественное послание государя» в Статейном списке посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.): «Приказаль мнѣ своимъ царского величества именемъ просить у бугдыханова величества, чтобы любительнѹю грамоту и поминки принять самѣ» [СлРЯ XI–XVII 1981, 8: 326].

Как указывает И. Н. Щемелинина, анализирувавшая лексемы *любительный* и *любительно* в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», «любительная грамота —

неоднословная номинация, обозначающая тип документа, в котором выражалось дружественное намерение, подтверждение мирных/ дружественных отношений между государствами и содержалась просьба, если возникла необходимость приезда послов, купцов российских на территорию иноземных государств: «...к вашему королевскому величеству прислал свою царского величества *любительную грамоту*». Представление о типе делового документа передаёт слово *любительный*, используемое как дифференциальное в определении коммуникативной направленности документа и его задач» [Щемелинин 2016: 89].

В приведённых двучленных терминосочетаниях *государева грамота, любительная грамота, присылочная грамота, проезжая грамота, царская грамота* имена прилагательные, обладающие особой значимостью, свидетельствуют о статусе русских деловых документов XVII в.

НАКАЗ. Лингвисты, занимавшиеся изучением памятников русской деловой письменности, в частности, статейных списков российских посланников в страны Европы и Востока, указывают, что *наказ* — это один из видов русских деловых документов. Он представляет собой отчёт российских послов, составленный после их возвращения на Родину в соответствии с наказами российских царей [Сабенина 1971; Кулмаматов 1995: 59; 189]. Так что рассматриваемые нами статейные списки российских посланников в Среднюю Азию XVII в. фактически являются ответами на статьи или пункты наказа, выданные со стороны правителей Московский Руси — Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Как указывает А. А. Григорян, «первые *наказы* появились в конце XV — начале XVI вв., однако как особый документ они стали употребляться лишь в начале XVII в. Наказы издавали цари и чаще всего они адресовались послам и посланникам, приказным людям, думным дьякам и подьячим, князьям. В них нередко упоминается должностное лицо» [Григорян 2012: 60–65] по чьему наказу, кто велит, например, «...по г^дрв⁸ ц^рв⁸ і великого кн^за Ал^ек^сѣ^ѣя Мн^ха^ловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣ^ѣжца и моего велико^г г^дря нака^зу велено ис прика^зу Казанско^г

двоѣца ꙗхѣ Борисѹ да Семенѹ Па^зхины^а в Бѹхары в Ба^ххѣ в Хивѹ
и в Юргенчѣ з грамотами великого гсѣдря црѣ і великого кнзя
Алѣѣеа Мнѣх^аловича всеа Великия и Малыа и Бѣлыа Росні
самодеѣжца к А^бдаазн^з царю и ко инымъ владѣльцомъ...» (ССП, лл.
1-1 об.).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» слово *наказ* отмечает впервые в значении «предписание, письменное распоряжение» в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией под 1508 г.: «И ты бы то наше дѣло дѣлалъ по нашему наказу, какъ у тебя въ записи писано и какъ тебя богъ вразумить» [СлРЯ XI–XVII 1983, 10: 109].

Содержание анализируемых нами статейных списков лишний раз подтверждает, что в них, согласно установленным правилам наказа царей, изложены: «1) строгий маршрут поездки; 2) поручения посланникам, включая росписи подарков; 3) нормы поведения за границей, особенно этикет ведения переговоров; 4) содержание ответов на возможные вопросы принимающей стороны» [Старикова 2015: 52].

ЯРЛЫК. Этим словом обозначалось официальное послание ханов Хивы и Бухары, отправляемое правителям других государств, в том числе Московской Руси в XVII в.:

«...О^т ю^ргенского Ген^{та} царя Анисиму Гривову. Посла^а я к тебѣ свои ц^рскон я^рлыкѣ, что^е тебѣ с пристанища ко мнѣ, ю^ргенскому Ген^{ту} царю, въ Ю^ргенчи ех^{ать}, не мѣшкая, безо всякого опасе^ня. А ка^к де тебя, Онисима, вг^{дѣ} принесет^ь ко мнѣ в Ю^ргенч^ь, и я де ю^ргенско^у Ген^т царь тебѣ, Онисиму, по^а г^сдрву ка^зну и под г^сдрвы люди велю дать и^з Ю^ргенч^ь до Б^уха^р по^воды и ко^рмѣ, и провожаты^х, не мешкая. И моему бы де ца^рскому пи^иму и слову тебѣ вѣ^рить, а мы де тебя к себѣ Онисима ждаем...» (ССПСГиАГ, л. 99).

В памятниках русской письменности слово *ярлык* упоминается впервые по материалам «Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского в значении «жалованная грамота Татарских ханов» в Ярлыке хана Менгу Тимура 1267 г. (в списке): «Тако молвя, ярлык данъ

заечьего лѣта осенняго первого мѣца в ѣдѣ ветха» [Срезневский 1989: столб.1660]. В этой же словарной статье приводятся и другие значения данного слова: «договорная грамота (Татарского хана) ...; вообще грамота, письмо (отъ хана или къ хану) ...» [Срезневский 1989: столб.1660].

То, что в среднеазиатско-русских дипломатических памятниках XVII в. тюркское слово *ярлык* передавался термином *письмо*, отмечает и Д. С. Кулмаматов: «...в иноязычных оригиналах среднеазиатских деловых документов XVII в. по отношению к официальным ханским посланиям наряду с термином *يارلىق* [yārliq] употреблялись и другие слова: *خط* [haṭ] «письмо», *عنایت نامه* [‘anāyat nāmə] «милостивое письмо»». В старинных русских переводах грамот среднеазиатских ханов и челобитных их послов они переводились словом *грамота*, восходящим в свою очередь к греч. *ἰα ὑγάμμα* (форма мн.ч. от *ἰὺ γάμμα*). Таким образом, в XVII в. слово *грамота* стало обозначать официальное «письменное обращение» правителей не только российского и западных государств, но и восточных стран» [Кулмаматов 1995: 288–289].

Весьма интересный факт: в статейном списке Ивана Хохлова бухарский Недир деванбеги (начальник бухарской ханской канцелярии – Ф. Ф.) вместо русского слова *грамота* «официальный деловой документ» (в Российском государстве до начала XX в.) употребляет лексему *ярлык*, обычно обозначающую в XVI–XVII вв. «официальное послание Бухарского или Хивинского хана»: «И о" де Ива" говори" ... и по"ле де тч" говори" Неди" дүва"беги о ихъ w"пбске и о полоненикx чгw гсдрь ихъ о полоненик"бхъ я"лыкъ послааъ въ Бұхaры да гсдрь же нх Има"кб"лі" црѣ жалбѣтъ нх на дорогу на по"емъ •#Д• (т. е. 4000) ха"лыко" а 8ка" де о томъ 8 Назара Шагабла которой 8 ва" въ приставѣх а говоря де о"пүсти" егw на по"ворье и пристав8 приказа" велѣлъ бхати въ Бұхaры» (ССХ, лл. 35–36).

Это можно объяснить тем, что русское слово *грамота* и восточное *ярлык* фактически в семантическом отношении были близки, т. е. имели тождественное значение «официальное послание

правителей». И это, наверное, было известно и российским, и восточным должностным лицам – соответственно думным дьякам (дьякам) и деванбеги.

ЧЕЛОБИТНАЯ. Название еще одного делового документа – челобитная «акт, содержащий в себе просьбу или жалобу, о чем-нибудь» [Кулмаматов 1994: 7] употребляется только в тексте статейного списка Бориса и Семёна Пазухиных 2 раза: «...А посо^а де Паянди–Мамбе^т великому гс^дрю ви^а же челом^ъ а к^ъ ним^ъ присла^а челоби^тн^ю за печат^ю А к^ъ челоби^тно^и де ево написано наперед^ъ^{ае} сего к^ъ великому гс^дрю ю^рге^тского нх^ъ хана по^лы и купчинны с^ъ хановыми товары б^ъзживали и с^ъ них^ъ де таможенных пошлин не имывано...» (ССП, л. 19).

Слово *челобитная* анализировалось многими лингвистами, но оно не получает иной раз, из-за недостаточного привлечения с их стороны материалов памятников русской письменности, своего правильного объяснения с точки зрения происхождения. Это особенно касается исследований последних лет.

А. Накадзава пишет, что «на всех этапах эволюции двух этикетных формул – поклона и челобиться – наблюдается их конкуренция, особенно в XIV–XV вв., причём не только в северо-восточных памятниках, но и в новгородских берестяных грамотах» [Накадзава 2016: 677]. Но она оставляет при этом без объяснения – из какого языка и когда же все-таки проникло слово *челобитная* в русский язык? С. В. Русанова, анализируя законодательные акты XVIII в., указывает, что *челобитная* «как наименование искового заявления» была вытеснена только с конца восьмидесятых годов словом *прошение* [Русанова 2016: 715].

Как указывают Т. С. Седова и Д. В. Руднев, просительный документ в XV–XVI вв. назывался *жалобницей*, *слезницей*, в последней четверти XVI века по 1780–е годы – *челобитной*, *прошением*, с 1786 г. носит название *заявление* [Седова, Руднев 2020: 9]. И далее они пишут: «Название *челобитная* утвердилось в приказный период России. Происхождение названия возводят к сочетанию *бить челом* ‘низко кланяться’, известному в русском языке с конца XIII – начала XIV века.

По одной из версий, это сочетание является калькой с китайского языка, проникшей в русский язык через посредство тюркских, где «дословно значит ‘головой бия, делать заявление’» [Садова, Руднев 2020: 9].

Здесь они приходят к заключению, ссылаясь на статью Е. А. Чащиной «Из истории одного юридического документа» за 2011 г., не учитывая данные о происхождении слова челобитная в русском языке, содержащиеся в исследованиях, опубликованных раньше указанной работы. А сама Е. А. Чашина в ней, в частности, указывает: «Истоки этого выражения следует искать в восточных языках» [Чашина 2011: 70–74].

Американский лингвист П. Б. Голден, опираясь на славянские и тюркские источники, приходит к выводу о том, что данный оборот «восходит к китайскому *k'ou t'ou*», а к нам пришло из тюркских языков. Из старых переводов среднеазиатских челобитных XVII в. можно понять, что в тюркском оригинале русскому выражению *бить челом* соответствует словосочетание, в дословном переводе означающее «головой бия, делает заявление» [Чашина 2011: 71]. Она ссылается в последнем случае на статью Д. С. Кулмаматова «Бить челом» [Кулмаматов 1994: 109–113], где он отмечает, что «выражение бить челом, хорошо укоренившееся в русских деловых текстах XVII века, в производном слове *челобитная* (< *челобитный* < *челобитье* < *челомбитье*), как название одного из видов русских деловых памятников, нередко употреблялось в написанных арабской графикой по-тюркски и по-персидски *челобитных* хивинских и бухарских послов XVII века в виде ЧЕЛАБИТНЭ, ЧЕЛАНИНТЭ, ЧЕЛЭФИТНЭ. Это объясняется тем, что, наверное, послам была хорошо известна семантика слова *челобитная*, хотя оно ими произносилось и писалось по-разному» [Кулмаматов 1994: 112–113].

4. Предметно-бытовая лексика

Лексический состав письменных памятников, касающихся русско-восточных дипломатических связей XVII в., отражает различные стороны жизни народов России и Востока того периода.

Поэтому изучение лексических единиц этих памятников русской письменности в лингвистическом аспекте является необходимым звеном исторической лексикологии русского и восточных языков. Актуальность изучения словарного состава подобного рода источников указывалась в научных исследованиях таких лингвистов, как С. И. Котков, Л. Г. Панин, Г. Н. Лукина, И. А. Малышева, Д. С. Кулмаматов, О. О. Чупонов, О. Т. Хужанова [Котков 1980: 293; Котков 1980: 317; Панин 1985: 17–32; Лукина 1978: 221–245; Лукина 1978; Малышева 1997; Кулмаматов 1995; Чупонов 2019; Хужанова 2020]. В связи с этим изучение лексической содержательности нового круга памятников русской письменности XVII в., в частности, предметно-бытовой лексики статейных списков российских посланников в Среднюю Азию, может дать новые данные относительно истории слов различных лексических групп, употреблявшихся в русском языке указанного периода. Их можно подразделить на несколько лексико-семантических групп:

1. Названия одежды и головных уборов: *спанча* (ССХ, л. 5), *платье* (ССХ, л. 5), *портки* (ССХ, л. 5), *рубашка* (ССХ, л. 5), *шуба* (ССХ, л. 5); *кафтанъ* (ССПСГиАГ, л. 133), *кушакъ* (ССПСГиАГ, л. 133); *чалма* (*чалба*) (ССПСГиАГ, л. 133), *без шапки* (ССП, л. 47).

2. Названия тканей: *бархатишко* *хъдо* *че'вчато* (ССХ, л. 14), *дороги* (ССХ, л. 58), *зе'дене* (*зенденъ*) (ССХ, л. 58), *ки'дѣкъ* (ССХ, л. 58), *да кисею* (ССХ, л. 58), *миткале* (ССХ, л. 58); *атласъ* (*отласъ*) (ССП, л. 114 об.), *изорваф* (*изарваф*) (ССП, л. 60 об.), *ми'ка^* (ССП, л. 29 об.), *обяр золотная* (ССП, л. 29), *оховень* (ССП, л. 124 об.), *стамеду* (ССП, л. 128), *сукно* (ССХ, л. 14), *ферезь* (ССП, л. 124 об.), *шеакъ* (ССП, л. 96) и др.

3. Названия меха и кожи: *мѣха вѣ'и* (ССП, л. 114 об.), *мѣха борровые* (ССП, л. 116), *мѣха горностайные* (ССП, л. 124 об.), *мѣха зачьи* (ССП, л. 97), *шѣвы кѣ'и* (ССХ, л. 9), *пупок* (ССП, л. 115 об.), *мѣха соболян* (ССП, л. 123); *коро'а кожа* (ССП, л. 114 об.), *ко'жи оленины дѣланные* (ССП, л. 97), *потальная кожа* (покрытая тонким слоем сусального золота) (ССП, л. 115 об.).

4. Названия старинных русских мер: ба^тmano^б (манн) (ССХ, л. 14), на о^ано^м блюде (ССХ, л. 14), юк^ь дро^б (ССХ, л. 13); в мешка^х и вочка^х (ССПСГиАГ, л. 96), н^дли (СССГиАГ, л. 140); а^ршина (ССП, л. 30 об.), воза сена (ССП, л. 18), го^ах (ССП, л. 1), гривна (ССП, л. 67), день ход^б (ССП, л. 81 об.), лето (ССП, л. 1), на д^а м^сца (ССП, л. 112 об.), л^ктн^х мешко^б (ССП, л. 32), пово^зка дро^б (ССП, л. 17 об.), портиш^ь (ССП, л. 114 об.), п^уд^ь (ССП, л. 102), ф^лнт (ССП, л. 123), юфть (ССП, л. 123).

5. Названия налогов, денежных единиц, сферы торговли: ок^уп^б (ССХ, л. 36), тамга (ССХ, л. 52), для то^рг^б (ССХ, л. 76), то^рг^вые лю^а (ССХ, л. 76); золо^то^м (ССПСГиАГ, л. 133); а^лтын (ССП, л. 124), гривеник (ССП, л. 116 об.), дене^г (ССП, л. 98), р^у^б с полтиною (ССП, л. 29 об.), да по^тин^б д^нг^ь (ССХ, л. 18), р^уб^{ль} (ССП, л. 61), сере^бром^ь (ССП, л. 14), то^ва^б (ССП, л. 7 об.) и др.

6. Названия предметов быта: ведро (ССХ, л. 14), флаг^у (ССХ, л. 14), шате^р и^зба (ССХ, л. 77); вочка^х (ССПСГиАГ, л. 96), мешка^х (ССПСГиАГ, л. 96); блюдо (ССП, л. 97), б^улавки (ССП, л. 97), зеркало (ССП, л. 122 об.), иголь (ССП, л. 97), по^хо^дна^а изба (ССП, л. 15), ковра^х (ССП, л. 47 об.), на миса^х (миса) (ССП, л. 54 об.), погреве^ць (ССП, л. 116), на р^б^нд^ьке (ССП, л. 53), с^ь ковра^ми и полазы (ССП, л. 15), кости рыба^ья з^бв^ь (ССП, л. 123), се^дло и ^узда (ССП, л. 14), скатерть (ССП, л. 54), сос^бды (ССП, л. 54), ^у стола (ССП, л. 52 об.), ст^упени (ССП, л. 54), тар^бли (ССП, л. 55), фонарь (ССП, л. 61), по ча^рке (ССХ, л. 14), чаша (ССП, л. 97) и др.

7. Названия блюд, продуктов питания и напитков: мясная ^бст^ва (ССХ, л. 14), рыба «жареная сазан» (ССХ, л. 12), яишница (ССХ, л. 44); каш^ь цв^бт^ных (ССП, л. 54); леп^бшка (ССХ, л. 12), х^лб^в (ССПСГиАГ, л. 131), калачи (ССП, л. 35), яи^ць (ССПСГиАГ, л. 106), са^хары на^ряд^ные (ССП, л. 54), па^тока (ССП, л. 102), мас^ло по^сное (ССП, л. 102), мас^ло ко^ноп^ляное (ССП, л. 102), сала бара^ня (ССП, л. 170 об.), вино^град^ь (ССП, л. 102), л^бк^ь (ССП, л. 102), ^укс^ус (ССП, л. 102), па^год (ССП, л. 35), ды^ня (ССХ, л. 12), ви^но (ССХ, л. 14), пи^во

(ССПСГиАГ, л. 106), вода (ССПСГиАГ, л. 96), молоко (ССХ, л. 14), медъ (ССПСГиАГ, л. 107).

8. Названия пространств, возвышенностей, территориальных единиц и населённых пунктов: степь (ССПСГиАГ, л. 96), из үлүсов (ССПСГиАГ, л. 93), город (ССПСГиАГ, л. 106), и^х землю (ССПСГиАГ, л. 93); гора (ССП, л. 108 об.), в во^ашо^а сад^а (ССП, л. 58 об.), үрочище (ССП, л. 86), деревня (ССП, л. 107 об.), пещера (ССП, л. 108 об.), садъ (ССП, л. 104).

9. Названия сооружений и помещений: дворец (ССП, л. 84), гостинный двор (ССП, л. 93 об.), полата (ССП, л. 93 об.), на стан (ССХ, л. 54), пристанище (ССП, л. 80 об.), пристань (ССП, л. 113 об.), подворье (ССПСГиАГ, л. 131); в че^рдака^х (ССП, л. 37 об.), колодец (ССПСГиАГ, л. 96); шатер (ССПСГиАГ, л. 100), амбар (анвар) (ССПСГиАГ, л. 100), базар (ССП, л. 106 об.) и др.

10. Названия народностей и наименования жителей по городам: казаки (ССХ, л. 16); че^ркаска (ССПСГиАГ, л. 117), грүзины (ССПСГиАГ, л. 139), калмыки (ССПСГиАГ, л. 142), кыргызы (ССПСГиАГ, л. 142), нагайски^х тата^а (ССПСГиАГ, л. 138), тью^акме^ацы (ССПСГиАГ, л. 94), түркск^и (ССП, л. 75), үзбеки (ССПСГиАГ, л. 141); астраханский (ССПСГиАГ, л. 109), владимирский (ССПСГиАГ, л. 109), влцки^и (ССПСГиАГ, л. 109), казанский (ССПСГиАГ, л. 109), московский (ССПСГиАГ, л. 109), новгоро^аски^и (ССПСГиАГ, л. 109), пе^рмски^и (ССПСГиАГ, л. 109), росто^аски^и (ССПСГиАГ, л. 109), ряза^аски^и (ССПСГиАГ, л. 109), тве^рский (ССПСГиАГ, л. 109), үго^рский (ССПСГиАГ, л. 109), псковски^и (ССПСГиАГ, л. 109), ярославски^и (ССПСГиАГ, л. 109); алманъ (ССП, л. 111 об.), валховский (ССП, л. 75 об.), вашки^ацы (ССП, л. 69 об.), бұхарский (ССП, л. 71 об.), индѣицовъ (ССП, л. 111 об.), караколпаки (ССП, л. 78), персы (ССП, л. 75 об.), ү по^аского посла (ССП, л. 110), рѣски^е (ССП, л. 65), үфимский (ССП, л. 73 об.), хивн^иски^и (ССП, л. 71 об.), ю^агенский (ССП, л. 77 об.) и другие.

11. Названия водных объектов: река (ССПСГиАГ, л. 144); к че^рном^а морю (ССП, л. 77 об.), океан (ССП, л. 55 об.).

12. Названия животных и птиц: лошадь (ССХ, л. 16); аґгамаче" (ССПСГиАГ, л. 110), бабр (ССПСГиАГ, л. 111), верблюд (ССПСГиАГ, л. 103), жеревѣць аґгамаче" (ССПСГиАГ, л. 110), лисиць (ССПСГиАГ, л. 117); барановъ (ССП, л. 12 об.), звѣрка карка (ССП, л. 55 об.), лев (ССП, л. 58 об.), оґца (ССХ, л. 9), олень (ССП, л. 58 об.), слон (ССП, л. 58 об.); кречеты (кречаты) (ССХ, л. 10), иґдѣйские дроґды (ССП, л. 58 об.), птица марна (возможно, порода кур маран) (ССП, л. 58 об.) и другие.

13. Названия зерновых культур: ячмень (ССХ, л. 14), пшеница (ССПСГиАГ, л. 106), югарн (ССПСГиАГ, л. 106), пшеґно (ССП, л. 102) и др.

14. Религиозная лексика: вѣра (ССПСГиАГ, л. 136), ангелы (ССП, л. 128 об.), воґтарѣ (ССП, л. 107 об.), на лада" (ССП, л. 7 об.), мечетники книґные (ССП, л. 53), патриархъ (ССП, л. 117 об.), ү попа Ёоонасеґа (ССП, л. 70 об.), въ цркви хрґтна"ские (ССП, л. 107 об.); авыґ (ССПСГиАГ, л. 155), мѣла (ССП, л. 63), хоґн (ССП, л. 53), кѣ Бѣлыґ мечетеґ (ССХ, л. 5) и другие.

15. Военная лексика: ножъ (ССХ, л. 5), пѣшеґ и пицале" (ССХ, л. 89); рѣжѣ (ССПСГиАГ, л. 96); пехота (ССП, л. 94 об.), пицаль (ССП, л. 110 об.), сабля (ССП, л. 53 об.), саадакъ (ССП, л. 53 об.), щит вѣлаґное (ССП, л. 53 об.) и другие.

16. Названия транспортных средств: вѣса (ССХ, л. 2); подводы (ССПСГиАГ, л. 93); сѣдно (ССП, л. 109 об.).

17. Названия металлов и минералов: жеґчюґү (ССПСГиАГ, л. 144), золотоґ (ССПСГиАГ, л. 133), каменеґ бирюґ (ССПСГиАГ, л. 133); лаґрецъ окован олокоґ (ССП, л. 114 об.), сереґромъ (ССП, л. 14) и др.

Большое количество перечисленных слов употребляется в текстах и других письменных памятниках, касающихся дипломатических связей России со странами Востока XVI–XVIII вв. Об этом свидетельствуют, например, диссертационные работы О. О. Чупонова, О. Т. Хужановой и А. Э. Худайкулова, посвященные их изучению [Чупонов 2019, Хужанова 2020, Худайкулов 2020]. Поэтому мы анализируем ниже только те лексические единицы, которые не

были объектом научных исследований указанных авторов. Большое внимание привлекают к себе такие слова, как *чалма*, *аршин*, *батман*, *блюдо*, *бочка*, *ведро*, *воз*, *год*, *гривна*, *грош*, *копейка*, *күна*, *күница*, *лето*, *месяц*, *мешок*, *неделя*, *пиво*, *портише*, *фунт*, *чарка*, *чаша* (*чашка*), *четь*, *юк*, *юфть*, *яишница*, представляющие новые сведения для оценки словарного состава русского языка XVII в. Остановимся на некоторых из них.

ЯИШНИЦА – «кушанье из поджаренных яиц»: «*І велѣ (Илтизар царевич – Ф. Ф.) де емѣ Іванѣ сѣсти и принеѣли де перед црѣча •Б• (т. е. 2) блюда на ономѣ яишницѣ а на аргоу дыню а переѣ нево ѣ Івана поставили дыню * да лепешку а боши де того ѣствы и пия переѣ црѣче и переѣ нимѣ не было никакого а после того црѣче оѣбѣсти ѣво Івана на ста» (ССХ, л. 44).*

В исторических словарях русского языка, в частности «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, слово *яишница* не засвидетельствовано, но в нем фиксируется слово *яице* в Сборнике XV в. библиотеки Императорской Академии наук в значении «яйце птичье»: «*Аще ли гдѣ оуѣлѣши гнѣздо птиче пред ѡчиима своима ..., птенца или яица, ти мѣри садеть на птенцьцѣх или на яицах, да не емлѣши мѣри*» [Срезневский 1989: столб.1651].

Согласно мнению Н. М. Шанского, в слове *яйцо* «общеславянское суф. производное от *јаје, еще известного в ряде совр. слав. яз. (ср. сербско-х. јаја, в.-луж. jejo, польск. јаје и т. д.). Йот – протетический, ранее было *аје. Того же корня, что и лат. avis «птица» (ср. авиация). Яйцо – буквально значит «птичий зародыш» [<http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/index.htm>].

Итак, слово *яишница* образовано, на наш взгляд, примерно в XVII в. от слов *яице* при помощи суффикса *-ниц-*. О такой возможности есть упоминание в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова. «Яйцо – яич-к-о – яич-ник – яичник-ов-ый – яич-ниц-а – яиш-н(я) – яишенк-а – яич-н-ый – яйцевой») [Тихонов 1990: 434].

Как отмечают исследователи, «употребление [шн] на месте *чи* в старом московском произношении укрепились как черта, свойственная

значительной части русских диалектов, в особенности южнорусских. В дальнейшем под влиянием ряда факторов — правописания, значительного количества слов книжного языка, в которых на месте чн всегда произносилось [ч'н], а также под влиянием других диалектов, где также на месте чн произносилось [ч'н], — произношение [шн] в литературном языке постепенно стало вытесняться произношением [ч'н]» [<https://scicenter.online/grafika-orfografiya-fonetika-scicenter/146-sochetanie-chn-138765.html>]].

Л. А. Вербицкая «объясняет явление вариативности в произношении следующим (морфонологическим) фактором: если звук "ч", входящий в сочетание "чн", может вступать в чередование "к/ч" (в каких-либо формах этого же слова или однокоренных с ним словах), то возможно произношение "чн" (например: булоч-ная (булк-а) — "булоч/шная"); если же такого чередования нет, то возможно только произношение "шн", безо всяких вариантов (например: яйц-о — "яишница")» [https://vk.com/wall-73546564_62965].

На возможности появления вместо «ц» буквы «ш» в тексте статейного списка, наверное, сказалось то, что писец записал слово так, как он его услышал — *яишница*.

Общезвестно, что в русском языке «на стыке корня и суффикса или суффикса и суффикса сочетание чн может произноситься по-разному: 1) как [шн]: *конечно* (вводное слово), *нарочно*, *скучно*, *яичница*, *скворечник*, *прачечная*, *очечник*, *подсвечник*, *горчичник*, *полуночник*, *тряпичник*, *горячечный*, *сердечный* (друг), *шапочный* (разбор), женские отчества типа *Кузьминична*. Такое произношение было господствующим для всех слов, в структуру которых входит это сочетание. Произношение [шн] в соответствии с орфографическими сочетаниями чн было в определенных случаях присуще не только старомосковскому говору, но и, очевидно, являлось частью литературного узуса на более раннем этапе формирования (такое произношение фиксируют Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, Н. И. Греч). Однако с середины XX в. произносительная норма изменилась, и теперь произношение только с [шн] «обязательно для ограниченного списка слов» [Колесникова 2020: 98].

ЧАЛМА – «древний мужской головной убор у мусульман – длинный кусок шёлковой ткани, обернутый вокруг головы, обычно поверх другого головного убора»:

Слово *чалма* употреблено в текстах всех трёх статейных списков, анализируемых нами:

1) Ивана Хохлова: «И того де црѣва жалова"я каф"та" да кѹшацѣ Ѹ него Ѹ Івана и ны"чѣ а ча"вѹ де ѹ негѡ взя" ю"генско" црѣвчѣ Ѧвешѣ...» (ССХ, л. 30);

2) Анисима Грибова: «...и Нады"мамѣт црѣвѣлѣ" г"дрѡвѹ посла"никѹ (Онисиму – Ф. Ф.) да по"ячемѹ, да то"мачю, да снѣ" ево, Онисимовѹ, дати и" ка"ны по ка"танѹ камчатѹ да по кѹшацѹ, да по ча"ме ше"ковыѣ» (ССПСГиАГ, л. 133);

3) Бориса и Семёна Пазухиных: «И прислалѣ царь Ѧ"да Ѧзи" в то * время с пристако" БорисѸ с товарищи по ка"танѸ по челмѣ и по кѹшацѹ» (ССП, л. 60 об.).

Употребление слова *чалма* и разные его орфографические формы – ча"ва – ча"ма – че"мѣ свидетельствуют о том, что оно имело широкое распространение и зачастую употреблялось в речи.

«Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *чалма* отмечает впервые в Книге Левить по сп. XVI в. в значении «клобук»: «Чалмоу клобикѣ платѣнѣ» [Срезневский 1989: столб.1471].

М. Фасмер слово *чалма* возводит к «тур., крым.-тат., тат., караим. т., алт., тел. *čalma*» [Фасмер 1989, IV: 313].

Согласно Л. З. Будагову, «тур. چالما, چالمه [čālmā, čālmā] 1) кисея, которую обвѣртывают шапку, тюрбан (признак того, что надевающий ее был на поклонении в Мекке, – есть حاجی [hājī] или намеревается быть им. На Кавказе нередко горец, задумав ехать в Мекку, надевает чалму, принимает название хаджи, и пользуется им иногда целую жизнь, не думая исполнить своего обета, а народ смотрит на такого с глубоким уважением, как на избранника веры), چالمة چالمق [čālmā, čālmaq] обвѣртывать чалмою шапку» [Будагов 1869: 465]. Первоначально чалму носили по велению пророка Мухаммеда ибн Абдуллы все мусульмане. Но в дальнейшем её носили христиане (голубую), огнепоклонники

(красную), евреи (жёлтую) [<https://hystoryfashion.ru/golovnyie-uboryi/istoriya-chalmyi.html>].

Следует заметить, что «в арабских странах право на ношение зелёной, черной чалмы имели прямые потомки Пророка. ... В Судане распространена белая чалма. В Ираке по цвету головного убора определяют, из какого племени владелец. Чалма со временем стала предметом, который носят женщины и мужчины разных вероисповеданий, сословий, национальностей. ... Чалма в Европу была завезена в XVII веке. В первое время её носили, как элемент восточного наряда на маскарадах. Её дорого украшали, чтобы подчеркнуть знатность владельца» [<https://hystoryfashion.ru/golovnyie-uboryi/istoriya-chalmyi.html>].

БАТМАН – «мера веса (чаще всего в 10 фунтов – 4 кг.)» [Романова 2017: 66]: «при'ла^ Навшеха" (хивинский – Ф. Ф.) при'тава Хвда"ве^ды к Борису с ко^момъ и говори^ пристав что ъказа^ де Навшеха" емѸ Борису с товарищи поденногѸ кормѸ покамѣстѸ вѸдетѸ Бори^ в Хивѣ жить хлѣбо^ и столовы^мъ запасы на день по ^ватца^тѸ по пя^тѸ хлѣбо^ пшеничны^ а весѸ в хлѣбе по гриве^ке и болше дано .Г^ (т. е. 3 – Ф. Ф.) батмана пшена сорочинскогѸ а в батмане весу по .І^ (т. е. 10 – Ф. Ф.) гривенокѸ да по варану да по батману сала бара^я по батману * посного ма^ла...» (ССП, л. 17 об.).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» слово *батман* отмечает впервые в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина под 1472 годом в значении «мера веса»: «А фуники кормят животину, батманъ по 4 алтыны» [СлРЯ XI–XVII 1975, 2: 79].

Данные памятников русской письменности показывают, что слово *батман* в значении «мера веса» встречается в торговле со странами Востока.

Г. Я. Романова, специально изучавшая историю данного термина, пишет: «Восточные батманы сильно различались по весу: бухарские батманы по сведению бухарского посла в Москве (1671 г.) было весом в 11/2 пуда, т.е. более 24 кг; не позднее XVI–XVII вв. в Бухаре появилось два искусственно созданных для удобства торговли с

Россией батмана в 8 пудов и 16 пудов, из которых к н. XIX в. остался только батман в 8 пудов» [Романова 2017: 67].

НЕДЕЛЯ. Она употреблена в тексте статейного списка посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г.: «И то^амачь Ондръѣ" ездилъ въ Юргенчъ восемь ндль...» (ССПСГиАГ, л. 99).

Довольно часто встречается слово *неделя* также в статейном списке Ивана Хохлова: «А приѣхалъ царь въ Шама^аха" на дрѣго" недѣлѣ послѣ Ильина дни бѣлѣнѣ...» (ССХ, л. 29); «А шли де ѡни ѡт Ѣрѣчища ѡт Кѡпана дв Ѣрѣчища дв Шамски^а Копанѣ" .Г. (т. е. 3 – Ф. Ф.) ндлѣ...» (ССХ, лл. 72–73); «а были де ѡни Ѣ црѣ на пѣсо^астве въ Шама^аха" на Ма^аленон недѣлѣ...» (ССХ, л. 27).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» *неделя* фиксирует впервые в Пятирике Синайском под 1074 годом в значении «воскресенье»: «Въ сию недлю не проскумиса» [СлРЯ XI–XVII 1975, 1: 79]. В этой же словарной статье в значении «неделя (семидневный срок)» она отмечается в Остромировом евангелии под 1057 годом: «Въ вѣторѣньи^а •Ѣ• недѣлѣ еѡаг отъ Иоана. Остр. еѡ.» [СлРЯ XI–XVII 1986, 11: 74].

Как указывают лингвисты, слово *неделя*, состоящее из приставки *не-* и корня *дел-*, первоначально имело значение «нерабочий день, воскресенье», откуда понедельник «название следующего после воскресенья дня». И к тому же оно «считается лексической калькой с латинского *feria, diēs feriāta* или греческого *ἄπρακτος ἡμέρα* ‘проводимый в бездействии нерабочий день’» [Фасмер 1971, II: 57]. Г. Я. Романова, присоединяясь к мнению М. Фасмера, приходит к следующему заключению: «Перенос наименования с воскресенья на всю неделю, начинающуюся с воскресенья, произошёл под влиянием двойного значения греч. *ἄπρακτος ἡμέρα* ‘воскресенье’ и ‘неделя’, поскольку суббота считалась символом недели» [Романова 2017: 168].

Наблюдение над употреблением слова *неделя* в текстах наших источников показывает, что уже в XVII в. семантика его более или менее конкретизировалась, т. е. оно имело значение «единица

исчисления времени, состоящая из семи дней – от понедельника до воскресенья включительно».

ЮК – «поклажа в одной упаковке, перевозимая на спине животных» [Романова 2017: 286]. Он встречается в статейном списке Ивана Хохлова:

«...А какъ де они (Иван и посольство – Ф. Ф.) приѣхали къ горо^{мъ} къ Бѣхаромъ и встрѣти^а де ихъ а^ба" а по рѣски поса^цко" староста и постави^а ихъ на гостини^ѣ дворѣ а на приѣзде даль имъ ко^ммъ и давали день де по •І• (т. е. 10) барану да по •А• (т. е. 30) лепешокъ да пшена гривенокъ по •І• (т. е. 10) да дров по ише^чью юк^ъ на дн...» (ССХ, лл. 19–20); «и многую рѣхлядь перепи^стил и сна^ти ѱ чюны^х седѣлъ поо^брѣза^м...» (ССХ, лл. 19–20).

«Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечает юк впервые в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина под 1472 г. в значении «выюк»: «Меликтучаръ два города взялъ ..., а князеи поималъ 7 да казну ихъ взялъ: юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу да кирпичковъ, да 100 юковъ товару дорогово» [Срезневский 1989, III/2: столб.1626].

Г. Я. Романова, вслед за М. Фасмером и П. Я. Черных, указывает, что «юк считается старым заимствованием из тюркских языков (ср. тур., чагат., алт., уйгур. jük ‘груз, тяжесть’))» [Романова 2017: 286].

В статейном списке Ивана Хохлова фиксируется и другая форма рассматриваемого нами слова – *выюк*: «взяли съ рѣхляди его сывановы^х и слѣжилы^х люде" пошлени^ѣ по •АГ• (т. е. 33 – Ф. Ф.) зе^ндени со "юка да све^рхъ того ко^ммъ взяли •Б• (т. е. 5 – Ф. Ф.) рѣ^ле^с...» (ССХ, л. 58).

Согласно мнению исследователей, интересовавшихся историей слова *выюк* в русском языке, начальное протетическое «в» возникло вследствие семантического сближения («юк» с *вить* (от глагола *вити*: *вьюга*, *вьюшка*) [Преображенский 1950, 1: 106; Романова 2017: 90]. В приведённом выше отрывке из статейного списка Ивана Хохлова в сочетании слов «ише^чью юку» привлекает внимание слова «ише^чью», образованное от «ишакъ» («ишек»). «Словарь русского языка XI–XVII вв.» свидетельствует последнее слово в Книге глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих,

под 1670 годом: «Велблюдов, слоновъ, ословъ, ишаковъ, тамъ не родится» [СлРЯ XI–XVII 1979, 6: 358].

При переиздании «Словаря русского языка XI–XVII вв.», следует внести некоторую корректировку в словарную статью *ишак*, уточняя его хронологическую характеристику, так как статейный список русского посланника И. Хохлова был составлен в 1622 г.

Источники и словари

Будагов I – Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб.: Типогр. Имп. АН, 1869. – Т. 1. – 810 с.

ПРС – Персидско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1983. Т. I. – 800 с.

Преображенский I 1950 – А. Г. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1950. – Т. 1. – 674 с.

Романова 2017 – Г. Я. Р о м а н о в а. Объяснительный словарь старинных мер. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – 291 с.

СлРЯ XI–XVII вв. I – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1 – 371 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 4 – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1977. – Вып. 4. – 403 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 6 – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6. – 359 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 10 – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1983. – Вып. 10. – 328 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 11 – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1986. – Вып. 11. – 456 с.

Срезневский 1989 – И. И. С р е з н е в с к и й. Словарь древнерусского языка. – М.: «Книга», 1989. – Т. III. – Столб. 911–1684.

Тихонов 1990 – Н. А. Т и х о н о в. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990. Т. II. – 434 с.

Фасмер I – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Изд. второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I. – 576 с.

Фасмер II – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Изд. второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1986. – Т. II. – 671 с.

Фасмер III – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Изд. второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – Т. III. – 872 с.

Фасмер IV – М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Изд. второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – Т. IV. – 861 с.

Л и т е р а т у р а

Гетегежева 2013 – Ф. В. Г е т е г е ж е в а. Функциональные особенности иноязычных вкраплений в английском романе (на примере кабардино-черкесских понятий системы воспитания) // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по филологии № 8. 15 февраля 2013 г. – Астрахань: Изд. дом. «Астраханский университет», 2013. – С. 21–31.

Григорян 2012 – А. А. Г р и г о р я н. Из истории формирования и становления приказа как особого вида документа. // Русистика, 2012. – № 2. – С. 60–65.

Дроздов 2011 – Ю. Н. Д р о з д о в. Тюркоязычный период европейской истории. – М.: Ярославль: ООО ИПК «Литера», 2011. – 600 с.

Зуборева 2010 – Г. Ф. З у б о р е в а. Наименования московских царей XVI–XVII вв. (Титулярный и неофициальные названия) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2010. – № 2. – С. 79–83.

Комарова 2000 – Л. Э. К о м а р о в а. Тюменские челобитные XVII – первой четверти XVIII века как лингвистический источник: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2000. – 206 с.

Котков 1980 – С. И. К о т к о в. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: Наука. 1980. – 293 с.

Котков 1970 – С. И. К о т к о в. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1970. – 317 с.

Котков 1964 – С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 3–13.

Кулмаматов 1994 – Д. С. Кулмаматов. Бить челом. – М.: Наука, 1994. – № 1. – С. 105–109.

Кулмаматов 1995 – Д. С. Кулмаматов. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ, 1995. – 37 с.

Лукина 1978 – Г. Н. Лукина. Названия одежды в древнерусском языке XI–XIV в. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 221–245.

Лукина 1990 – Г. Н. Лукина. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. – М.: Наука, 1990. – 180 с.

Мальшева 1997 – И. А. Мальшева. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Текст. – Хабаровск: Изд-во Хабаровского пед. ун-та, 1997. – 182 с.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР // Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. – Л.: Наука, 1932. – Вып. 3. – Ч. III. – 504 с.

Накадзава 2016 – А. Накадзава. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.: Росток, 2016. – Т. 64. – С. 653–678.

Панин 1985 – Л. Г. Панин. О разрыве смысловой связи между лексико-семантическими вариантами слова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 17–32.

Русанова 2016 – В. Русанова. Термины «челобитная» и «прошение» в законодательных актах XVIII в. // Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2016. – Т. 1. – № 3. – С. 705–716.

Сабенина 1971 – А. М. С а б е н и н а. Статейные списки и их значение для истории русского языка. // Русский язык Источники для его изучения. – М.: Наука, 1971. – С. 59–84.

Садова, Руднев 2020 – Т. С. С а д о в а, Д. В. Р у д н е в. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Научный журнал. – Петрозаводск, 2020. – Т. 42. – № 5. – С. 8–14.

Сергеев 1971 – Ф. П. С е р г е е в. Русская терминология международного права XI–XVII в. – Кишинёв: Картя молдовеняскэ. 1971. – 220 с.

Ситкевич 2014 – Ю. В. С и т к е в и ч. Эволюция титулатуры московских князей в практике отношений со странами Центральной и Восточной Европы (последняя четверть XV–первая четверть XVI в. // Журнал международного права и международных отношений, 2014. – № 4. – С. 33–37.

Колесникова 2020 – М. К о л е с н и к о в а. Современный русский язык. – М.: «Юрайт», 2020. – Т. 1. Фонетика. Орфография. Лексикология. Словообразование. Учебник и практикум для вузов / Под ред. М. Колесниковой. 2-е изд., переработанное и дополненное. – 383 с.

Старикова 2015 – Г. Н. С т а р и к о в а. Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность. // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2015. – № 1 (33). Филология. – С. 51–65.

Федосеева 1990 – Н. Н. Ф е д о с е е в а. Глосса // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Худайкулов 2020 – А. Э. Х у д а й к у л о в. Английские заимствования в деловых документах русского и узбекского языков (истоки и современное состояние): Автореф. дисс. ... д-ра философ. (PhD) по филол. наукам. – Ташкент, 2020. – 54 с.

Хужанова 2020 – О. Т. Х у ж а н о в а. Восточные экзотизмы в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII вв.: Автореф. дисс. ... д-ра философ. (PhD) по филол. наукам. – Ташкент, 2020. – 49 с.

Чашина 2011 – Е. А. Ч а щ и н а. Из истории одного юридического документа. // Русский язык в школе. – М., 2011. – № 1. – С. 70–74.

Чупонов 2019 – О. О. Ч у п о н о в. Язык Посольских книг по связям России с Хивой Бухарой в XVII в.: Автореф. дисс. ... д-ра наук (DSc) по филол. наукам. – Ташкент, 2019. – 62 с.

Шаймерденова 1997 – Н. Ж. Ш а й м е р д е н о в а. Глоссы как феномен текста. – Алматы: БОРКИ, 1997. – 156 с.

Щемелинина 2016 – И. Н. Щ е м е л и н и н а. Любительный, любительно в сочинении Г.Котошихина // Русская речь. – М.: Наука, 2016. – С. 87–91.

Якубинский 1953 – Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

<http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/index.htm>

<https://hystoryfashion.ru/golovnyie-uboryi/istoriya-chalmyi.html>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

<https://scicenter.online/grafika-orfografiya-fonetika-scicenter/146-sochetanie-chn-138765.html>

https://vk.com/wall-73546564_62965

<https://www.greelane.com/ru/what-is-a-khan-195348>

https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/File/66-93.pdf

Faizova Feruza Shakirovna

National University of Uzbekistan

(Tashkent, Uzbekistan)

faizova_feruza@mail.ru

LEXICAL PECULIARITIES IN THE ARTICLE LISTS OF THE RUSSIAN MESSENGERS TO CENTRAL ASIA OF THE XVII CENTURY

Annotation. The article deals with the content of the texts of the article lists of Russian envoys to Central Asia in the 17th century, which predetermines their lexical content. It is rich in composition, diverse and reflects the thematic diversity of documents. They contain a considerable

number of lexical units of a diplomatic, subject-everyday, commercial and onomastic nature, both of Russian and foreign origin.

Key words: article lists, officials, titles, business documents, everyday vocabulary.

References

Getegezheva 2013 – F. V. G e t e g e z h e v a. Funktsional'nyye osobennosti inoyazychnykh vkrapleniy v angliyskom romane (na primere kabardino–cherkesskikh ponyatiy sistemy vospitaniya) // Osnovnyye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii. Sbornik nauchnykh trudov po filologii № 8. 15 fevralya 2013 g. – Astrakhan': Izd. dom. «Astrakhanskiy universitet», 2013.

Grigoryan 2012 – A. A. G r i g o r y a n. Iz istorii formirovaniya i stanovleniya prikaza kak osobogo vida dokumenta. // Rusistika, 2012. – № 2.

Drozdo 2011 – YU. N. D r o z d o v. Tyurkoyazychnyy period yevropeyskoy istorii. – M.: Yaroslavl': OOO IPK «Litera», 2011.

Zuboreva 2010 – G. F. Z u b o r e v a. Naimenovaniya moskovskikh tsarey XVI–XVII vv. (Titulyariy i neofitsial'nyye nazvaniya)/ Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 2010.

Komarova 2000 – L. K o m a r o v a. Tyumenskiye chelobitnyye XVII – pervoy chetverti XVIII veka kak lingvisticheskiy istochnik: Avtoref. diss ... kand. filol. nauk. – Tyumen', 2000.

Kotkov 1980 – S. I. K o t k o v. Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. – M.: Nauka, 1980.

Kotkov 1970 – S. I. K o t k o v. Ocherki po leksike yuzhnovelikorusskoy pis'mennosti XVI–XVII vv. – M.: Nauka, 1970.

Kulmatov 1994 – D. S. K u l m a m a t o v. Bit' chelom. – M.: Nauka, 1994. № 1.

— Kulmatov 1995 – D. S. K u l m a m a t o v. Sredneaziatskiye dela Posol'skogo prikaza kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka: Avtoref. dis ... d-ra filol. nauk. M.: MPGU, 1995.

Lukina 1978 – G. N. L u k i n a. Nazvaniya odezhdy v drevnerusskom yazyke XI–XIV v. // Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka. M.: Nauka, 1978.

Lukina 1990 – G. N. L u k i n a. Predmetno-bytovaya leksika drevnerusskogo yazyka. M.: Nauka, 1990.

Malysheva 1997 – I. A. M a l y s h e v a. Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVIII veka kak ob"yekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya. Tekst. Khabarovsk: Izd-vo Khabarovskogo ped. Un-ta, 1997.

Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenskoy SSR // Trudy Istoriko – arheograficheskogo instituta i Instituta vostokovedeniya. – L.: Nauka, 1932. – Vyp. 3.

Nakadzava 2016 – A. N a k a d z a v a. K probleme proiskhozhdeniya i evolyutsii etiketnykh formul «poklon» i «chelobit'ye» v Drevney Rusi // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury / Rossiyskaya Akademiya nauk. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom). – SPb.: Rostok, 2016. – T. 64.

Panin 1985 – L. G. P a n i n. O razryve smyslovoy svyazi mezhdru leksiko–semanticheskimi variantami slova // Russkaya leksika v istoricheskom i sinkhronnom osveshchenii. – Novosibirsk: Nauka, 1985.

Rusanova 2016 – V. R u s a n o v a. Terminy «chelobitnaya» i «prosheniye» v zakonodatel'nykh aktakh XVIII v. // Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / otv. red. N. N. Kazanskiy. – SPb.: Nauka, 2016. – T. 1. – № 3.

Sabenina 1971 – A. M. S a b e n i n a. Stateynnye spiski i ikh znachenije dlya istorii russkogo yazyka. // Russkiy yazyk Istochniki dlya yego izucheniya. – M.: Nauka, 1971.

Sadova, Rudnev 2020 – T. S a d o v a, D. V. R u d n e v. Iz istorii russkikh prositel'nykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt // Uchonyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyy zhurnal. – Petrozavodsk, 2020. – T. 42. – № 5.

Sergeyev 1971 – F. P. S e r g e y e v. Russkaya terminologiya mezhdunarodnogo prava XI–XVII v. – Kishinov: Kartya moldovenyaske, 1971.

Sitkevich 2014 – Yu. V. S i t k e v i c h. Evolyutsiya titulatury moskovskikh knyazey v praktike otnosheniy so stranami Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy (poslednyaya chetvert' XV–pervaya chetvert' XVI v.

// Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy, 2014. – № 4.

Kolesnikova 2020 – M. K o l e s n i k o v a. Sovremennyy russkiy yazyk. M.: «Yurayt», 2020. T. 1. Fonetika. Orfografiya. Leksikologiya. Slovoobrazovaniye. Uchebnik i praktikum dlya vuzov / Pod red. – M. Kolesnikovoy. 2-ye izd., pererabotannoye i dopolnennoye.

Starikova 2015 – G. N. S t a r i k o v a. Posol'skiye otchety XVII v.: zhanrovoye raznoobraziye, lingvisticheskaya sodержatel'nost'. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk, 2015. – № 1 (33). Filologiya.

Fedoseyeva 1990 – N. N. F e d o s e y e v a. Glossa // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Pod red. V. N. Yartsevov. – M.: Sov. entsikl., 1990.

Khudaykulov 2020 – A. E. K h u d a y k u l o v. Angliyskiye zaimstvovaniya v delovykh dokumentakh russkogo i uzbekskogo yazykov (istoki i sovremennoye sostoyaniye): Avtoref. diss. ... d-ra filosof. (PhD) po filol. naukam. – Tashkent, 2020.

Khuzhanova 2020 – O. T. K h u z h a n o v a. Vostochnyye ekzotizmy v pamyatnikakh russkoy delovoy pis'mennosti XVI–XVIII vv.: Avtoref. diss. ... d-ra filosof. (PhD) po filol. naukam. – Tashkent, 2020.

Chashchina 2011 – Ye. A. C h a s h c h i n a. Iz istorii odnogo yuridicheskogo dokumenta. // Russkiy yazyk v shkole. – M., 2011. – №1.

Chuponov 2019 – O. O. C h u p o n o v. Yazyk Posol'skikh knig po svyazyam Rossii s Khivoy Bukharoy v XVII v.: Avtoref. Diss. ... d-ra nauk (DSc) po filol. naukam. – Tashkent, 2019.

Shaymerdenova 1997 – N. Zh. S h a y m e r d e n o v a. Glossy kak fenomen teksta. – Almaty: BORKI, 1997.

Shchemelinina 2016 – I. N. S h c h e m y e l i n i n a. Lyubitel'nyy, lyubitel'no v sochinenii G.Kotoshikhina // Russkaya rech'. – M.: Nauka, 2016.

Yakubinskiy 1953 – L. P. Y a k u b i n s k i y. Istoriya drevnerusskogo yazyka. – M.: Uchpedgiz, 1953.

<http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/index.htm>

<https://hystoryfashion.ru/golovnyie-uboryi/istoriya-chalmyi.html>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

<https://scicenter.online/grafika-orfografiya-fonetika-scicenter/146-sochetanie-chn-138765.html>

https://vk.com/wall-73546564_62965

<https://www.greelane.com/ru/what-is-a-khan-195348>

https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/File/66-93.pdf

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Раздел первый	
Кулмаматов Д. С. Восточные реалии в среднеазиатских делах Посольского приказа XVII в.	6
Раздел второй	
Чупонов О. О. Лексическая содержательность посольских книг по Связям России с Хивой и Бухарой XVII в.	34
Раздел третий	
Худайкулов А. Э. Англицизмы в текстах современной русской деловой письменности (XXI в.)	75
Раздел четвёртый	
Хужанова О. Т. Экзотическая лексика памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв.	109
Раздел пятый	
Фанзова Ф. Ш. Лексические особенности статейных списков российских посланников в Среднюю Азию XVII в.	157

**Д.С.КУЛМАМАТОВ, О.О.ЧУПОНОВ, А.Э.ХУДАЙКУЛОВ,
О.Т.ХУЖАНОВА, Ф.Ш.ФАИЗОВА**

**ЛЕКСИКА РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ:
ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ**

МОНОГРАФИЯ

Редактор А.М.Хусейнов

Подписано в печать 06.01.2023г. Формат 60х84 ¹/₁₆
Учет.изд.листов 12,5. Усл.печат. лист 12,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 26. Цена договорная.

Издательство “Университет”, Ташкент 100174
ВУЗ-городок, НУУз им. М.Улугбека, Административное здание.
Отпечатано в типографии НУУз им. М.Улугбека

ISBN 978-9943-9011-3-1

9 789943 901131